

Академия наук СССР

**Советские
этнографические исследования**

**ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУР
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

**Редакция
„Общественные науки и современность“**

Академия наук СССР
Институт славяноведения и балканстики

Серия
„Советские этнографические
исследования”, 1

ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУР
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Редакция „Общественные науки и современность”
Москва 1987

Редакционный совет:

акад. П.Н. ФЕДОСЕЕВ (председатель совета),
чл.-корр. АН СССР И.Р. ГРИГУЛЕВИЧ (зам. председателя);
члены совета: акад. Г.А. АРБАТОВ, акад. В.Г. АФАНАСЬЕВ,
акад. О.Т. БОГОМОЛОВ, акад. Ю.В. БРОМЛЕЙ,
акад. В.А. ВИНОГРАДОВ, чл.-корр. АН СССР В.В. ВОЛЬСКИЙ,
к. филос. н. М.П. ГАПОЧКА, акад. Д.М. ГВИШИАНИ,
чл.-корр. АН СССР А.Н.А. ГРОМЫКО, д.э.н. И.Е. ГУРЬЕВ,
чл.-корр. АН СССР Е.И. КАПУСТИН, д.и.н. Б.И. КОВАЛЬ,
чл.-корр. АН СССР И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО, д.и.н. Г.Д. КОМКОВ,
д.и.н. И.И. КОСТЬЮШКО, к.и.н. Д.В. КУЗНЕЦОВ,
д.и.н. В.А. КУМАНЕВ, акад. Д.Ф. МАРКОВ, Н.И. МАСЛОВА,
д.филос.н. Х.Н. МОМДЖЯН, д.филос.н. М.П. МЧЕДЛОВ,
акад. А.Л. НАРОЧНИЦКИЙ, акад. Б.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
акад. Е.М. ПРИМАКОВ, д.филос.н. В.С. СЕМЕНОВ,
чл.-корр. АН СССР Т.Т. ТИМОФЕЕВ, акад. С.Л. ТИХВИНСКИЙ,
чл.-корр. АН СССР В.Г. ТРУХАНОВСКИЙ,
чл.-корр. АН СССР З.В. УДАЛЬЦОВА,
чл.-корр. АН СССР И.Т. ФРОЛОВ, акад. Т.С. ХАЧАТУРОВ,
д.и.н. С.С. ХРОМОВ, В.С. ШАПОШНИКОВ,
чл.-корр. АН СССР Ю.С. ШИРЯЕВ, В.А. ЕГОРОВ (отв. секретарь).

Редакторы-составители: доктор филологических наук В. Злынцев, Ю. Ритчик.
Редактор В. Цыганков.

Публикуется на русском и английском языках.

Перепечатка разрешается с письменного согласия редакции.

Адрес редакции: СССР, 121818, Москва, Арбат, 33/12.

И $\frac{4402000000-051}{042(02)-87}$ 333-87 (III)

© "Общественные науки и
современность", 1987

СОДЕРЖАНИЕ

В. Злыднев, Ю. Ритчик	Введение	5
Д. Марков	О комплексном изучении культуры славянских народов и ее мировом значении	7
В. Королюк	У истоков славянской общности	14
Н. Толстой	Роль язычества в славянской культурной традиции	21
Ю. Смирнов	Славянский зпос в семье европейских эпосов	26
В. Иванов	Реконструкция дописьменной истории древней славянской культуры	31
Г. Литаврин, Д. Ангелов	Славяне и Византия	36
Ю. Асеев	Киевская Русь. Древние традиции славянской культуры	43
И. Миллер	Культура и национально-освободительные движения славянских народов	50
В. Злыднев, А. Мыльников	Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов (XVIII в.–70-е годы XIX в.)	55
С. Никольский	Славянские литературы эпохи национального Возрождения	69
Ю. Ритчик, Л. Софронова	Культурно-исторический аспект изучения театра славянских народов	79
Б. Краснобаев	Русская культура второй половины XVII–начала XIX в. в контексте общеевропейской культуры	86
Д. Пихачев	Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры?	92
Г. Вервес	Связи и взаимодействия славянских национальных культур	96
М. Ешич, М. Кузьмин	Развитие культур славянских народов после второй мировой войны	103

C. Шерлаимова	Историзм в современных славянских литературах	109
Л. Смирнов	Демократизация славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований	114
С. Марцелев	Развитие белорусской советской культуры	119
И. Бэлза	Славяне и Запад	124
О. Сулейменов	Славяне и Восток	130
И. Пименова	Распространение славянских культур и новый информационный порядок	136
Ю. Ритчик	Советские ученые и международное сотрудничество в области изучения славянских культур	140
	Библиография	154
	Авторы сборника	156

ВВЕДЕНИЕ

Развитие современной науки, будь то естественные, технические или общественные дисциплины, невозможно без тесного взаимодействия, обмена опытом и достижениями, совместных исследований и серьезного диалога между учеными различных стран мира. Интенсивное международное сотрудничество ученых, всемерное развитие их профессиональных и личных контактов в значительной мере способствует укреплению взаимного доверия, служит взаимопониманию между народами.

Ярким примером плодотворности такого сотрудничества является совместная работа ученых — представителей более чем 20 стран в реализации Проекта Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) "Изучение славянских культур". Он возник как насущная потребность общественности разных стран в ознакомлении и восприятии духовных ценностей славянских народов, созданных ими на разных этапах исторического развития. Поэтому в Проекте оказались заинтересованными не только деятели науки, культуры, искусства славянских стран, но и широкие круги общественности неславянского мира, для которых знакомство со славянскими культурами превращается в открытие неповторимого и разнообразного духовного богатства.

Проект был утвержден XVI сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже в 1970 году по инициативе социалистических стран, а его успешная реализация привела спустя шесть лет к созданию Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). На "лицевом счету" ассоциации, возглавляемой со дня ее основания известным советским ученым академиком Дмитрием Марковым, ряд крупных конференций, симпозиумов и выставок, десятки разнообразных публикаций, документальные кинофильмы, а главное — активная работа ее участников по популяризации того громадного вклада, который внесли славяне за свою многовековую историю в духовную и художественную сокровищницу человечества.

Большая заслуга в эффективной деятельности МАИРСК принадлежит советским ученым, работающим в ней с момента ее возникновения. Их представляет в МАИРСК Советский комитет по изучению и распространению славянских культур. Советские слависты были организаторами таких крупных международных форумов, как Киевская конференция 1979 года "Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст" и Минская конференция 1982 года "Славянские культуры и мировой куль-

турный процесс". Они выступили авторами специального номера журнала "Курьер ЮНЕСКО", посвященного славянской истории и культуре, написали ряд книг для серии "Выдающиеся деятели славянской культуры", издаваемой в Париже на западных языках, выпускают Информационный бюллетень МАИРСК, являющийся координирующим фактором всей работы ассоциации. Многие книги и статьи советских ученых в международных изданиях, для которых характерен комплексный подход к изучаемой проблематике, стали отражением современного состояния мировой славистики, стремящейся к глубокому научному освещению широкого круга вопросов истории культуры славянских народов.

В предлагаемый читателю сборник включены статьи советских авторов, посвященные принципиальным теоретическим и методологическим проблемам изучения историко-культурного процесса славян, опубликованные в изданиях МАИРСК и ЮНЕСКО и вызвавшие большой интерес научной общественности. Собранные воедино, эти работы позволяют полнее представить актуальные проблемы современной славистики, достижения советских ученых в их разработке. Сборник завершает статья о вкладе советских ученых в международное научное сотрудничество в рамках ЮНЕСКО и МАИРСК, а также библиография основных работ советских авторов в области истории славянской культуры за последние десять лет.

Составители надеются, что настоящее издание будет полезно широкому кругу лиц, интересующихся многообразной и яркой культурой славянских народов.

В. Злыднев, доктор филологических наук,
Ю. Ритчик, ученый секретарь Советского
комитета по изучению и распространению
славянских культур

О КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И ЕЕ МИРОВОМ ЗНАЧЕНИИ

Дмитрий Марков,
академик

Известно, что в современной науке идут споры о самом понятии культуры. Существует множество ее дефиниций. Это естественно, ибо культура — сложный многосоставной комплексный феномен, не поддающийся однозначным определениям. Дискуссии такого рода, очевидно, будут продолжаться, в них заключен свой позитивный смысл: они связаны с поисками исходных посылок и общих критерий для характеристики явления, что, безусловно, очень важно. Нужно только не оставаться исключительно в рамках этих бесконечных баталий по поводу дефиниций.

В связи с этим хотелось бы заметить, что существующий опыт изучения культуры независимо от того, что еще нет единого обще-приемлемого ее определения, дает, на мой взгляд, вполне реальную возможность видеть и анализировать ее развитие как в национальных рамках, так и в мировом масштабе. Каковы же пути такого анализа?

Важнейшим, своего рода исходным принципом изучения культуры представляется принцип ее исторической (диахронной) и синхронной (структурной) типологии. В этом принципе заложены основы подлинно научного подхода к культуре: он позволяет увидеть ее как комплексную целостность, увидеть различные ее типы в историческом развитии общества и далее их внутреннюю дифференциацию, общность и национальную специфику, проявляющуюся в многообразных формах.

В общеметодологическом плане такой подход к явлениям культуры опирается на учение К. Маркса о социально-экономической формации, в котором обоснованно раскрывается единство, в сущности, типология всемирно-исторического процесса, включающего, несомненно, и производство духовных ценностей. Такая типология оправданна, так как речь идет об общих закономерностях, присущих разным странам и народам.

В качестве примера рассмотрим переход от феодальных порядков, от религиозного мировоззрения к светскому образу жизни, к капиталистическим отношениям, который одновременно был переходом от одного типа культур к другому. Новое состояло в том, что центром внимания стал человек в его связи с объектив-

ными обстоятельствами, человек с его реальными чувствами. Эта новая эпоха, названная Возрождением, проявлялась у разных народов в разное время и в специфических формах, вместе с тем она несла в себе и общие черты. Ее начало в Европе — итальянский Ренессанс (XIV в.), представленный творчеством Дж. Боккаччо, Т. Тассо, Ф. Петрарки, великим изобразительным искусством. В XV—XVI вв. Возрождение охватывает все крупные страны Западной Европы. Вершинные имена в литературе — Шекспир, Сервантес, Рабле. В России не было периода Возрождения, подобного западноевропейскому. Но несомненно ренессансные черты русской культуры эпохи петровских времен.

Возрождение у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе славянских, имело свои отличительные особенности. У одних народов оно начиналось раньше (в XVI в.), у других позже, но повсюду наиболее интенсивно протекало в XVIII—XIX вв. В целом это был процесс, связанный, как и на Западе, в социально-историческом плане с периодом перехода от феодализма к капитализму, — процесс формирования наций, национального самосознания, национальных культур, национальных литературных языков.

Именно это составляло пафос деятельности всех представителей культуры, которые, вполне естественно, опирались на богатый опыт Западной Европы. Влияние Запада было благотворным, ибо оно содействовало включению народов указанного региона в мировой историко-культурный процесс. В то же время культура этих народов все более формировалась как национально-самобытная, вносящая свой вклад в сокровищницу мировой культуры. Этому способствовало обращение передовых культурных деятелей к народным истокам, к фольклору, о чем свидетельствуют многочисленные факты творческого развития многих писателей, музыкантов, живописцев.

Отметим и то, что большинство славянских народов в период, о котором идет речь, не имели национальной независимости. Их Возрождение означало активную борьбу за такую независимость, и это придавало всему движению особую направленность, определившую содержание передовой культуры. Известно, что движение здесь не могла возглавить национальная буржуазия, как это было в Западной Европе. Его возглавили другие социальные силы (например, шляхта в Польше), проявлявшие непоследовательность в борьбе против феодального уклада. Но передовая их часть сближалась с народом, становилась выразительницей общенародных идеалов и настроений. Немалое число деятелей Возрождения открыто делало ставку на крестьянство, выступавшее хранителем национальных традиций, прежде всего народного языка и фольклора, что имело в тот период особо важное значение.

То обстоятельство, что народы упомянутого региона не имели национальной самостоятельности, делало культуру особо значимым фактором, она играла огромную роль в их общественной жизни. Именно в сфере культуры решались многие вопросы национально-

го развития этих народов. И вполне естественно, что объединяющей основой всех видов развивавшейся тогда передовой культуры была национально-патриотическая идеология.

Следуя упомянутым выше принципам исторической и структурной типологии культуры, подчеркнем, что внутри культуры Возрождения, глобально охарактеризованной нами как противостояние Культуре средневековья, происходила глубокая дифференциация – выкристаллизовывались ее отдельные сферы. Закономерен этап рационалистического мышления, связанный с периодом Просвещения. Затем шел процесс формирования мышления художественного. Именно в эпоху Возрождения сформировалась и достигла высокого уровня развития национальная художественная культура, которая в свою очередь включала дифференцированные специфические области – литературу, изобразительное искусство, театр и т.д.

Все это – типологические процессы культурного развития, проявлявшиеся, разумеется, в конкретно-национальных формах, разновременно и в Чехии, и в Польше, и в других славянских землях Центральной и Юго-Восточной Европы. Обобщенная характеристика этих процессов, несомненно, представляет большой научный интерес.

Я не буду описывать отдельные факты и явления славянских национальных культур. Остановлюсь лишь на некоторых вопросах с общеметодологической точки зрения.

В период, о котором мы говорим, в литературе и искусстве развиваются различные художественные направления: классицизм, близкий просветительско-рационалистическим концепциям, сентиментализм, романтизм, реализм. Иногда эти течения переплетались. В некоторых странах, например в Болгарии, сильно выражена краткость их проявления, недифференцированность, даже накладывание одного на другое, что, конечно, объясняется особыми историческими условиями. И не случайно среди болгарских ученых и сегодня идут споры о своеобразии указанных течений.

Очень характерным для времени был романтический тип художественного обобщения, достигший в отдельных национальных культурах уровня общемировых классических форм. Высочайшим завоеванием романтизма является литературное творчество Мицкевича, музыка Шопена, поэзия Махи.

В романтизме нашли свое отражение и чувства национальной общности отдельных народов, и обостренное чувство ценности человеческой индивидуальности, ее внутреннего мира.

Иногда мы встречаемся с параллельным проявлением романтизма и реализма, как это было, например, в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Нередко видим и своеобразное соединение романтизма с реализмом. Углубление социального анализа в творчестве художников вело к утверждению реалистического метода изображения жизни. И интересно наблюдать, как, скажем, в революционной поэзии Христа Ботева реализм сплавлен с романтизмом – романтизм способствовал яркому выражению революционного идея-

ла. И здесь хотелось бы отметить следующее.

Известно, каких больших высот достиг реализм в художественной культуре славянских народов XIX в. — в области литературы, живописи, театра, музыки. Если иметь в виду, например, только одну из сфер, скажем русскую литературу, достаточно назвать имена Пушкина и Тургенева, Гоголя и Лермонтова, Достоевского и Толстого. И задача состоит в том, чтобы показать мировое значение славянских культур. Но какие здесь действуют критерии? Это важный теоретико-методологический вопрос, и на нем необходимо заострить внимание.

Иногда в качестве критерия мирового значения тех или иных явлений культуры выдвигается их известность среди иностранных читателей. Такой критерий, безусловно, важен, но вряд ли можно считать его главным и тем более единственным: известность произведений не всегда совпадает с их объективным историческим и художественным значением. Слависты хорошо знают, что, например, произведения крупнейших русских писателей начала XIX в. становились известными во Франции, Италии и других странах Западной Европы десятки лет спустя после их появления в России. Но объективный исследователь не станет судить о мировой литературе первой половины XIX в. без учета деятельности Пушкина и Лермонтова, Гончарова и Гоголя, Герцена и Белинского и других великих славянских писателей.

Известна огромная роль западноевропейской культуры в развитии культуры мировой, в том числе и в развитии славянских культур. И мы стремимся объективно показывать эту роль. В то же время антиисторической представляется позиция западноевропоцентризма, иногда проявляющаяся и в наши дни. Такая позиция далека от объективной науки, она не сообразуется с фактами реальной истории, не считается с судьбами целых народов и потому не может быть принята.

У нас уже есть значительные исследования, в которых поставлен и решен ряд важных методологических проблем, связанных с изучением мировой культуры или ее отдельных сфер. Своебразным синтезом достигнутого и обобщенной характеристикой путей и методов исследования, например, мировой литературы является интересная книга И. Неупокоевой "История всемирной литературы. Проблемы сравнительного и системного анализа" (Москва, 1976).

Наиболее объективной, подлинно научной представляется точка зрения, рассматривающая мировую культуру в связи с поступательностью историко-культурного развития человечества, определяющей содержание прогресса культуры. Но каковы критерии этой поступательности и, следовательно, прогресса? Здесь, конечно, следует говорить о комплексе факторов. Однако главный критерий прогресса культуры — гуманизм, понятый в его историческом развитии и всесторонне раскрываемый средствами различных видов культуры как процесс развития и проявления истинной сущности человека в его общественной, духовной и нравственной жизни. Конечно, глубина такого раскрытия различна, культурные ценности

разномасштабны по значению, и это определяет степень их участия в общемировом прогрессе культуры.

Данная точка зрения позволяет увидеть, что каждый народ, каждая нация вносят свой вклад в сокровищницу мировой культуры, которая именно с этих позиций и может быть объективно исследована.

Вклад славянских народов в мировую культуру неоценимо богат во все исторические периоды. Обращаясь к древней истории славян, вспомним подвижническое дело великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия — эпохальное значение создания славянской письменности; назовем такие государственные формирования, как Киевская Русь и Великоморавское княжество. Эти древние славянские государства обладали огромным политическим и моральным весом среди близлежащих стран не только в силу своего военного и экономического могущества, но и благодаря высокоразвитой, многообразной и самобытной культуре. Вспомним такой великий памятник гуманизма, как древнерусское "Слово о полку Игореве". Средневековую культуру Европы невозможно представить себе без сербского эпоса, без идей гусизма в Чехии и богоильства в Болгарии, без Мариацкого костела в Кракове, без мозаик Софийского собора в Киеве и фресок болгарской Боянской церкви, без архитектурных ансамблей старой Праги и Московского Кремля, без "Троицы" Андрея Рублева.

Ярким своеобразием отличается Просвещение у славян, без его учета не может быть полной картины общеевропейского Просвещения.

Исключительного размаха достигают славянские культуры в уже упомянутую нами эпоху формирования наций. Культура выступает в качестве важнейшего фактора славянского Возрождения. Говоря о бурном расцвете славянских национальных культур в XIX в., необходимо вообще подчеркнуть характерную связь культурного процесса в славянских странах с передовыми общественно-политическими, национально-освободительными движениями. Так, свободолюбивая лирика Пушкина в той или иной мере отражает идеологию декабристов. Широко известная борьба чехов за создание самостоятельного Национального театра в Праге, проходившая под лозунгом "Народ — себе" в 50—70-х годах XIX в., была прямым следствием и выражением подъема национально-освободительного движения в стране. Выдающиеся писатели Болгарии Х. Ботев и Л. Каравелов были в то же время общественными деятелями, непосредственными участниками всенародной борьбы за свободу и национальную независимость.

Все это придавало славянским культурам своеобразие, определяло их особое место в сокровищнице мировой культуры.

Широко известно, какую огромную роль в мировой культуре играли и продолжают играть, например, славянские литературы. Творчество Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского и Чехова, безусловно, оказало глубокое влияние на мировой ли-

тературный процесс. Крупнейших писателей выдвинула польская литература – достаточно назвать Мицкевича, Словацкого, украинская – назовем Шевченко. Вслед за этими именами можно назвать немало других, имеющих свое место в общем процессе культурного развития.

Говоря о славянской живописи XIX в., вспомним выдающихся русских художников от Брюллова до Репина, исторические полотна польского художника Я. Матейко. По сей день миллионы людей восхищаются медальонами курантов Пражской ратуши, созданными И. Манесом в 60-е годы.

Необычайных высот достигает и музыка. Глинка, Шопен, Чайковский, Сметана и другие выдающиеся славянские композиторы принадлежат не только своей национальной, но, несомненно, и мировой музыкальной культуре.

В области театрального искусства также есть много значительных явлений. Известны имена знаменитых драматических актеров, певцов и целых школ. Бессспорно, например, новаторское мировое значение Московского Художественного театра, созданного крупнейшими театральными деятелями и режиссерами К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко.

Особенно большие задачи стоят перед нами в изучении славянских культур XX в. Ведь идет последняя его четверть. Это век глубоких общественных преобразований. Как историки и историки культуры, мы всегда говорим об огромном значении для XVIII в. французской революции. Величайшим событием XX в. является Октябрьская революция, внесшая глубокие изменения в жизнь народов и их культуры. К сожалению, однако, встречаются необъективные оценки тех новых процессов в мировой культуре XX в., которые, как известно, с особой силой проявились в современной культуре славянских народов. Все мы стремимся к научной объективности, а научная объективность означает соответствие наших выводов фактам и явлениям реальной истории, которую невозможно игнорировать.

Реальная история говорит о том, что в XX в. сформировалась культура нового типа – социалистическая. В ее создании участвовали и участвуют многие народы мира. Она имеет уже более чем столетнюю историю: у ее истоков – чартистская поэзия в Англии, творчество поэтов "Новой Рейнской газеты" в Германии, деятельность писателей Парижской коммуны. В самом начале XX в. принципы нового типа культуры нашли свое яркое выражение в творчестве М. Горького. Во все последующие годы, включая и наши дни, культура эта получила широкое развитие, она давно утвердилась как глубоко новаторская прежде всего по восприятию мира, по характеру гуманизма, по принципам изображения человека нового, исторически сложившегося мироощущения. Мимо ее высоких достижений не может и не должен пройти ни один объективный исследователь.

Как уже подчеркивалось, мы рассматриваем культуру как феномен комплексный, и она требует к себе комплексного подхода.

В понятие культуры входят просвещение, наука, художественная культура. В свою очередь, если возьмем только художественную культуру, мы видим в ней ряд дифференцированных сфер: литературу, живопись, театр, музыку, архитектуру. Эта дифференциация настолько глубокая, что каждая из указанных сфер имеет и свою науку. Принципы комплексного изучения культуры состоят в том, чтобы видеть и ее исторические типы как определенные целостности и вместе с тем видеть внутри их отдельные сферы, а в этих отдельных сферах — художественные индивидуальности, стили, жанры и т.д.

Определяя общность, мы в то же время никоим образом не должны нивелировать специфику каждой из этих сфер.

Конечно, дело это трудное. О методологии и методике комплексного исследования культуры я уже высказывался в ряде ранее опубликованных работ*. Проведение таких исследований основывается на интеграции разных наук. Опыт наш на этом пути еще невелик, поэтому Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) в соответствии с общей направленностью ее деятельности вносит свой вклад в развитие этих исследований.

---

*См., например: Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. М.: Наука, 1983. 237 с.

У ИСТОКОВ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Владимир Королюк,
доктор исторических наук

Роль славянских племен в Великом переселении народов II—VII вв. н.э., когда под натиском варваров была уничтожена рабовладельческая Римская империя, а на ее руинах и пепелищах возникла феодальная Европа, была велика.

Византия, бывшая Восточная Римская империя, омолодилась, идя навстречу новому, феодальному, европейскому строю. В Восточной Европе, где славяне жили издавна, а также в Европе Центральной и Юго-Восточной, прочно освоенной ими после Великого переселения народов, славянские племена двинулись по пути феодализации. Появились славянские государства и славянские народности.

Уровень хозяйственной жизни славян достиг общеевропейского прежде всего в области аграрного производства и жизни города. Стали развиваться центры ремесла и торговли. Именно в X—XI вв. уровень развития материальной культуры славян сравнялся с уровнем развития соседних народов Западной и Юго-Восточной Европы. А это означает, что славянские народы выступали в качестве равноправного и равноценного создателя нового европейского общественного строя.

Главную роль в Великом переселении народов играли кочевники: сарматы, гунны, авары. Во всех древних письменных источниках красноречиво описываются многочисленные походы кочевников: падают римские валы, идут осады, бежит население из провинций Римской империи, попадая в руки завоевателей. Речь идет прежде всего о Юго-Восточной Европе. В результате, по словам очевидцев, орды кочевников разорили римские провинции, превратили их в пастбища, а часть местного населения попала к кочевникам в рабство.

Сама система хозяйства кочевников не могла существовать без земледелия. Попытка связать кочевников с земледелием была предпринята, когда авары утвердились в Паннонии в VI в. Трудом славянского земледельческого населения, кровью воинов-славян, включенных в военную орду, была создана грозная и беспощадная держава — Аварский каганат.

Государства кочевников могущественны, но недолговечны. Угне-

тение славян аварами привело к мощному восстанию славян, возглавленному Само (622–623). Борьба со славянами и франками вызвала упадок аварской державы: в 803 г. франкский император Карл Великий окончательно побеждает каганат. Авары политически перестали существовать.

Только народы-земледельцы, какими с древних времен были славяне (небольшая часть их занималась пастушеством), могли участвовать в создании феодальной Европы. Системы хозяйства земледельцев и кочевников оказались несовместимыми в течение длительного времени, по крайней мере на территории Европы. Что касается пастушества, то оно существовало в Европе всегда — и в древности, и в средние века, однако в ходе социально-экономического развития пастушество вовлекалось в орбиту земледельческого хозяйства.

В отличие от аваров и ряда других кочевников судьба таких кочевых народов, как протоболгары и венгры, оказалась иной, но все же связанной, безусловно, с развитием славян. Протоболгары растворились в земледельческом обществе славян, а венгерский этнос, включив в себя земледельческий элемент славян и переняв их опыт, вошел в европейскую историю как земледельческий народ.

К начальным векам нашей эры относятся первые свидетельства письменных источников, которые уже позволяют в самых общих чертах представить себе ареал расселения славян, охватывающий обширные пространства Восточной и частично Центральной Европы. С этого момента и до эпохи Великого переселения народов идет уже непрерывный ряд сообщений, из которых наиболее интересны приведенные в сочинениях двух историков VI в. — гота Иордана и византийца Прокопия из Кесарии.

Территория Центральной и Восточной Европы в сочинениях античных авторов делилась на два географических региона — Германию и Сарматию. В каком же из них жили славяне? Ряд античных авторов, а вслед за ними и византийцы относили славян к региону Сарматии (или Скифии), но более осведомленные современники высказывали иные суждения.

Так, знаменитый римский историк I в. н.э. Тацит четко отделял славян от жителей Сарматии, руководствуясь при этом отчасти хозяйственным критерием. “Однако, — писал он, — их (венедов — славян. — В.К.) скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и причем с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне”.

Причины этих колебаний в оценках, видимо, связаны с тем, что славяне обитали в особом регионе, — на стыке Германии и Сарматии, где скрещивались культурные влияния западных и восточных народов. В этом регионе — лесной и лесостепной зоне Восточной Европы и отрогов Карпат — славяне обитали совместно с балтами, предками современных латышей и литовцев, на что указывает, в частности, особая близость славянских и балтских языков.

Ареал славян, по сообщениям историков VI в., очерчивается еще более определенно. Это огромная территория от Балтийского моря до Карпат и Днепра и даже до Дона и тех мест, где Дон впадает в "Меотийское болото" (Азовское море).

Недавно были открыты не только памятники земледельческого быта, но и произведения ремесла. Была установлена связь славянских центров (городища или грады) с очагами ремесла. Заслуги украинских и польских археологов велики. Их открытия позволяют теперь проследить непрерывное развитие материальной культуры славян на протяжении многовекового периода от начала нашей эры до X–XI вв. На всей этой огромной территории и на протяжении столь длительного периода при наличии локальных вариантов наблюдается принципиальная однородность материальной культуры, и в этом нельзя не видеть одно из проявлений славянской этнической общности.

О единстве славян говорят и сообщения письменных источников. Названия славян в этих источниках различны. В наиболее подробных свидетельствах VI в. главных названий два: анты и склавены. Это большие военно-политические объединения славян во главе со знатью и вождями – воеводами (или князьями). Анты, несмотря на некоторое их отличие от склавенов (прежде всего в типах керамики и характере городищ VI в.), были, безусловно, родственны склавенам во всех отношениях: по общему образу жизни, внешнему виду и языку.

Вторжения в ареал славян готов, гуннов, аваров нарушали славянское единство, отделяя одних славян от других, но при этом сохранялась все же общность языка, обычая и хозяйственных основ жизни, а также языковая и брачная (в том числе свадебный обряд) непрерывность славян – тот инструмент, с помощью которого этнос сохраняет и утверждает себя. Племенная общность славян опирается на их языковую и брачную непрерывность.

Свидетельства античных писателей ясно говорят и о единстве мифологических верований славян – в языческих мифах славян выражалось мифологическое самосознание этноса. "И во всем остальном у обоих этих варварских племен (антов и склавенов. – В.К.) вся и жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды" (Прокопий из Кесарии).

К сожалению, восстановить систему мифологических верований славян источники во многом не позволяют. Иерархия богов – олицетворений природы – сохранилась в описании реформы великого киевского князя Владимира (X в.). Перун – бог грома и молнии, податель живительного для природы и посевов дождя (бог Стрибог схож с Перуном), он – главный бог; Хорс и Дажбог – боги "утренней зари" и солнца; Волос, или Велес, – "скотий бог", бог животноводства и пастушества; Мокошь, видимо, богиня плодородия, а также прядения, ткачества и т.д. По данным латинских

хроник и археологических раскопок XI–XII вв., на территории лютичей и западного Поморья системы языческих богов представляются несколько иначе, хотя основа и та же.

Следы многих верований сохранились в славянском фольклоре. Их много: вилы, берегини – духи лесов, гор, и прежде всего рек и озер, т.е. воды; Ярило – божество, приносящее плодородие и связанное с весной; Купала, видимо, солнечное божество, а духи – "род", "роженицы", "деды", "щуры", "чуры", "дзяды", "домовой" и т.п. – это умершие предки славянского патриархального рода, а позже – патриархальной семьи. Но структура языческих славянских мифов была разрушена с появлением христианства.

Правда, некоторые языческие культуры и ритуалы христианство поставило себе на службу. Тем самым отдельные пласты религиозных воззрений древних славян сохранились в рамках господствовавшей в средневековье христианской идеологии.

Единство верований, языковая и брачная непрерывность, общность материальной культуры – вот ряд объективных показателей существования славянской общности.

Только локализация славян (венедов) в античном картографическом источнике (Певтингеровы таблицы) позволяет говорить о перемещении славян в III в. на юго-запад. Огромная волна славян устремилась в Центральную и Юго-Восточную Европу только в V–VII вв. Славяне оседали на Балканах, Динаридах, в Корнийских и Юлийских Альпах, в Дунайском бассейне на территории, примыкавшей на западе к реке Лабе.

Судьба Восточной Римской империи решилась в ее столкновении со славянами в ходе Великого переселения народов на территории Юго-Восточной Европы в VI–VII вв. Рабовладельческая Восточная Римская империя превратилась в Византию – средневековое феодальное государство. Но вернемся к антам и склавенам. Из показаний Иордана и Прокопия из Кесарии яствует, что анты и склавены были равновеликим фактором процесса перемещения славян в Дунайский бассейн и на Балканы. Оба эти родственных по языку и обычаям объединения племен, несомненно, обладали развитым этническим самосознанием. Но когда славяне на последнем этапе Великого переселения народов появились и утвердились на территории Юго-Восточной Европы, имя склавенов распространилось на весь славянский мир, название же "анты" исчезло.

Причину этих перемен следует искать во взаимоотношениях славянских племен с окружавшим их миром. Импульсом для дальнейшей консолидации славян явилось то, что к имевшей место конфронтации с германцами, финнами и кочевыми племенами добавилась и выдвинулась на первый план борьба и конфронтация славян с Восточной Римской империей. Славянский этнос сконсолидировался, славянское этническое самосознание возросло.

Перелом в развитии славянского этнического самосознания, который выразился в появлении общего наименования для всех славянских племен, падает на VI–начало VII в. Антитеза "мы – они"

(советский академик Ю.В. Бромлей отмечает что антитеза зарождается не в глубине этноса, а в приграничье) превращается в антитезу "славяне — ромеи", славянское население земледельцев и пастухов противостоит ромеям под властью императоров.

Под покровом славянской общности начинался сложный процесс образования трех ветвей славянства — восточной, южной и западной, развивавшихся в разных исторических, географических и экономических условиях. Шел процесс слияния коренного местного населения со славянами в различных регионах. Одновременно начинался процесс образования славянских государств и народностей. Славяне твердо стали на путь феодализма.

Безусловно, славяне, оседавшие на территориях Византийской империи и в контактной зоне, опережали в своем развитии славян, оставшихся жить в коренных областях. В этих районах Центральной и Юго-Восточной Европы впервые сложились государства: Первое Болгарское царство и Великая Моравия. Только в X—начале XI в. все области славянского мира достигли одинаково высокого уровня развития.

Самым крупным славянским государством была Киевская Русь. Раннефеодальные государства — князья, знать, княжеские и боярские дружины, духовенство — могли жить за счет крестьянского труда.

Последние исследования показали, что именно в заключительный период Великого переселения народов славянские племена не только в лесостепных, но и в лесных районах решительно переходили к пашенному земледелию.

Садоводство и огородничество (были известны культуры бобов, гороха, чечевицы, мака, репы, выращивались морковь, чеснок, огурцы, яблоки и груши) сохраняли свое значение в хозяйстве славян. Дополнительное питание крестьянам давали бортничество и рыболовство, широко распространенное собирание ягод, грибов и кореньев.

Развитие пашенного земледелия с применением домашнего скота в качестве тягловой силы предполагает видную роль животноводства в хозяйстве у славян. Для пахоты употребляли волов и лошадей. Коровы и свиньи составляли важную отрасль в хозяйстве славян. Разведение коз и овец связано, конечно, с земледелием, но прежде всего с пастушеством в Карпатах и на Балканах.

Вот что отмечал в "Записках о славянах" арабский путешественник и купец Ибрагим Ибн-Якуб, побывавший в Центральной Европе в 996 году: "Населяют они (славяне. — В.К.) области, наиболее богатые продуктами питания, с особым усердием занимаются земледелием и поисками средств к жизни, в чем они намного превосходят другие народы".

Три цикла: земледельческие обряды и обычаи, животноводческие, а также обычаи и обряды, имеющие отношение к магии брака и плодородия, — эта триада прямо относится к труду и быту славянского крестьянства.

Славянские города – центры ремёсла и торговли – появились в VIII–IX вв. Расцвет болгарского города падает на X в. (в начале XI в. Византия подчинила Болгарию, процесс развития южнославянских городов временно затормозился). Развитие городов у восточных и западных славян продолжалось в X и особенно в XI в. Города укреплялись валами, рвами и башнями. Особенно укреплялись ворота – пути из города.

Сооружение укреплений велось славянами. Отдельные специальности представляли металлурги, кузнецы, слесари, оружейники, гончары, стекловары, каменщики и даже сапожники и башмачники. Токари, бондари, колесники обрабатывали дерево. Ювелирное искусство было высоко развито у славян. Русские изделия, особенно русские стальные клинки, кольчуги, золотые изделия с эмалью и резьба по кости, попадали на восточные и западные рынки. Они высоко ценились.

В целом главным для городов была степень их связи с формирующимся локальным рынком, способным потреблять производимую городскими ремесленниками продукцию. Появление и рост городов у славян – свидетельство быстрого развития, начавшегося значительно ранее процесса отделения ремесла от земледелия. Города с большим населением ремесленников и торговцев, связанных с транзитными путями купцов-иностранных, превращались в крупные торговые и дипломатические центры.

В Прагу и Волин, Киев и Новгород прибывают иностранные посольства и миссионеры. Иностранные купцы приезжают и продают свои товары, покупают местные: ткани, драгоценные камни, серебро, ювелирные изделия и пряности в обмен на меха и ремесленные изделия.

Транзитные пути идут от Каспийского моря по Волге к Новгороду и Балтике. Пути "из варяг в греки" и от Киева на Krakow, Prahu и Regensburg были очень оживленны. Речь – арабская, греческая, немецкая, варяжская и, конечно же, славянская – звучала на торгах в княжеских дворах и усадьбах знати в Киеве, Новгороде, Смоленске. Приблизительно такая же картина и в городах южных славян. В городах Далмации, где население было романо-славянским, сильно заметен элемент купцов-итальянцев.

Крупные славянские города, где уже имелись очаги образованности, где исполняли саги и песни о князьях и их подвигах, где при дворах звучали былины, были, конечно, центрами культуры (здесь развивались архитектура, живопись), и прежде всего письменности.

Создание славянской письменности и общеславянского литературного языка (деятельность Кирилла и Мефодия, IX в.) было важным проявлением общеславянской культурной общности в период раннего средневековья, хотя в силу исторических условий славянская письменность сохранилась и продолжала развиваться прежде всего у южных и восточных славян. Открытые советскими археологами

грамоты на бересте — важнейший показатель высокого культурного уровня древнерусского общества, достигнутого в значительной мере благодаря существованию славянской письменности.

В отличие от общности, формировавшейся на основе процессов глоттогенеза (языковая, например романская, общность), на основе общности религии или типа хозяйственной жизни, славянская общность была этнической и основывалась на земледельческой системе хозяйства. Именно поэтому славянская общность очень быстро окрепла в раннем средневековье и продолжала быстро развиваться в дальнейшем.

РОЛЬ ЯЗЫЧЕСТВА В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Никита Толстой,

член-корреспондент АН СССР

Как видно из ряда работ последних лет, в области славянского этногенеза достигнуты значительные результаты как в отношении методологии исследования, так и фактографии и интерпретации исторического процесса формирования славян как этнического целого. Наибольших результатов, безусловно, добилась археология, решавшая как проблемы прародины славян, так и их древнейшей материальной и частично духовной культуры (похоронный обряд и т.п.). Однако этногенез славян не ограничивается этими вопросами, и если смотреть на всю проблему или, лучше сказать, на всю дисциплину славянского этногенеза (славянской этногенезологии) шире, то, помимо задачи выявления славянской прародины, стоят задачи определения всего праславянского и даже "дославянского" существования в целом, т.е. материальной и духовной культуры праславян и протославян (славяно-балтов и индоевропейцев). Именно так широко понимал научную цель Любор Нидерле и стремился к ней в своих фундаментальных работах. Но после выхода их в свет прошел большой срок, возрасла дифференциация наук о славянских древностях, и вновь возникла необходимость их нового синтеза.

Серьезным препятствием для синтеза на новой основе тем не менее оказывается недостаточная изученность сферы древней славянской духовной культуры, вызванная не только отсутствием должного внимания к этой важной и традиционной области славистических знаний, но и рядом исследовательских недочетов, прежде всего методологического и теоретического порядка.

Надо надеяться, что диспропорция в изучении славянской материальной и духовной культуры – явление временное. Об этом свидетельствует появление в последние годы ряда крупных работ по мифологии и язычеству древних славян Г. Ловмянского, Б. Рыбакова, В. Иванова и В. Топорова, Б. Успенского, А. Гейштора и др.¹ Серьезно ставится вопрос о формах (обрядовых, фольклорных, социально-бытовых, художественно-изобразительных) славянского язычества, т.е. дохристианской системе представлений – религиозно-мифологических, естественно-космологических, социально-этических, аграрно-магических и т.п.

Этнограф С. Арутюнов в рецензии на книгу Б. Рыбакова "Язы-

чество древних славян” предлагает под язычеством понимать “тот комплекс религиозных представлений, истоки которого сформировались вместе с развитием производящего хозяйства, т.е. земледелия и скотоводства, в одном из его первичных очагов, а именно переднеазиатском, и были в дальнейшем теснейшим образом связаны с этнокультурной историей прежде всего индоевропейских, а также иберийско-кавказских, семито-хамитских и, по-видимому, также финно-угорских народов. Здесь мы встречаемся с проявлением ряда идей, частично восходящих к некоторым общим истокам, частично же обусловленных взаимными связями и контактами в ходе дальнейшего развития”². Таким образом, многие так называемые первобытные религии и верования, скажем австралийских аборигенов, или ацтеков, или синтоизм и т.п., не следует считать язычеством.

При всей спорности такого положения оно конструктивно и обладает по сравнению с другими подходами рядом преимуществ, так как требует от исследователя серьезных ограничений, которые не признала тейлоровско-фрэзерская школа и которые обеспечивают последовательный историко-генетический и ареалогический подход к фактам, подход, подобный тому, который фундаментально разработан и функционирует в языкоznании. Лингвистика опирается на историко-генетическую и ареалогическую иерархию фактов и методов, соблюдая, как правило, постепенность отбора и интерпретации материала, идя от частных славянских, в некоторых случаях локально-диалектных систем, к общеславянской (в историческом аспекте к праславянской), а затем через балтийско-славянское или какое-то иное звено к индоевропейскому и далее, возможно, к ностратическому. Такая иерархия “лингвистик” при всей ее условности и гипотетичности сочетается с иерархией исследуемых ареалов (современных или исторических), строящейся по принципу от меньшего ареала (меньших ареалов) к большему, более крупному ареалу (большим ареалам), от регионов диалектных к регионам языковым и интеръязыковым (надъязыковым).

Все эти “лингвистические” положения применимы к исследованию древней славянской духовной культуры, которое из-за отрывочности, неполноты и просто малого числа исторических свидетельств и памятников должно в основном опираться на современный материал (материал XIX–XX вв.), на историческое прочтение современного диалектного народно-культурного ландшафта, на метод реконструкции, основанной на ретроспекции, которую русский этнограф Д. Зеленин назвал попросту способом “пятиться раком... в глубь истории от нового к старому”³.

Нам уже приходилось указывать на одно принципиальное различие в исторических исследованиях древней славянской материальной и духовной культуры, на разницу в характере материала и фактов, которыми пользуется археолог, с одной стороны, и лингвист и этнограф – с другой. Археолог, обращаясь к предметам, относящимся преимущественно к материальной культуре, оперирует элементами (“осколками”, “кирпичиками”), которые не надо реконструировать,

а нужно интерпретировать, т.е. датировать, соотнести с целым и этнически атрибутировать. Исследователь древней культуры (этнограф)⁴, так же как лингвист и фольклорист, должен восстанавливать сами "кирпичи" и способ их кладки и приурочивать их к определенному периоду, в то время как вопрос этнической атрибуции для отдельно позднего (предславянского) периода не ставится, так как он при применении ретроспективного метода ясен⁴. Важно, что и в том и в другом случае и археологами, и этнографами-культурологами, и лингвистами может быть использован массовый материал, поддающийся территориальной и временной абсолютной и относительной паспортизации.

Особенностью славянской народной духовной культуры вообще и славянского язычества в частности, во многом отличающей их свойства от свойств культуры материальной, является способность духовной культуры эволюционировать и обогащаться по принципу сюжета русской народной сказки: "Терем-теремок! Кто в тереме живет?" — т.е. развиваться и пополняться новым, не отказываясь от старого. Новое вытесняет старое лишь частично, фрагментарно, сосуществует с ним, прибавляется к нему, дополняет его. На это давно было обращено внимание, но существенно, что эта особенность духовной культуры в различных, даже довольно мелких этнических зонах проявляется по-разному, в разных вариантах, с разной степенью сохранности реликтов то в одних, то в других культурных и фольклорных зонах, равно как и в разных уровнях и категориях языка. Эта неравномерность развития и обеспечивает обилие разнородного материала, сохраняющего "окаменелости" не только из разных сфер духовной культуры, но и на разных этапах ее исторического развития.

Такой подход требует особого внимания к диалектным фактам традиционной славянской духовной культуры, создания диалектных, моноэтнических общих или специально-отраслевых словарей этой культуры, атласов и региональных фольклорно-этнографических серий, для которых материал был бы собран, изложен и комментирован по заранее установленной и выработанной программе⁵.

Все это может значительно расширить источниковедческую базу и позволит подойти к проблеме древней славянской духовной культуры во всей ее полноте. При этом и такие частные, но чрезвычайно популярные и многократно обсуждаемые вопросы, как вопрос о характере киевского и поморского пантеонов (в основном об этимологии названий и функции богов Перуна, Велеса, Хорса, Мокоши, Святовита, Триглава и др.) или связанный с ним более новый вопрос о сущности "основного мифа" у славян (борьба громовержца с противником) при обращении к массовому "диалектному" материалу, к современным народным свидетельствам о славянских мифологическо-метеорологических представлениях, об аграрных культурах, о культе растений и животных, получат, надо полагать, иную оценку и иное место в общей системе славянских древностей. До тех пор пока сбор массового материала возможен, его следует интенсивно проводить и на него опираться, так как он может служить одним из

надежных критериев достоверности отрывочных фактов, зафиксированных разнородными историческими и филологическими памятниками, достоверности отдельных гипотез, наконец, он является основным источником для реконструкции исконного состояния.

Реконструкция древней славянской духовной культуры, ее системы и инвентаря существенна и сама по себе для расширения наших исторических познаний, направленных в глубь веков, и как система отсчета, как "исходная модель" при изучении истории славянской духовной культуры. К примеру, когда В. Пропп решал вопрос о происхождении отдельных фольклорных жанров, в частности волшебной сказки, он указывал на обрядовые корни, обрядовую основу этого жанра, но считал, что изучение обрядов и их происхождения—дело не фольклориста, а этнографа⁶. Как бы то ни было, но без установления исходной основы, пусть даже весьма гипотетической и достаточно абстрактной, трудно систематизировать и организовать материал, демонстрирующий историю и раннее развитие славянской духовной культуры. Лингвисты эту истину осознали давно, выдвинув не в качестве рабочей гипотезы, а в качестве рабочего инструмента положение о прайзыке и создав грамматику прайзыка, которая вкупе с праславянским лексическим фондом позволяет нам не только четко устанавливать систему соответствий генетически родственных языков, но и воспринимать во многих случаях этот язык как реальность, заниматься даже реконструкцией фрагментов его текста.

Славянское язычество существенно и интересно для науки не только само по себе как форма и система культурных ценностей древних славян (praslawyan), но и как важный компонент культуры последующих эпох, как генетическая основа славянской народной культуры и фольклора. Без этого компонента, который в древнейший период занимал основные позиции, а затем постепенно оттеснялся на периферию культуры "книжной", культуры элитарного характера, и в то же время становился составной ее частью, нельзя понять до конца всего процесса культурного развития славян и всего механизма взаимодействия славянской культуры с культурами неславянскими.

Так, к примеру, если принять предлагаемую проф. Г. Роте, кстати, весьма условную периодизацию истории славянской культуры, точнее славяно-западноевропейских отношений, и выделять в этой истории четыре (хотя их могло быть и больше и они могли быть иного плана) кульминационных момента, четыре "вершины культурного развития" славян и их взаимодействия с европейскими неславянскими культурами: 1) в IX в. в лице так называемых "славянских апостолов"; 2) в XIV в. через древнечешскую литературу; 3) во время Ренессанса в XVI–XVII вв. через культуру поляков и хорватов; 4) в XIX в. через польский, русский, чешский и сербский романтизм, то нельзя не учесть и не признать, что "поразительная быстрота достижения" вершины культурного развития, так же как и общеславянский характер этой культуры, во многом определялась высоким уровнем и общегенетическим характером славянской народной бесписьменной (или дописьменной) культуры. Деятельность "славянских апосто-

лов" и христианизация славян наславивалась и налагалась на прочный фундамент славянской народной культуры, которая довольно ярко проступает и в древнечешской литературе XIV в. (ср. "Хронику" Далимила, позже сочинения гуситов и др.), и в эпоху славянского Ренессанса XVI–XVII вв. (ср. идеи, мотивы, формы польского "сарматизма" и хорватского "илиризма" той же эпохи), и особенно в период славянского романтизма XIX в. (ср. интерес Гете и братьев Гримм к сербскому эпосу, отношение к народному началу в творчестве Мицкевича и т.п.). Именно элементы народной культуры в сочетании с другими культурными компонентами создавали "самостоятельность" или самобытность европейской культуры славян (славянского региона) и препятствовали возникновению в их среде локальной замкнутости и оторванности друг от друга.

Исследование славянского язычества, помимо всего прочего, убедительчо показывает, что процесс культурного взаимодействия и обмена славян с неславянскими народами и соседями с запада и востока плодотворно и почти непрерывно протекал задолго до христианизации и появления книжной культуры в славянской среде и у многих ближайших соседей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Lowmiański H. Religia i jej upadek. Warszawa, 1979; Kulišić S. Stara slovenska religija u svjetlu novih istraživanja posebno balkanoloških. Sarajevo, 1979; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981; Gieysztor A. Mitologia Słowian. Warszawa, 1982.
- ² Советская этнография, 1982, № 4, с. 155.
- ³ Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии, Петроград, 1916, с. 16.
- ⁴ Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры. — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
- ⁵ Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры. — В кн.: Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. М., 1978; они же. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей. — В кн.: Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. М., 1983.
- ⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 14.

СЛАВЯНСКИЙ ЭПОС В СЕМЬЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЭПОСОВ

Юрий Смирнов,
кандидат филологических наук

Под славянским эпосом мы подразумеваем систему эпических песен, принадлежащих всем трем языковым группам, главным образом южным и восточным славянам, и сходных между собою по многим элементам повествования и поэтики. Общеславянский сюжетный состав образует множество эволюционных форм — сотни версий и подтипов, десятки сюжетных типов; в фонд типических мест входят многие десятки одинаковых или сходных описаний атрибутов и действий персонажей и т.д. Есть серьезные основания полагать, что многие эпические сюжеты, типические места, формулы, устойчивые словосочетания, эпитеты, другие элементы поэтики и некоторые виды стиха имеют свои истоки в общем наследии, усвоенном и перерабатывавшемся на протяжении веков каждым славянским народом. Однако во всех ли случаях обнаруживаемого сходства между эпическими песнями славянских народов можно утверждать, что сходство обязано своим происхождением общеславянскому населению? Всегда ли общеславянские сходства имеют праславянские корни? Определенные ответы может дать лишь сравнение общеславянских сходств в виде конкретных славянских форм с текстами других европейских народов, в первую очередь индоевропейских.

По богатству и разнообразию сюжетов славянский эпос не имеет себе равных в Европе, уже поэтому он несомненный эталон, без контрольного привлечения текстов которого исключены реальные сопоставительные исследования европейских эпосов. Но какими должны быть цели таких сравнительных исследований? Одна из них названа выше — обнаружение праславянских эпических сюжетов, и она, бесспорно, покажется своеокрытной, если результат сравнительного анализа видеть только с одной, со славянской, стороны.

Сопоставление славянского эпоса с неславянскими приобретает научную и культурную значимость при условии, что оно проводится на тех же методических основаниях, что и сопоставление эпосов одних славянских народов. Оно должно проводиться по предельно широкому кругу текстов (или их составляющих), системно и на базе эволюционных изменений текстов, ибо только эволюционная соотносимость фольклорных произведений позволяет опознавать природу сходства текстов, бытующих у разных народов.

Естественно, что для сравнения нужно располагать прежде всего сопоставимыми корпусами достоверных текстов. В отношении славянского эпоса мы близки к этому. Уже теперь мы в состоянии показать общеславянский характер десятков сюжетных типов и их эволюционных форм, мы уже знаем фонд общеславянских типических мест и ряда других составляющих текст элементов. Этого, к сожалению, нельзя сказать в отношении эпических традиций народов Западной Европы. Вопросы эпической общности еще не слишком волнуют западноевропейских исследователей. Поэтому остаются пока неизвестными — хотя бы в беглой обрисовке — общегерманский, общероманский и общекельтский эпические фонды, т.е. сопоставимые корпусы достоверных текстов, а это, по существу, лишает ученых возможности проводить фольклорные сопоставления в ширь, по предельному кругу сюжетов, и вглубь, на всю глубину эволюционной ретроспективы. При таких обстоятельствах каждому, кто пытается найти в западноевропейских источниках параллели к славянским эпическим песням, зачастую приходится довольствоваться лишь констатацией сходства. Объяснение же сходства, дававшееся до сих пор, обычно сводилось к тому, что славяне заимствовали эпические сюжеты из Западной Европы. Такое объяснение, разумеется, обусловливалось субъективизмом истолкователей, оно практически не доказывалось и будет оставаться недоказуемым впредь до рассмотрения эволюционной соотносимости текстов.

Ныне нам наиболее доступны европейские эпосы, запечатленные в письменной форме. Как правило, это — сводные произведения, имеющие за собой длительную письменную традицию, которой предшествовала или параллельно с которой бытовала настоящая фольклорная традиция. В эволюционном плане сводный характер текстов — показатель безусловно позднего их сложения. Уже поэтому их сравнение со славянскими эпическими песнями, пожалуй, более полезно для познания западноевропейских письменных эпосов, так как этим сравнением можно подтвердить или, напротив, отвергнуть эволюционно ранний характер сюжетов и их составляющих, имеющихся в том или ином письменном памятнике.

Западноевропейские письменные эпосы отнюдь не в одинаковой степени дают сходства со славянскими эпическими песнями. Так, испанская "Песнь о Сиде" и французская "Песнь о Роланде", если исключить сугубо типологические совпадения, почти не содержат сходных со славянскими эпических мотивов и типических мест. Отсюда можно заключить, что оба эти памятника насыщены преимущественно новообразованиями, идущими от индивидуального, авторского начала либо от таких фольклорных произведений, которые порывали связи с общероманским эпическим наследием, в свою очередь шедшим от древнеевропейских эпических канонов.

Иначе выглядит сопоставление славянских эпических песен с германскими письменными памятниками. В этих последних в отличие от упомянутых романских обнаруживается больше сходств, порой совершенно удивительных. Англосаксонский "Беовульф" (впрочем,

отчасти идущий от кельтской традиции), исландские "Старшая Эdda", "Младшая Эdda", "Песнь о Нibelунгах", к которым можно присоединить и хроникальный "Круг земной" С. Стурлуссона, — при всем своеобразии и неповторимости, при сугубо нарочитом интересе к собственным богам, королям и героям, к местам и событиям истории германских народов — содержат такого рода сходления со славянскими эпическими песнями в основном на уровнях сюжетов и мотивов, которые невозможно истолковать как заимствование со славянской или германской стороны.

Нет никакого сомнения в том, что славянские певцы в глубинах Восточной Европы и Балкан не перенимали эти сюжеты и мотивы из германских письменных памятников, да у них и не было в этом потребности, поскольку их собственная эпическая традиция жила продуктивной и полнокровной жизнью вплоть до последнего времени и располагала более развитыми и художественно зрелыми формами, нежели те, что обнаруживаются в германских письменных памятниках. Но и германцам, переселявшимся на Британские острова или в Исландию, не было никакой нужды в заимствовании эпических сюжетов и мотивов, да они и не могли позаимствовать что-либо у славян, поскольку в рассматриваемом случае славяне и германцы были разделены временем и пространством. А это позволяет рассматривать сходные со славянскими сюжеты и мотивы, содержащиеся в упомянутых германских памятниках, как формы, идущие от обще-германской фольклорной традиции, безусловно родственной обще-славянской.

Следовательно, каждый раз, когда исчерпываются доказательства древнего германского или древнего славянского происхождения какого-то сюжета (мотива), вполне уместно дополнять их ссылками на соответствующую параллель.

В части сходений со славянскими эпическими песнями определенный интерес представляет собой такое сложное межэтническое явление, как западноевропейский рыцарский роман. Некоторые произведения этого популярного жанра через письменные переводы даже проникли в среду восточных славян, получили фольклорное бытование (сказки о Бове-королевиче, о Петре Златых Ключей), но при этом не они уподобили себе, а их по многим формальным признакам уподобили русским богатырским и авантюрно-новеллистическим сказкам. Эти случаи очевидных заимствований отдельных образцов рыцарского романа, однако, менее важны, чем сходения по сюжетам, мотивам, типическим местам и даже по устойчивым словосочетаниям между славянскими эпическими песнями и западноевропейскими рыцарскими романами, так и оставшимися неизвестными для славян.

Мы имеем в виду, в частности, роман Т. Мэлори "Смерть Артура" (XV в.), "последний рыцарский роман", как его называют. В нем, правда, содержится история Тристана и Изольды, известная также и по не получившему фольклорного бытования белорусскому переводу XVI в. "с книг сербских", но не содержанием одной этой истории

исчерпываются обнаруживаемые схождения между романом Т. Мэлори и славянскими эпическими песнями. В романе мы находим немало мотивов типа: племянник сватает невесту для дяди; малолетний племянник выручает дядю (избавляет от вражеского нашествия); исход войны решается поединком двух противников; только сидящий в темнице герой способен отразить вражеское нашествие; служанка помогает герою бежать из плена; братья (кузены, родственники) не узнают друг друга и сталкиваются в поединке; брат губит милого своей сестры; брат женится на сестре и т.д. Все эти сюжетообразующие мотивы во множестве версий имеются в славянских эпических песнях. Очевидно, что Т. Мэлори не измышил эти стереотипы, столь характерные для настоящей фольклорной традиции. Их содержат источники, которыми он пользовался ("История бриттов" Гальфрида Монмутского, французские версии цикла о короле Артуре и рыцарях Круглого стола), в свою очередь, как полагают, восходящие к кельтским сказаниям и преданиям, циклизовавшимся вокруг имени вождя кельтских племен Артура во второй половине I тыс. н.э., т.е. как раз в то время, когда славяне стали широко расселяться по Восточной Европе и Балканам. Роман Т. Мэлори, конечно же, вторичный, слишком опосредованный для фольклориста источник. И все же за отсутствием или недоступностью прототипов в виде кельтских текстов этот роман благодаря такого рода перекличкам позволяет допускать мысль о том, что как славяне, так и кельты, по-видимому, располагали совпадающими наборами сходных эпических стереотипов в I тыс. н.э.

Сопоставление славянских эпических песен с западноевропейскими письменными эпосами при всем том, что оно способствует подтверждению фольклорного характера элементов повествования письменных памятников в тех случаях, когда они сходны со славянскими, не избавляет от ощущения неуверенности и гипотетичности, ибо далеко не всегда ясно, что представляет собой параллель из письменного памятника по своим жанрово-формальным признакам: естественную фольклорную форму, изменившуюся с течением времени, или аберрацию, обусловленную индивидуальной литературной обработкой. Для сопоставления нужно было бы, очевидно, привлекать прежде всего натуральные фольклорные тексты западноевропейских народов, а именно их теперь и недостает.

Наряду с этим для сравнения со славянским европейские эпосы уместнее привлекать в определенной последовательности, с историческим и методическим обоснованием необходимости сопоставления. В силу этого предпочтение целесообразнее отдавать эпосам тех европейских народов, которые долго соседствовали или жили вперемежку со славянами. Это означает в методическом плане, что сравнительные исследования призваны определить характер много-вековых взаимодействий в области эпоса. Выявив случаи заимствований и сотворчества, мы тем самым сможем показать историю этих взаимодействий, что, разумеется, немаловажно для истории народной духовной культуры соответствующих народов и для пони-

мания этногенетических процессов. Освободившись от эволюционно поздних случаев заимствований и сотворчества, мы получили бы таким образом возможность обнаружить более ранние случаи этого рода и, что наиболее заманчиво, случаи генетического родства.

Лингвисты уже прошли путь от балто-славянской до индоевропейской языковой общности и пошли дальше. Их исключительная операциональная последовательность заслуживает подражания со стороны фольклористов. Ныне в области эпоса приоткрываются возможности пройти по таким же ступеням ретроспективного познания.

Так, сравнение славянского эпоса последовательно с эпическими песнями восточных романцев (румын и молдаван), балтов, немцев и греков, как показывают изыскания в их начальной стадии, весьма определенно способствует тому, чтобы раскрыть характер европейских эпических традиций от времени, предшествующего эпохе турецких и татарских нашествий (перед XIII–XIV вв.), вглубь до таинственных времен древнеевропейской этнической общности.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДОПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вячеслав Иванов,
доктор филологических наук

К настоящему времени на основании данных и выводов сравнительно-исторического языкоznания произведена достаточно надежная реконструкция общеславянской картины мира, включающей набор основных двоичных противопоставлений (таких, как доля—недоля, жизнь—смерть, чет—нечет, правый—левый, мужской—женский, верх—низ, небо—земля, юг—север, восток—запад, суша—море, огонь—влага, день—ночь, весна—зима, солнце—луна, белый—черный, близкий—далекий, старый—молодой, священный—мирской), мифологических образов (богов и менее индивидуализированных персонажей низших рангов) и ритуальных действий¹, а также отдельных фрагментов и характеристик мифологических и других стихотворных и песенных текстов, которыми эта картина мира описывалась². Аналогичная работа осуществлена по отношению к общебалтийскому³ и общеиндоевропейскому⁴. Поэтому сейчас оказывается возможным наметить основные черты, характеризовавшие развитие и предысторию праславянской духовной культуры от общенидоевропейского периода (около V—IV тыс. до н.э.) до общезападноиндоевропейского (около III—II тыс. до н.э.) и далее к общебалто-славянскому (около II—I тыс. до н.э.) и праславянскому (I тыс. до н.э.)⁵.

В наиболее ранний период, когда предельное сходство всех индоевропейских диалектов не препятствовало уже формированию внутри некоторых из них (в том числе и того "протославянского", из которого постепенно выделяется праславянский) особых диалектных черт, протославянский обладал вместе с другими диалектами следующими особенностями семантики, позволяющими дать общую характеристику духовной культуры.

Весь мир делился на неживые и живые⁶ существа, наделенные душой (в том числе животные), и растения (praslaw. *bylje). Те, у кого была душа, делились на диких зверей и четвероногих (индоевропейское, далее и.-е. **kwetro-pod-*), домашних животных, младенцев и двуногих (и.-е. *dwi-pod*), людей другого племени, не умеющих говорить (немых, "немцев"), в отличие от взрослых людей своего племени и богов, умеющих говорить (и, следовательно, разумных). Бессмертием боги отличались от смертных людей. Свободные люди по своему статусу противопоставлялись рабам, которые двуногостью

и умением говорить (если они не были пленными членами другого племени) отличались от домашних животных. Среди домашних животных была установлена четкая иерархия по степени их близости к человеку, отмечаемая в ритуалах (особенно погребальных и строительных) и в праве: ближе всего к человеку был конь, далее крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, на последних местах — свинья и собака⁷.

Многие детали славянских обрядов, в которых проявляется такая иерархия домашних животных, отражают их общеиндоевропейские черты. В частности, это относится к сожжению конских черепов и черепов других домашних животных, а также к предшествовавшему сожжению украшения конского черепа, называемого ви́дьма, в западнополесских купальских обрядах⁸. Соответствующие индоевропейские обряды (в частности, погребальные) имели в виду представление о том, что тот свет представляет собой поле (и.е. *wel родственно имени Велеса—скотьего бога), где пасутся домашние животные. Обрядовая роль лошадиной головы удостоверяется согласными свидетельствами индоевропейских традиций. Представление о целительной силе глаза коня также восходит к общеиндоевропейскому. Наиболее близкую параллель к полесским ритуалам, связанным с конем, его головой и глазами, дает, с одной стороны, начало Брихадараньяка Упанишады, где конь описывается как мировое животное (в части его тела, в том числе глаза как части мироздания⁹), с другой — древнеиндийские¹⁰ тексты о целительной силе Ашвинов — близнечных богов, связанных с конем.

В славянской традиции сохранено и характерное для индоевропейского соотнесение людей и домашних животных вместе с дикими четвероногими со средней частью (и.е. medyo;ср. рус. диал. межа́ лесок) Мирового Дерева — образа всего обитаемого мира (к верху которого приурочены птицы, к низу или корням — существа водной природы). В славянском (с некоторыми видоизменениями, связанными с перемещениями протославян в северо-западном направлении от первоначальной территории обитания носителей индоевропейских диалектов) сохранен и основной набор диких животных, имевших существенное мифологическое и ритуальное значение (и именно потому часто переименовывавшихся в соответствии с широко представленными у славян и соседних с ними народов обычаями¹¹): волк¹², медведь (славянское обозначение которого представляет собой древнюю эвфемистическую замену общеиндоевропейского), тур, зубр¹³ и др.

Праславянский характеризовался весьма существенными архаизмами, отражавшими древнюю систему дуального описания мира в терминах двоичных противоположностей, часть славянских названий и символов которых была унаследована от индоевропейского. Эта система двоичных противоположностей соотносилась с дуальной социальной организацией, в славянском отражаемой в системе имен родства и других социальных обозначений групп, различавшихся по полу и возрасту. Принцип дуально-экзогамного деления общества

на две половины, у славян восходящий к индоевропейскому наследию, объяснял ту систему дуалистического представления всего мироздания, которая, как предположил Золотарев¹⁴ еще в работе 1941 г. и затем повторно подтвердили многочисленные частные исследования недавнего времени¹⁵, определяет многие особенности славянских обычаев, поверий, знаковых систем. В данном случае существенно то, что славяне длительное время сохраняли как социальный институт дуальных половин и дуально-экзогамной организации, так и первоначально с ней связанную картину мира. Позднейшие воздействия иранского дуализма (времени славяно-иранского языкового и культурного взаимодействия, которое можно локализовать в Восточной Европе) и еще более поздних систем, сложившихся в конечном счете под иранским воздействием, опосредованным через манихейские и другие сходные концепции, способствовали углублению дуалистических представлений, но основная их модель сложилась еще раньше. Здесь видно, что позднейшие напластования иногда вели к сохранению более ранней системы.

Особенно следует отметить сохранение в праславянском ряду ритуальных терминов, чрезвычайная древность которых выявила лишь в недавнее время благодаря обнаружению параллелей в хеттском языке; к ним относятся, в частности, термины, касающиеся молитвы, сопровождаемой жертвоприношением (*modliti), сохранения обрядового текста (*pasti в этом специальном значении беречь, хранить слово). Большое число подобных архаизмов, выявляемых в свете новых открытий славянского языкоznания, по-новому ставит многие проблемы, относящиеся к духовной культуре славян в древности.

Параллелизм славянской народной поэзии и творчества древнегреческих рапсодов, по отношению к которым исследования последних лет восстанавливают тип пения под музыку, аналогичного южнославянскому¹⁶, объясняется наличием у них и у ведийских певцов одних и тех же индоевропейских истоков. Поэтому славянская духовная культура (в частности, словесный и музыкальный фольклор) приобретает особый интерес как сохранившееся до наших дней живое продолжение древней индоевропейской традиции. В некоторых своих фрагментах, а отчасти и в общей структуре, образцы славянского фольклора принадлежат к числу наиболее близких к первоисточнику ответвлений этой первоначальной основы, для греческого и индийского выявляемой путем типологического и генетического сравнения со славянским.

Современные исследования позволили предположить и существование ряда других областей индоевропейской духовной традиции, которые, по-видимому, в преобразованном виде сохранились у славян. К ним принадлежат медицинские познания и соответствующие тексты (преимущественно заговорные). У славян сохраняются не только словесные, но и числовые характеристики этих текстов, такие, как 12 – основное число болезней (ср. 12 основных частей тела в лувийских и других древнеанатолийских ритуалах врачевания при

далеко идущих сходствах в кельтской традиции и т.п.). Весьма вероятным кажется, что и семантика некоторых основных обозначений умственной деятельности (таких, как знать, ведать, помнить и др.) в широком этимологическом контексте может указывать на следы древних философских представлений, дающих позднее основу для общегреческо-индоирянской предфилософии (ср., например, общее в греческих представлениях о гнонисе и древнеиндийских о джняна, что естественно предполагает сравнение и с родственным обозначением знания в праславянском).

Постепенное накопление данных об архаизме раннеславянской традиции заставляет признать ее (в качестве важного дополнения к исследованиям индоевропейских древностей за прошлые полтора века, в очень малой степени считавшимся с данными праславянского и отдельных славянских культур) одним из важных источников для реконструкции общеиндоевропейской духовной культуры. В отличие от тех культур, которые (как греческая, древнеиндийская и итальянская) испытали в период усвоения письменности или до него очень значительное воздействие других традиций, славянская в большей мере сохранила те фольклорные условия бытования, которые и способствовали сохранению многих архаизмов. Их последовательное выявление оказывается одной из основных задач не только славяноведения, но и индоевропеистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иванов В.В., Толоров В.Н. Славянская мифология. — В кн.: Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982, с. 450—456.
- ² Иванов В.В. К проблеме следов древнейшего литературного языка у славян. — В кн.: Славянское и балканское языкознание: История литературных языков и письменность. М., 1979, с. 5—24.
- ³ Иванов В.В., Толоров В.Н. Балтийская мифология. — В кн.: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980, с. 153—159.
- ⁴ Иванов В.В., Толоров В.Н. Индоевропейская мифология. — Там же, с. 527—533; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984.
- ⁵ О языковых доводах в пользу такой периодизации см.: Иванов В.В. Лингвистическая проблематика этногенеза славян в свете отношений славянского к балтийскому и другим индоевропейским языкам. — В кн.: Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: итоги и перспективы исследований. М., 1979, с. 27—34.
- ⁶ Здесь и далее в тех случаях, когда соответствующее русское слово восходит к праславянскому (и индоевропейскому) обозначению, для экономии места праславянская форма опускается, в противном случае она иногдадается под звездочкой.
- ⁷ Иванов В.В. О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах. — В кн.: Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д.К. Зеленина. Л., 1979, с. 150—154.
- ⁸ Толстая С.М. Материалы к описанию полесского купальского обряда. — В кн.: Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978, с. 133, 142; Moszyński K. Zwyczaje świętojańskie na zachodnim Polesiu. — Lud slowiański, 1928, t. 1, z. 1, s. 13, 82, etc.
- ⁹ Брихадараньяка Упанишада / Памятники литературы народов Востока. М.,

1964, с. 69, 71 ("глаз... стал солнцем"), с. 77 ("глаз — его мирское богатство, ибо глазом он добывает его"), с. 91 ("это солнце — мед для всех существ, все существа — мед для этого солнца. И этот блестящий, бессмертный пуруша, который в этом солнце, и этот относящийся к телу блестящий бессмертный пуруша, который [существует] глаз, — он и есть этот Атман. Это бессмертный, это — Брахман, это — все"), с. 93 ("Ашвины, Атхарвану, Дадхянчы Вы поставили лошадиную голову. Выполняя обещание, он передал Вам мед Тваштара, чтобы Вы, страшные, держали его втайне"), с. 97 ("Поистине, глаз — архварью жертвы. Этот глаз — то же, что и солнце; это [солнце] — архварью, это — освобождение, это — полное освобождение").

¹⁰ Для сопоставления с полесскими обрядами особенно показательны те ведийские тексты, где речь идет о том, как Сурья (Солнце-глаз согласно Брихадараньяка Упанишаде и другим аналогичным текстам) исцеляет людей посредством 'медового знания, ведовства' (в madhuvidnyā тот же корень, что и в вайдьма), ср. surye... madhutva madhulā sakara 'О Сурья! ... мед сладкий твой создан', "Pur-Веда" 1, 191, 10, а также сочетание madhu — vāhano rátho áśvinos 'везущая мед колесница Ашвинов', трижды повторяемое в "Pur-Веде". Относительно других древнеиндийских отражений индоевропейского культа коня см.: Иванов В.В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva 'конь'. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 75—138; O'Flaherty W. The Indo-European mare and the King. — In: Slavica Hierosolymitana, 1981, vol. 5—6, p. 23—33.

¹¹ Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, вып. 1—2. — В кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929, т. 8; 1930, т. 9; Havers W. Neuere Literatur zum Sprachtabu. — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, 1946, 225, 5. Следует, однако, подчеркнуть, что при употребительности явления табу в славянских и других языках Евразии оно существенно менее часто, чем в языках Австралии, где, согласно Диксону, оно является основным фактором лексических изменений.

¹² Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1975, № 5.

¹³ Иванов В.В. К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям. — В кн.: Балканская лингвистика. М., 1977.

¹⁴ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

¹⁵ Ср., например: Петровић П.Ж. Дуалистични мотиви у јужнословенској народној орнаментици. — Зборник Етнографског музеја у Београду: 1901—1951. Београд, 1953.

¹⁶ West M.L. The singing of Homer and the modes of singing of early Greek music. — Journal of Hellenic Studies, 1981, vol. 101, p. 113—129.

СЛАВЯНЕ И ВИЗАНТИЯ

Геннадий Литаврин,
доктор исторических наук,

Димитр Ангелов,
член-корреспондент Академии наук НРБ

Диапазон культурного взаимодействия византийской цивилизации и соседних стран и народов был огромен. Самая передовая до XII столетия страна Европы и Ближнего Востока, наследница античной и эллинистической культуры, Византийская империя составляла ядро обширного ареала, в котором в качестве доминирующей формы проявления духовной жизни средневекового общества господствовал восточный вариант христианства — православие.

Восточнохристианский ареал сложился в основном к началу второго тысячелетия, охватив огромные пространства Юго-Восточной и Восточной Европы и утратив к этому времени значительные территории на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Западном Средиземноморье, что явилось следствием острой конфронтации Византии, с одной стороны, с мусульманским миром (сначала с арабами, затем с турками), с другой — со странами латинского Запада и с папством, разрыв с которым в 1054 г. был окончательно закреплен крестовыми походами западноевропейских рыцарей на Восток и Византию. Следы былого господства или влияния византийской культуры на утраченных землях постепенно блекли, время и внедрение иных цивилизаций стерли их затем почти без остатка.

Резко отличными были судьбы восточнохристианской зоны в ее северных пределах, где доминировали славяне. Культурное взаимодействие Византии со славянским миром было особенно устойчивым и постоянным. Оно равновелико по времени почти всей тысячелетней истории Византии и вовлекло в свою орбиту основную массу славянства. За пределами православного ареала в результате политических событий IX–X вв. остались лишь западнославянские народы (поляки, чехи, словаки, полабо-прибалты), хорваты и словенцы, которые были включены в сферу западнохристианской цивилизации.

Сложен и разнообразен был длительный процесс славяно-византийского общения. Он то убыстрялся, то замедлялся, то охватывал одновременно почти все славянские земли, то концентрировался лишь на одной их части. Инициатива в установлении контактов с Византией исходила, как правило, от славян. Устойчивые официальные и регулярные связи начинали завязываться между Византией и славянами с того периода, когда славянское общество того или иного региона

достигало определенной степени зрелости своего социального и политического развития, когда у славян складывались государственные формы общественной жизни.

Первые исторически засвидетельствованные контакты славян с Византией относятся к концу V в., когда славянское расселение, представлявшее собой один из наиболее мощных завершающих этапов Великого переселения народов, простиралось на обширные территории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Сколько ни различны были направления этого расселения на отдельных участках, его главный маршрут пролегал к границе Восточной Римской империи, а затем и в самих ее пределах. В VII в. славяне проникли на север Балканского полуострова, особенно густо заселив Мезию, Македонию, Иллирию, Северную Фракию. Часть славянских контингентов дошла до Фессалии, Средней Греции, Пелопоннеса и островов Эгейского моря.

Упорную борьбу со славянами Византия вела теперь уже с целью не их изгнания, а подчинения, обращения в христиан и подданных империи.

С другой стороны, контакты с империей, а затем расселение на ее землях послужили для славян катализатором, ускорившим ход их общественного развития. Славяне заняли территории с издревле освоенными землями, с более интенсивными земледелием и агрокультурой, развитой городской жизнью. В процессе длительного и постоянного общения славяне перенимали более высокий и более рациональный в местных условиях производственный опыт коренных жителей, элементы их культуры, формы и аксессуары повседневного быта.

Важные последствия имело расселение славян на Балканах и для судьб самой империи. Славяне заполнили демографический вакuum, который ощущался во многих районах после предшествующих опустошительных нашествий готов, гуннов, протоболгар, аваров и самих славян. Особенно существенным для последующего хода эволюции Византии было то, что славянское вторжение привело к распространению местной (византийской) деревенской общины в империи. Были созданы более благоприятные предпосылки для формирования новой, более прогрессивной структуры аграрных отношений.

В особенно выгодных условиях – не столько для прогресса экономики и созревания социальной структуры, сколько для политической консолидации – оказались славянские поселенцы Мезии, защищенной со всех сторон Дунаем, Черным морем и Балканским хребтом. Именно здесь при активном участии и временном политическом верховенстве численно незначительной сравнительно с местными славянами, но хорошо организованной в военном отношении пришлой протоболгарской орды хана Аспаруха в последней четверти VII в. возникло первое славянское государство на византийской земле – Болгария. Именно с этим первым устойчивым славянским государством (протоболгары быстро растворились в славянской среде) Византия вступила в постоянные и тесные, мирные и враждебные контакты. Болгарское государство испытalo наиболее интенсивное воздействие визан-

тийской цивилизации и подверглось наиболее массированному натиску мощной империи, отстаивая свое право на существование и соперничая с Византией за господство на Балканах.

Со славянами сербо-хорватской группы регламентируемые политические отношения установились у империи около середины IX в., когда на западе и северо-западе Балканского полуострова сформировались самостоятельные государственные образования. С русскими подобные связи начали завязываться с 60-х гг. IX в.

В арсенале средств византийских политиков и дипломатов христианизация была одним из наиболее испытанных и действенных приемов. В зависимости от времени, места и обстоятельств она могла выступать как предварительное условие последующей экспансии, как метод обеспечения дружественного нейтралитета, упрочения политического влияния, приобретения союзников и вассалов и т.д. Так, например, в отношении славян на Балканах, оказавшихся за пределами границ славянских государств, христианизация служила для империи могучим средством подчинения и ассимиляции.

Государственные и церковные деятели империи, обладавшей огромным опытом господства над завоеванными народами, в отличие от латинского Запада предоставляли новообращенным право совершать богослужение на родном языке, особенно тогда, когда политические возможности их ассимиляции казались нереальными.

Первой, в 863 г., опередив всего на два года Болгарское царство, приняла в государственном масштабе христианство из Византии Великая Моравия, боровшаяся за независимость против притязаний соседнего Восточно-Франкского государства и искавшая поддержку Византии. К этому же периоду относится и создание славянской азбуки братьями Константином (в монашестве Кирилл) и Мефодием, которые также перевели на славянский язык всю необходимую для нормального функционирования церкви каноническую и литургическую литературу. Вокруг них постепенно сложился круг их славянских последователей и учеников.

Их деятельность сыграла революционизирующую роль в последующем развитии культуры Болгарии, Сербии, Древней Руси. С последней трети IX и в X столетии началось триумфальное шествие созданной братьями письменности по всем славянским странам; она оказалась доступной населению практически всех славянских стран. Роль инициатора в распространении славянской письменности и созданной на ней древнеславянской литературы сыграла главным образом Болгария.

Позиция Византии при принятии христианства Болгарией была иной, нежели при христианизации Великой Моравии. Ни одно из независимых государств, в том числе славянских, принявших христианство из Византии, не было принуждено к этому акту лишь давлением империи. На определенной стадии развития государства принятие монотеистической религии становилось в условиях средневековой Европы настоятельной потребностью для господствующего класса. Идеология христианства, его социальные принципы и нравственно-эстетичес-

кие нормы, организационная структура церкви, ее обрядность и лiturгия служили мощным фактором укрепления центральной власти и удержания в повиновении масс подданных, а также повышали престиж христианского монарха на международной арене.

В 865 г. Болгария приняла христианство из Византии, но не получила ни по-славянски образованных церковнослужителей, ни переводов церковных книг на славянский язык. Служба в славянской стране должна была совершаться на греческом языке, который стал в Болгарии официальным государственным языком. Безусловно, здесь крылся определенный замысел византийских политиков, связанный с постоянным соперничеством между Римом и Константинополем.

В 893 г., однако, ситуация изменилась.

Вскоре после того, как на трон взошел царь Симеон (893–927), один из величайших правителей страны в период средневековья, греческий язык был вытеснен. В церкви было введено богослужение на славянском языке, греческие церковнослужители были отстранены. В результате плодотворной деятельности созданных под руководством Климента и Наума (учеников Кирилла и Мефодия) просветительских школ в Охриде и Преславе резко расширился круг образованных людей. Закладывались основы самобытной и высокой для своего времени духовной культуры, которая проникла в соседние славянские страны, и прежде всего в Сербию и Россию. Это был "золотой век" развития отечественной литературы, связанный с именами талантливых писателей, таких, как Иоанн Экзарх, Черноризец Храбрый, епископ Константин и другие, деятельность которых поддерживал сам правитель Симеон.

Близость письменного языка к народному имела немалое значение в просвещении Болгарии. Бурный расцвет переживали в то время также архитектура, живопись, мозаика, художественная керамика и производство стекла, прикладные искусства. Процесс культурного развития страны резко ускорился снова в конце XII–начале XIII в. Важную роль в укреплении культурных контактов с Византией, Сербией и Русью стал играть основанный в XII в. на Афоне болгарский монастырь Зограф.

Сходным в эту эпоху был процесс культурного развития и сербских княжеств, но он, как и процесс самой государственной консолидации, начался позднее и протекал гораздо более медленными темпами. Причины этого таились в затянувшейся политической раздробленности сербских княжеств, в слабости связей между сербскими землями, разгороженными крутыми горными цепями, в специфике позиции далматинских городов, тяготевших к внешнеторговой деятельности и превращению в независимые города-республики, а также в расколожившем в религиозном отношении Сербию надвое соперничестве между папством и Византией, а затем и Болгарией. Замечательные памятники сербской культуры, в том числе литературные, стали появляться здесь с XII столетия. Первый период расцвета сербской культуры был связан с приходом к власти династии Неманичей, в частности с правлением Стефана Первовенчанного (1196–1227) и дея-

тельностью его брата Саввы, основавшего на Афоне сербский культурный центр — монастырь Хиландарь, а затем и автокефальную Сербскую архиепископию.

Русско-византийские контакты стали развиваться несколько позднее. Русь была столь отдалена от империи, что опасность со стороны Византии исключалась. Имперская дипломатия через союз с печенегами пытала сдерживать военные предприятия Руси, но отрезать русских от Черного моря и не пустить их на свои рынки Византии не удалось. Еще до образования единого государства Русь завязала торговые связи с крымскими колониями империи (Херсоном и Климатами). Затем русские полукупцы-полувоины прорвались к торговым центрам империи на южном берегу Черного моря, а в 860 г. их флотилия бросила якорь под стенами Константинополя. Византия постепенно уступала Руси в экономической и политической сферах, оказывая на нее в то же время все более глубокое культурное влияние.

Уже в 60-х гг. IX в. часть знатных русских приняла христианство. В начале X в. в столице Древней Руси Киеве существовал христианский храм св. Ильи. В середине этого же столетия посетив Константинополь, вернулась из него христианкой правительница Руси, вдова князя Игоря Ольга. В 988 г. Русь приняла христианство из Византии в качестве государственной религии. Этому акту предшествовал договор, согласно которому князь Владимир женился на сестре императора Василия II Анне.

Значительную роль в просвещении Руси сыграли накопленный болгарами опыт и богатая к тому времени болгарская литература. С самого начала христианизации Руси Владимир ориентировался на славянскую грамоту как на основу организации церковной службы и государственного делопроизводства. Первые просвещенные кадры для осуществления этого были, вероятно, подготовлены с помощью представителей южнославянских православных государств.

Менее чем через полвека после принятия христианства Киевская Русь вступает в полосу расцвета своей культуры, достигшего апогея в XII столетии. Уже в первой трети XI в. зарождается летописание — специфически русский вид исторического повествования. Следом появляются другие оригинальные сочинения русских книжников. Широко распространяется грамотность, о чем убедительно свидетельствуют сотни берестяных грамот бытового содержания, обнаруживаемых ежегодно советскими археологами после 50-х годов. Возводятся монументальные дворцы и храмы. Процветают живопись и прикладное искусство. Своим блеском и величием Киев XI в. с его Золотыми воротами и св. Софией соперничал с Константинополем.

Вначале Византия выступала в "учительной" роли славян, и эта роль до определенного времени ими охотно признавалась за нею. Наиболее глубоко византийское воздействие проявилось в тех сферах культуры и искусства, в которых собственные традиции славян не были доста-

точно прочными и к тому времени еще не нашли законченных форм.

Особенно ярко влияние византийских образцов отразилось на религиозно-нравственной назидательной литературе, каменной архитектуре, производстве мозаик и художественного стекла, иконописи, монументальной живописи, книжной иллюстрации. Однако и в этих сферах через столетие-полтора после христианизации у славян стали складываться собственная художественная школа, свой художественный язык, своя манера, вовравшие в себя традиции дохристианского языческого искусства и культуры, творчески преобразившие византийские образцы и приспособившие их к местным вкусам и нуждам.

Менее заметным византийское воздействие оказалось в светских жанрах литературного творчества, в частности в летописании, поучениях, описаниях путешествий, а также в музыке и пении, в прикладном (как и вообще в светском) искусстве. В областях духовной жизни, сравнительно удаленных от официальной религиозной идеологии, ярко проявлялись местные традиции, восходившие к глубокой древности. Без учета живых традиций языческой культуры славян не могут быть поняты ни сербская героическая песня, ни ритуал болгарских народных празднеств, ни древнерусский былинный эпос.

Кроме того, избирательный подход славянского общества к наследию византийской культуры играл серьезную сдерживающую роль в процессе культурного взаимодействия. В какой-то мере он был обусловлен целенаправленной политикой правящих кругов обеих сторон: византийцы не предлагали того, что им казалось опасным для неофитов (например, новейшие, полные острых дискуссий теологические трактаты), а господствующие круги новообращенных стран не принимали того, что им представлялось чуждым и вредным (например, привлечение евнухов к управлению или ристалища на ипподроме).

Избирательность восприятия феноменов византийской цивилизации обусловливала прежде всего их неприемлемостью в условиях славянских стран. Широко распространенные в Юго-Восточной Европе различные сборники византийского светского права VIII–XIV вв. подверглись здесь в их славянских версиях существенным сокращениям, дополнениям и модификации. На Руси же влияние византийского светского права почти не ощущалось. Здесь действовала Русская правда — свод законов, немало норм которого восходило к языческой эпохе.

На латинском Западе в IX–XII вв. оформились самобытные культуры всех важнейших государств, несмотря на нивелирующее воздействие общего идеологического и церковного центра (папства) и господство латыни. В славянских странах восточнохристианского ареала ход созревания самобытной культуры имел, однако, ряд таких особенностей, которые еще сильнее, чем на Западе, содействовали этому процессу: церковная зависимость от Константинополя (сравнительно с положением дел на Западе) была здесь слабее, а язык письменности и грамотности был не греческим, а собственным, славянским, родным для масс населения Болгарского государства, Сербии и Руси.

Через полвека-век после христианизации оформление собственной культуры в этих странах стало исторической реальностью. Когда Византии удалось более чем на полтораста лет (1018–1185) вернуть себе безраздельное господство на Балканах, ликвидировать Болгарское царство и подчинить сербские княжества, это завоевание не привело к культурной ассимиляции сербов и болгар или хотя бы к заметной трансформации их культурных традиций. Историческая память о собственном независимом государстве, своя письменность и литература, свои обычай и нормы быта, свое этническое самосознание стали знаменем вооруженной борьбы за политическую самостоятельность.

Иначе говоря, наиболее острые столкновения внутри православного ареала происходили именно там, где империя особенно упорно пыталаась претворить созданное ею культурное сообщество государств в систему подлинно политической и административной иерархии под своим владычеством.

Таким образом, сложившаяся историческая, этническая и культурная индивидуальность славян православного ареала исключала их ассимиляцию империей уже в X–XI вв., но оформление этой индивидуальности было, несомненно, ускорено принятием этими народами христианства из Византии.

Не случайно поэтому глубокие взаимные симпатии южных, восточных славян и греческого народа сохранялись в течение многих веков. Не случайным было и то, что с сокращением православного ареала в Европе после падения Византии и южнославянских образований до пределов одной России завоеванные османами народы ожидали именно от нее избавления от иноземного ига. Не случайно, наконец, и то, что эти ожидания оказались оправданными.

КИЕВСКАЯ РУСЬ

ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Юрий Асеев,
доктор архитектуры

Расцвет древнерусского государства, земли которого простирались от Белого моря до Черного и от Карпатских гор до Приволжских степей, наступил в X в. – после объединения восточнославянских племен вокруг Киева – и продолжался до 30-х гг. XII в., когда в результате развития феодальных отношений усиливается процесс феодальной раздробленности. К этому времени относится создание наиболее значительных произведений древнерусского искусства и архитектуры.

Формирование древнерусского искусства базировалось на трех основных компонентах: богатом культурном наследии восточнославянских племен; задачах, выдвинутых условиями жизни и требованиями древнерусского государства; освоении художественного и технического опыта других стран, главным образом Византии, хранительницы великих традиций античной культуры.

Это был "золотой век" древнерусского искусства, воспетый в былинном эпосе и литературных произведениях Древней Руси. Особенно характерен в этом отношении цикл былин о киевских богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Эти былины многие века сохранялись в народной памяти и донесли до нас живое чувство гордости и восхищения величием и могуществом Киевской державы.

То же осознание принадлежности к великой и прославленной стране звучит и в "Слове о законе и благодати" киевского митрополита Илариона. Говоря о русских князьях, он восклицал: "Не в худой и неведомой земле владычествовали они, но в Русской, которая ведома и слышима во всех четырех концах Вселенной!"

В этот период сложились и системы эстетических взглядов, во многом определившие своеобразие древнерусского искусства, а также сформировалось профессиональное мастерство древнерусских зодчих и живописцев.

Важной вехой в развитии древнерусского искусства явилось принятие в 988 г. христианства, сблизившего Древнюю Русь со странами христианского, прежде всего православного, мира. К этому времени на Руси сложилась письменность: христианство, таким образом, было принято на родном языке. Это значительно стимулировало развитие самобытных черт в феодальном, в том числе религиозном, искусстве.

Одна из особенностей древнерусской эстетики — ее патриотический характер, определивший даже такие области искусства, как лирическая поэзия. Любовь к своей земле, родной природе стала лейтмотивом древнерусской литературы, и в особенности эпоса. Она звучит в русских летописях. В ней сущность прославленного "Слова о полку Игореве". "О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами ты нас дивишь: дивишь озерами многими, реками, источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями чудными, зверьми различными и птицами бесчисленными, городами великими, селами чудными, садами монастырскими, храмами церковными", — так воспевал родную землю автор "Слова о погибели Русской земли".

Около ста лет Русь сдерживала нападки печенегов на Европу, и эта борьба являлась государственной политикой: великие князья Владимир и Ярослав строят многочисленные крепости, собирают на защиту южных границ, на "богатырские заставы" воинов со всех земель древнерусского государства. В последующие годы Русь вела упорную борьбу с половцами, наконец в 1238—40-х гг. она грудью встретила монголо-татарское нашествие, заслонив собой страны Европы.

Поэтому строительство городов, крепостей и замков имело в жизни Руси огромное значение; в процессе этого строительства совершенствовалось и развивалось мастерство русских зодчих. Русь — страна лесов, и в большинстве ее постройки ранних эпох были деревянными.

Древнерусский город обычно состоял из укрепленного городского центра — "детинца", где находились дворы князя, бояр и дружины-ков, "окольного города", за крепкими стенами которого проживала основная часть городского населения, и "посадов", или "колдов", заселенных ремесленным и торговым людом. Крупнейшие города Руси — Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов, Владимир-Волынский и другие — насчитывали в XI—XII вв. по нескольку десятков тысяч жителей и принадлежали к числу многолюднейших городов Европы.

Застойка древнерусских городов носила живописный характер. Комплексы деревянных строений княжеских и боярских дворцов с высокими теремами, многочисленные деревянные и каменные церкви и монастыри украшали силуэт города. На городских торгах встречались купцы из Германии и Хорезма, Италии и Халифата, Скандинавии и Византии. Купцы из Киева, Новгорода, Смоленска совершали дальние морские путешествия. Все это вводило в обиход Древней Руси художественные изделия многих народов, что сказалось на разнообразии тематики, техники и профессиональном уровне древнерусских художников.

В X в. резко поднялся уровень древнерусского ремесленного производства. В одном Киеве насчитывалось 60 ремесленных профессий. Особенно славились ювелирные изделия — их воспевает византийский поэт Тцетцис и высоко ценит немецкий писатель второй половины X в. Теофил из Падерборна, автор большого трактата о технике ювелирного дела. "Нигде мы не встречали такой красоты", — говорили иноземцы, приходившие в Киев.

О мастерстве киевских ювелиров может свидетельствовать такой факт. На небольшое женское украшение "колт" мастер напаивал до 5000 колечек диаметром 0,06 см, а в каждое из них впаивал еще зернышко размером 0,04 см. На 8 см² ювелир делал 120 золотых цветков на тонких золотых стебельках.

Изделия древнерусских ювелиров по праву считаются сокровищами искусства Киевской Руси, в наши дни они украшают лучшие музеи мира.

Если в области деревянной архитектуры и декоративно-прикладного искусства Киевская Русь имела давние и богатые традиции, то монументальное зодчество и связанное с ним монументальное искусство возникли как результат непосредственных требований молодого развивающегося древнерусского государства.

Первое упоминание о каменной дворцовой постройке относится к 945 г. Но лишь в конце X в. каменное зодчество приобретает широкий размах. В нем уже видны особенности древнерусской строительной техники, отличающейся от византийской, и архитектурных форм, характерных для древнерусской школы. Завершение глав древнерусских храмов, по мнению ряда исследователей, восходит к форме шлемов русских воинов и является совершенно самобытным.

Самым ценным сокровищем Киевской Руси является Софийский собор, строительство которого, согласно старейшей древнерусской летописи "Повесть временных лет", началось в 1037 г. на месте, где годом ранее Ярослав Мудрый окончательно разгромил печенегов. Под позднейшими наслоениями и внешними надстройками XVII–XVIII вв. собор отлично сохранил свои первоначальные формы.

Построенный в память победы над печенегами и ставший символом нового объединения Руси под властью киевского князя, Софийский собор своей торжественной, симфонической архитектурой, живописной композицией внутреннего пространства, динамическим нарастанием форм наружного объема прекрасно выражает идеи торжества и единения Руси.

Особый интерес представляет фресковая роспись на стенах двух башен, где расположены лестницы, ведущие на хоры. Многочисленные сцены изображают княжеские развлечения: состязания борцов, скачки, охоту на различных зверей, ловчих птиц, а также танцов, музыкантов и т.п. Под хорами находится изображение семейства Ярослава Мудрого: Анна, ставшая французской королевой, Елизавета — норвежской и Анастасия — венгерской. Всего в Софийском соборе открыто из-под позднейших записей и реставрировано около 2000 м² фресковой живописи XI в., первоначально же ее было значительно больше.

Главный художественный эффект собора — мозаики, покрывающие столбы, своды и стены залитой светом восточной части центрального пространства. Некоторые из них — Лаврентий, Григорий Богослов, и особенно Иоанн Златоуст, — шедевры мозаичного искусства, принадлежащие руке выдающегося мастера.

Всего в Софийском соборе сохранилось около 650 м² мозаик. В их ис-

полнении, по мнению известного советского ученого В.Н. Лазарева, принимало участие не менее восьми ведущих мастеров. Поистине поражает богатство красочной палитры софийских художников. Всего насчитывается 177 оттенков различных цветов, из них только зеленый цвет имеет 34 оттенка, желтый — 23 и даже серый — 9.

Другим известным памятником зодчества Киевской Руси является Спасский собор в Чернигове, заложенный, согласно летописным данным, около 1035—1036 гг. Его композиция имеет осевой характер — этим он отличается от киевского Софийского собора.

Новый этап в искусстве и архитектуре Киевской Руси наступает с середины XI в. В это время под влиянием развивающихся феодальных отношений крепнут отдельные земли Руси, растут и застраиваются их центры, в политике князей, осевших в этих областях, проявляются тенденции к обособлению от Киева. Усиливается влияние церкви, получает распространение монастырское строительство.

Однако Киев по-прежнему остается столицей Руси, отсюда распространяются культурные и художественные веяния во все древнерусские земли. В эту пору в киевском Печерском монастыре формируется крупный центр феодальной культуры, в том числе искусства и архитектуры, "вторая Киевская художественная школа".

Программным для архитектуры того времени был собор Печерского монастыря, построенный в 1073—1078 гг. Значение его для дальнейшего развития древнерусской архитектуры и искусства было исключительно велико: по его образу и подобию будут возникать многочисленные церковные постройки по всей Руси и на протяжении долгого времени. Собор был варварски разрушен фашистскими войсками в 1941 г.

Великолепный ансамбль монументального искусства Киевской Руси этого периода составляют мозаики и фрески Михайловского Златоверхого собора (1107—1113). Как в Софийском и Печерском соборах, в главной апсиде Михайловского собора находилась большая композиция "Евхаристия" с изображением причащения апостолов.

Михайловская "Евхаристия" значительно отличалась от софийской. В ней чувствуется большая свобода в компоновке фигур, больше внимания уделяется психологической характеристике персонажей, интенсивной и красочной становится цветовая гамма, усиливается элемент линейности. Эти особенности, равно как и русские надписи, дают основание видеть в михайловских мозаиках руку местных мастеров.

Некоторые исследователи считают одним из авторов этих мозаик прославленного русского художника конца XI—начала XII в. Алипия, жившего и работавшего в Печерском монастыре. О трудах и жизни Алипия подробно повествует патерик Киево-Печерского монастыря — увлекательный сборник рассказов об этом крупнейшем не только церковном, но и культурном центре Киевской Руси. Алипий, согласно патерику, писал иконы "не богатства ради". Он бережно собирал старые иконы других мастеров и "поновлял" их. Его собственные произведения были так прекрасны, что древние киевляне почитали их на-

писанными с помощью ангелов, а краскам, которыми пользовался Алипий, приписывали силу исцеления.

К киевской художественной школе этого периода относятся интереснейшие образцы древнерусской монументальной скульптуры. Скульптура была одним из традиционных видов древнерусского искусства и имела давние традиции в языческой статуарной пластике.

Языческая скульптура известна по многочисленным археологическим находкам и литературным источникам. Вероятно, приверженность к ней можно объяснить и то, что на центральной площади Киева были установлены привезенные князем Владимиром из Херсонеса античные статуи.

И очевидно, что в этой связи византийская церковь неодобрительно отнеслась к тематической скульптуре: в Софийском (Киев) и Спасском (Чернигов) соборах скульптура имеет лишь орнаментальный характер. Но в двух барельефах из Печерского монастыря мы видим не только тематическую скульптуру, но и обращение к античной тематике: на плитах изображены триумф Диониса и подвиг Геракла.

Исключительно интересны плиты из Михайловского Златоверхого монастыря, изображающие святых воинов-всадников, покровителей князей династии Изяславичей. В них чувствуется иная манера: их рисунок энергичнее, композиция совершеннее.

Крупным центром каменного зодчества был и Новгород. В его соборах начала XII в., хорошо сохранившихся до наших дней, Николо-Дворищенском (1113), Антониевом (1117) и Юрьеве (1119) монастырях, с одной стороны, видно влияние Успенского собора Печерского монастыря: это шестистолпные крестово-купольные храмы, но с другой — традиция новгородского Софийского собора: могучие формы, суровая пластика фасадов, башни и завершения пятью или тремя главами. Особенно величественна архитектура собора Юрьева монастыря.

В соборе Антониева монастыря частично уцелела фресковая роспись (1125), близкая по характеру к романской живописи, но по особенностям — энергичной и свободной манере письма — предвосхищающая некоторые черты новгородской живописи последующих времен.

Основателем этого монастыря был Антоний Римлянин. Он покинул Рим и, как говорит предание, на жернове проплыл через Средиземное и Балтийское моря, оказался в Новгороде. Новгородские рыбаки выловили бочку с драгоценностями, которую Антоний, отправляясь из Рима, бросил в воду. На эти ценности и былозведен монастырь.

При всем типично средневековом характере этого предания оно все же содержит в себе реальное зерно: дошедшие до нас вещи Антона действительно западноевропейского происхождения, не говоря уже о том, что само это предание отражает теснейшие контакты Новгорода с Западной Европой, хорошо нам известные как по письменным источникам, так и по данным археологии.

Древнерусская станковая живопись конца X—первой половины XI в. до нас не дошла, хотя летописные источники упоминают

об иконах, украшавших первые храмы. В XI и даже начале XII в. иконы в большом количестве привозили на Русь из Византии. К таким образцам икон византийского происхождения относится знаменитая икона Владимирской Богоматери, сыгравшая большую роль в развитии древнерусской иконописи.

Из Руси иконы попадали в соседние страны и пользовались там большим почитанием. Такова судьба и столь прославленной в Польше Ченстоховской иконы.

Большого мастерства достигло в Киевской Руси искусство рукописной книги и книжной миниатюры. Книги издревле были любимы на Руси, их берегли и богато украшали. По словам летописца XI в., книги — “это реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина”.

Старейшая из древнерусских книг — “Остромирово евангелие” — была написана в 1056–1057 гг. в Киеве дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Книга украшена многочисленными инициалами, заставками и миниатюрами с фигурами евангелистов.

Интересные миниатюры (одна из них — с изображением княжеской семьи) украшают книгу “Изборник Святослава”, написанную в Киеве в 1073 г. по княжескому заказу дьяконом Иваном. Весьма любопытны рисунки на полях этой книги с изображением знаков зодиака, мастерски выполненные рукой талантливого художника.

Интересные портреты семьи князя Ярополка Изяславича находятся в “Кодексе Гертруды”, созданном между 1078 и 1087 годом. “Кодекс Гертруды”, или “Трирская псалтырь”, хранящийся ныне в Италии — в Чивидале (Ломбардия), — был написан на латыни по заказу трирского архиепископа Эгберта в конце X в. Спустя столетие рукопись попала к польской княжне Гертруде, вышедшей замуж за киевского князя Изяслава Ярославича, сына Ярослава Мудрого. При новой владелице в рукопись был добавлен ряд миниатюр, среди которых мы находим и изображение сына Изяслава и Гертруды — Ярополка и его жены Ирины.

Период истории Древней Руси с 1130-х гг. обычно называют периодом феодальной раздробленности. В это время в отдельных областях княжествах формируются свои культурные и художественные центры, объединенные единой общерусской традицией и отражающие как местные тенденции и вкусы, так и черты мирового художественного процесса. По словам академика Б.А. Рыбакова, “Русь в XII в.” была как бы соавтором в создании многообразия форм романского стиля Европы и Кавказа”.

К 30-м годам XII в. прекращается строительство характерным для Киевской Руси смешанным способом — из кирпича и камня, и зодчие в каждой из земель сооружают здания из местных строительных материалов. В Приднепровье и на Волыни строят из кирпича, в Галицкой и Владимиро-Сузdalской землях — из местного камня, известняка, а фасады зданий украшают белокаменной резьбой — исключительной художественной выразительности достигает она в таких шедеврах,

как церковь Покрова на Нерли (1165) и Дмитриевский собор во Владимире (1194–1197). Стойная и поэтичная церковь Покрова органично вписывается в просторы нерльских полей. Дмитриевский собор, напротив, царственно величествен. Украшающие его рельефы составляют целую космогоническую систему. Растения, звери, люди сливаются в радостном славословии.

Великолепными памятниками древнерусской иконописи XII–XIII вв. являются иконы Дмитрия Солунского из Дмитрова, Свенской богоматери из Печерского монастыря в Киеве, Успения из Новгорода (все они хранятся в Государственной Третьяковской галерее).

Древнерусское искусство XII–XIII вв. многогранно, оно представлено большим количеством художественных памятников и требует отдельного рассказа. Но общие черты, присущие всему древнерусскому искусству периода феодальной раздробленности, определились той основой, на которой они возникли, – искусством Киевской Руси. В этом значение его для дальнейшего развития искусства и архитектуры русского, украинского и белорусского народов, которые образовались в последующие времена из единой древнерусской народности.

КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

**Илья Миллер,
доктор исторических наук**

Проблема связей культуры и освободительных движений столь обширна, что мы, естественно, остановимся лишь на главных ее сторонах.

Историческая эпоха формирования славянских народов в нации характеризуется разложением феодальной структуры общества, значительной активизацией всех социальных, экономических и идеологических процессов, непосредственно связанных со становлением нового общественного строя. Как и эти многообразные процессы, интенсивно развивающаяся культура формирующихся славянских наций была связана прежде всего с теми их социальными слоями, которые по своему общественному положению и политической направленности были враждебны феодальному строю. Эти социальные слои весьма неоднородны, к ним принадлежали и оторвавшиеся от феодального господствующего класса дворянские революционеры, и основной угнетенный класс феодального общества — крепостное или зависимое крестьянство, и находившиеся в стадии формирования будущие классы-антагонисты капиталистического общества — буржуазия и пролетариат. Эта неоднородность сказалась и на формировании национальной культуры. Но на данном этапе более существенным является то общее, что объединяет подавляющее большинство нации. Общность антифеодальных и национально-освободительных устремлений в значительной мере определяет новые черты национальной культуры как культуры по преимуществу демократической, динамичной, определяет самый ее подъем.

Говоря о связи культуры и освободительного движения, мы должны иметь в виду широкий смысл последнего понятия: Это — борьба против национального угнетения и порабощения, за свободное развитие нации, ее языка, культуры, за ее политическое равноправие и суверенитет, это борьба — национально-освободительная. Однако наряду с борьбой национально-освободительной (и мы знаем, сколь многообразны и значимы эти связи) развивается борьба социально-политическая, антифеодальная, направленная на ликвидацию абсолютизма и монархизма, крепостничества и всех форм феодальной зависимости, сословного неравноправия, на завоевание свободы личности и слова, на установление демократического правопорядка. В истории общест-

венного движения и общественной мысли попытка разделения, тем более обособления, этих двух сторон прогрессивного общественного процесса обречена на неудачу. Также обстоит дело и в той сфере, которая интересует нас сегодня, — в связях культуры и освободительного движения.

Нигде, пожалуй, взаимозависимость, неразделимость двух сторон освободительного движения — антифеодальной и национальной — не вырисовывается столь рельефно, как в истории одного славянского народа, единственного не утрачивавшего своей государственности, — в истории русского народа. "Мы — дети 1812 года" — глубокую обоснованность этой емкой формулы М. Муравьева-Апостола не раз отмечали историки. Могучий подъем национальных чувств, овладевший русскими патриотами, когда возникла угроза национальной независимости России, стал исходным пунктом глубоких раздумий о судьбах Родины, о необходимости коренных общественных и политических преобразований. Для русских дворянских революционеров, при том что Россия была самостоятельным и суверенным государством, были характерны национально-освободительные идеи, неразрывно связанные с программой уничтожения самодержавия и крепостничества, в глазах декабристов являвшихся символом национального угнетения и унижения русского народа. Именно деятельность дворянских революционеров В.И. Ленин назвал первым периодом русского освободительного движения.

Лишь такое исторически обоснованное понимание освободительного движения может дать правильную основу при рассмотрении связей этого движения и культуры. Эти связи не только чрезвычайно велики и значимы, это — то диалектическое взаимопроникновение, которое накладывает отпечаток на развитие и освободительного движения, и национальной культуры.

Расшатывание устоев феодального строя, происходившее под влиянием социально-экономических процессов и развития освободительного движения, имело своим следствием приток в сферу культуры одаренных выходцев из демократических слоев и одновременно уменьшение зависимости культуры от монаршего и аристократического меценатства. В период формирования наций в культуре славянских народов происходит многоплановый процесс демократизации. Демократизируется и существенно расширяется круг деятелей культуры, что обусловлено появлением нового, демократического по своему положению в обществе и по своим политическим идеалам социального слоя — интеллигенции. Необычайно возрастает воздействие культуры, она впервые приобретает общенациональное значение. Проблематика культуры охватывает сферы наименее важные, политически весомые, в ней все более проявляется тяготение к общественно значимой тематике, к идеям общеевропейского Просвещения и опыту Великой французской революции, в ней находит отклик движение в защиту национальной независимости, возникшее в ответ на наполеоновскую экспансию. Переосмысливая эти идеи и подчиняя их актуальным задачам развития нации, культура

славянских народов тем самым смыкалась с освободительным движением.

Общественная мысль, культура в целом и отдельные ее области в рассматриваемую эпоху характеризуются сменой этапов развития, сменой форм познания и художественного отражения действительности, борьбой художественных направлений. Ни в малейшей степени не умаляя историко-культурного значения этих процессов, не сглаживая те черты, которые отличали просветительский рационализм и классицизм от романтизма, а этот последний — от реализма, справедливо сказать, что там, где прогрессивная культура смыкалась с освободительным движением, эти различные фазы развития культуры не противоречили друг другу, а выполняли общую миссию освобождения народов от гнета средневековых предрассудков, от покорности абсолютизму, от национального порабощения. Между этими этапами культурного развития, рассматриваемыми под углом зрения освободительного движения, нет "китайской стены", как нет ее и между этапами самого освободительного движения. Недаром возникшая в среде дворянских революционеров великая романтическая литература, русская и польская, воодушевляла и следующее поколение борцов — революционных демократов.

Освободительные идеи питали национальную культуру, без них она была бы обречена на прозябание и вырождение. Но культура в свою очередь не оставалась в долгу. Особенностью культуры, ее неоценимым для освободительного движения свойством была присущая ей способность преобразовывать воспринимаемые из области общественной мысли прогрессивные идеи, переводить их на доступный восприятию широких масс язык художественных образов. В силу этого культуре принадлежала ведущая роль в формировании и углублении национального самосознания, она была важным фактором активизации политического сознания народных масс, тем самым она включалась в освободительное движение, становясь его составной частью, его органическим элементом.

Разумеется, было бы грубой ошибкой сводить функцию культуры только к популяризации прогрессивных идей, к воздействию на массы, не способные воспринять эти идеи непосредственно. В своих высших достижениях художественная культура необычайно углубляла и обогащала общетеоретическую мысль эпохи. Приведем сравнение, может быть, банальное, но вполне обоснованное: великие свершения культуры, вбирая в себя прогрессивные идеи, кумулировали их и, подобно лазеру, поражали вспышкой такой яркости, которая озаряла души современников и потомков. Трудно при этом не вспомнить формулу о материальной силе идей. Так, не было почти ни одного участника декабристского восстания, в бумагах которого не хранились бы свободолюбивые стихи Пушкина: они становились органической частью идейной основы русского освободительного движения на его первом этапе.

Именно в сфере культуры прежде всего осуществлялась победа нового над старым, крепло убеждение в обреченности последнего.

Никакая форма воздействия на умы не могла идти в сравнение с художественной культурой в раскрепощении от гнета прошлого, в разоблачении и осмеянии отжившего, которое можно было уничтожить, лишь убив его морально, сделав постыдным саму его защиту. "Мертвые души" и "Записки охотника" заклеймили крепостное право и нанесли ему сокрушающий удар.

Другой стороной прогрессивной художественной культуры был гуманизм. Эту неразрывную связь гуманизма и свободолюбия утвердил в умах поколений великий русский поэт Пушкин стихотворением, которое по стечению роковых обстоятельств стало его завещанием. Своей заслугой он считал и то, что "чувства добрые... пробуждал" в народе своей лирой, и то, что в "жестокий век восславил... свободу".

Одну из основных черт передовой русской культуры составляла забота о простом человеке, сочувствие его нелегкой доле. Эти мотивы не всегда были осознанно связаны с освободительным движением, но они служили делу освобождения. "Все мы вышли из голевской "Шинели" — эти широко известные слова отвечали ведущим устремлениям творчества молодого Достоевского, участника русского освободительного движения 40-х годов. Они сохраняли свое значение на всем жизненном пути писателя, несмотря на зигзаги и метания его мысли, ибо все творчество Достоевского было пронизано болью за униженных и оскорбленных и — независимо от политической позиции автора — было враждебно миру социальной несправедливости, насилия, было проникнуто духом гуманизма.

В истории культуры славянских народов бывали периоды, когда в политически неблагоприятных условиях, после поражений революционных выступлений, именно художественная культура оказывалась главным хранителем и продолжателем традиций прогрессивного движения, перебрасывая мостки через зияющие провалы в истории освободительного движения, в годы мрачной реакции. Подчас именно здесь формировались и делали первые шаги будущие руководящие деятели освободительного движения.

Развитие прогрессивной культуры славянских народов характеризовало то, что, углубляя национальное самосознание, утверждая чувство национального достоинства, она, как правило, оставалась чужда духу национальной ограниченности, замкнутости, противопоставления себя культурам других народов. И дело не только во взаимном притяжении родственных складывающихся славянских наций, хотя познание культуры братских народов, осознание себя частью могучей славянской семьи играло громадную роль в становлении национального самосознания и взаимообогащения славянских национальных культур. Демократическая культура славянских народов развивалась как культура, чутко воспринимавшая все прогрессивное в идеологии и культуре других народов.

Романтическая приподнятость, вера в высшую историческую миссию своего народа и всех славян, характерная для некоторых выдающихся представителей славянской культуры, ничего общего

не имела с высокомерным национализмом. Это была вера в революционные силы и перспективы своего народа, вера в то, что он может проложить путь к лучшему будущему всего человечества. Это было стремление стать выше национальных распрай, убежденность в величии идеи братства народов, верность идеи борьбы за свободу.

Дух свободолюбия был по природе своей духом интернационализма, "Заповіт" Шевченко звал на борьбу не только украинцев, не только русских, но и все угнетенные царизмом народы — говоря словами великого кобзаря, от молдаванина до финна.

Давно ушла в прошлое эпоха борьбы против феодализма, далекой историей стало для нас ее освободительное движение. Далекой, но не перестающей нас волновать, о чем свидетельствует, в частности, широкое чествование в нашей стране 150-летия восстания декабристов. История ранних этапов освободительного движения, история культуры той эпохи — это более всего достояние историков, литератороведов и иных специалистов. Но традиции освободительного движения, сама прогрессивная, гуманистическая культура — это достояние всего нашего сегодняшнего общества, неотъемлемая часть духовного мира современного человека. С малых лет сознание наших детей обогащается идеями гуманизма, свободолюбия, демократизма, братства народов под влиянием могучих художественных импульсов, родившихся в эпоху борьбы с феодализмом и деспотизмом, при чтении, например, "Муму" Тургенева, "После бала" и "За что?" Толстого. Безмерно значение вечно живой прогрессивной культуры, созданной славянскими народами в ту эпоху. Эта культура была союзницей освободительного движения, она помогла ему выполнить его историческую задачу, и она не стала лишь частью истории. Она воспитывала борцов в период героической борьбы против фашизма, поддерживала их стойкость. Когда Христо Ботев в канун своей гибели написал: "Кто в грозной битве пал за свободу, тот не погибнет..." — он создал не только величественную эпиграфию себе и своим соратникам. Эти строки стали символом веры поколения борцов Отечественного фронта и откликаются в сердце не только болгарина.

В заключение хотелось бы сделать еще одно замечание узко профессионального характера. Следует признать, что мы, историки, нередко недооцениваем значение произведений культуры как важного источника, он кажется нам по самой своей природе менее надежным, менее веским в своей аргументации, чем официальный документ. Конечно, есть документы и "документы", далеко не равны между собой и произведения культуры, но среди них немало таких, которые как исторический источник не имеют себе равных по степени концентрированного выражения освободительных идеалов, квинтэссенции духа эпохи могучего подъема нации. Я убежден в том, что изучающему движение русских революционных разночинцев час, проведенный в музее перед "Арестом пропагандиста" и "Отказом от исповеди" Репина, перед "Курсисткой" Ярошенко, даст несравненно больше, чем многие часы внимательного чтения народнических брошюр. Это, разумеется, не означает, что брошюры эти читать не следует.

**ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (XVIII в.–70-е годы XIX в.)**

**Виталий Злыднев,
доктор филологических наук,**

**Александр Мыльников,
доктор исторических наук**

Культура каждого народа в эпоху консолидации наций претерпевает существенные, можно даже сказать качественные изменения. С одной стороны, на основе демократизации всей общественной жизни она получает более интенсивное развитие, вбирая новые национальные тенденции и приобретая более высокое художественное сознание. С другой – национальная культура, будучи продуктом более развитой, по сравнению с феодальной, народности, этносоциальной общности, сама воздействует на процесс сплочения нации, становясь одним из важных факторов ее утверждения и дальнейшего развития. Такой двусторонний процесс социально-экономического и историко-культурного взаимодействия составляет одну из существенных закономерностей общественного развития.

В силу общности этнического происхождения, близости языков, сходства исторических судеб славянские народы имеют много общего в своем развитии. Это ставит перед исследователем задачу рассмотрения и общих закономерностей, и специфических особенностей историко-культурного процесса как комплексной проблемы в эпоху формирования славянских наций.

|

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что процесс становления национальных культур у славянских народов был теснейшим образом связан с теми изменениями в социальной структуре общества, которые происходили в переходную эпоху от феодализма к капитализму. У всех славянских народов, независимо от их социально-экономического положения, шел непрерывный и постепенно усиливающийся процесс классовой дифференциации, обособления мелкобуржуазных и буржуазных слоев, с одной стороны, и формирования широких демократических кругов в городе и деревне – с другой. Эта закономерность с теми или иными местными различиями и особенностями была присуща всем без исключения славянским народам.

Неравномерность проявления типологически сходных социально-

экономических факторов у разных славянских народов вела к тому, что историко-культурные процессы у них протекали разновременно, неодинаково по характеру выражения типических явлений и по степени интенсивности. Так, если у русских становление культуры нового времени относится к началу XVIII в., то у поляков – к середине, а у чехов, словаков и южных славян – ко второй половине столетия, у некоторых славян (например, белорусов) – к рубежу XIX–XX вв. Впрочем, асинхронность была связана не только с различиями в уровне социально-экономического развития, но и с реальным политическим положением отдельных славянских народов, находившихся под чужеземным игом и в ряде случаев лишенных территориального единства, что оказывало воздействие на процессы формирования национальной культуры.

Но в целом рубежом в становлении культуры нового времени у большинства славянских народов был XVIII в. Это явилось закономерным следствием коренных социально-экономических сдвигов, связанных с нарастанием общего кризиса господствовавшей феодально-крепостнической системы и постепенным складыванием буржуазных отношений, порождавших переворот в общественной психологии и получавших непосредственное проявление в духовной жизни славянских народов и в их культуре.

Одна из наиболее общих и характерных особенностей культуры рассматриваемого периода – проявление генетического родства славянских народов, что отразилось в разного рода концепциях славянской общности и взаимности. Таковы славянские аспекты политики Петра I, концепции единства происхождения славян в трудах русских (В. Татищев, М. Ломоносов), польских (Я. Потоцкий), чешских (Г. Добнер, Й. Добровский), словацких (Я. Коллар, Ю. Папанек), серболужицких (К. Антон) и других славянских ученых XVIII в. Сюда же следует отнести учение Й. Юнгмана о всеславянском языке, колларовскую теорию четырех славянских наречий, взгляды на славянское единство декабристов, польский мессианизм, хорватский иллиризм, югославизм, паннонскую теорию В. Копитара, которые получили распространение в первой половине XIX в. При всей своей пестроте и далеко не адекватном содержании поиски генетического родства на этапе формирования славянских наций сыграли в целом положительную роль, особенно для формирования культуры малых народов. Да и не только для них. В России, где борьба за народность и демократизацию культуры в XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. превратилась в одну из стержневых проблем культурного развития, вопросы славянской общности находили отражение в деятельности М. Ломоносова, А. Радищева, А. Пушкина, А. Одоевского, В. Кюхельбекера, А. Востокова и ряда других представителей прогрессивной русской культуры, идейное наследие которых в этой области изучено еще недостаточно.

Становление национальных культур представляет собой длительный, сложный и не лишенный противоречий процесс. Перед исследо-

дователями этого процесса стоит такая важная задача, как уяснение динамики и определение этапов его развития. Сопоставляя историю отдельных славянских культур, можно прийти к заключению, что в период формирования наций они прошли в своем развитии по крайней мере два основных этапа. На первом из них преобладало воздействие идей Просвещения, второй этап был связан с формированием и утверждением концепции национальной культуры. На каждом из этих этапов жизни славянских народов выдвигались свои цели и задачи, которым соответствовали конкретные формы культурной деятельности.

II

Первый период, проходивший под воздействием идей Просвещения, отмечен прежде всего выдвижением на первый план роли наук, особенно гуманитарных. Проникнутые духом рационализма и просвещенческой критики, они неумолимо вторгались в феодально-клерикальную систему представлений о мире и человеке, о природе и обществе. Ярким тому примером может служить интеллектуальный переворот, произшедший в России в первой трети XVIII в. Сходные процессы наблюдались и в других странах. У истоков нового мировоззрения стояли такие ученые-историки и филологи, как Б. Хмельевский, А. Нарышевич, Г. Коллонтай, Г. Добнер, И. Добринский, Г. Сковорода, Д. Обрадович. Большую роль в консолидации сил сторонников этого направления играли научные объединения и общества, возникающие в славянских странах в XVIII в. Так, выдающееся значение для развития отечественной и мировой науки имело учреждение в 1724 г. в Петербурге Академии наук. Несмотря на многочисленные трудности, которые в условиях феодально-крепостнической России выпали на ее долю, Академия наук развернула широкие исследования в области геологии, географии, этнографии и истории. Из стен русской Академии наук вышла блестящая плеяда ученых, посвятивших себя патриотическому служению стране и народу. Наряду с именем великого Ломоносова можно назвать имена С. Крашенинникова, С. Румовского, А. Нартова, И. Лепехина и др.¹

Попытки организационного оформления польской науки относятся к созданию в 1720 г. в Гданьске Литературного общества для взращивания добродетели и науки, вскоре, однако, прекратившего свою деятельность, а также Общества экспериментальной физики— в 1743 г.²

Первым не только в Чешских землях, но и во всей Австрийской империи было оломоуцкое Общество неизвестных литераторов (1746–1751). В последующие десятилетия фактически частью национальной Академии стало Общество наук, возникшее в 1770-х гг.³

В области художественной культуры в эпоху Просвещения шел процесс усиления светского начала, в ней все большее отражение находили насущные проблемы современности⁴. В русской худо-

жественной литературе и журналистике с 1770-х гг. решительно звучит крестьянская тема. Невежество дворянства, ужасы крепостного права, заклейменные А. Радищевым, осуждались также в пьесах Д. Фонвизина и Я. Княжнина, в живописных полотнах М. Шибанова и акварелях И. Еремеева, чьи позиции во многом перекликались с взглядами таких просветителей, как Я. Козельский, Н. Новиков и А. Поленов.

Крестьянская тема нашла отражение и в польской литературе тех десятилетий (Ф. Карпиньский, И. Красицкий)⁵. В чешской литературе XVIII в. она выражена слабее, а в литературе южных славян появилась только в середине XIX столетия.

Другой вопрос, дебатировавший в просветительской литературе, касался политического устройства общества. В России XVIII в. лишь А. Радищев поднялся до понимания необходимости его революционной перестройки, остальные же просветители в основном стояли на позициях "просвещенного абсолютизма". В поэзии украинского просветителя Г. Сковороды обличались крепостное право, дворянский произвол, воспевались идеи свободы и гражданственности. Большое место занимали политические размышления в польской литературе, усугубленные трагическими событиями борьбы между магнатерией и королевской властью, которые предшествовали и сопровождали разделы страны в последней трети XVIII в.

В искусстве славян важное значение приобрела патриотическая тема, отчетливо звучавшая в творчестве М. Ломоносова и Н. Новикова, Ф. Богомольца и А. Нарушевича. Едва ли не главное содержание составляла она в чешской художественной культуре второй половины XVIII в., достигнув гражданской высоты в литературной и практической деятельности В. Крамериуса. Это закономерно привело к взаимопроникновению художественной литературы и публицистики.

В России эта особенность нашла воплощение прежде всего в сатирических журналах 1760–70-х гг. "Трутень", "Адская почта", "Живописец" и в журнале И. Крылова "Почта духов". В польской культуре отмеченный процесс прослеживается на примере таких журналов 1780-х гг., как "Историко-политико-экономические записки", "Варшавский магазин", "Торговый дневник". В Чешских землях, а также в Словакии взаимопроникновение литературы и публицистики породило своеобразную форму трактата, известную и ранее, но в конце XVIII в. получившую широкое распространение в форме "языковых защит". Выдающимися ее образцами стали изданные в 1783 г. "Рекомендации чешского языка и литературы" Яна Ганке (на немецком языке) и "Задача чешского языка от злобных его хулителей" Вацлава Тамма (по-чешски). Впрочем, жанр "языковых защит" в той или иной мере был известен и у других славянских народов. Так, отстаиванием национальных прав народа и верой в его грядущее освобождение проникнут "Разговор угодный народа словенского" А. Качича-Миошича (1759).

Из других видов художественной культуры, оказавших в эпоху

Просвещения существенное воздействие на формирование национального самосознания, следует в первую очередь назвать театр. Поражает синхронность развития театрально-драматической и музыкальной культуры у различных славянских народов. Так, в России государственный профессиональный театр возник в 1756 г. и был связан с именем Ф. Волкова. С конца 1750-х гг. публичные театральные представления стали даваться в Москве и в ряде других городов. В Польше театр на польском языке зарождается в 1770-е гг., когда была поставлена опера "Изменившийся философ". Крупный вклад в формирование польской национальной сцены внес В. Богуславский, которого современники называли "отцом национального театра". В Чешских землях интерес к национальному театру обострился в условиях национального угнетения, и потому театр вскоре превратился в своеобразную трибуну пропаганды национального самосознания. Первые постановки на чешском языке состоялись в Праге в 1771 г., а в следующем десятилетии благодаря усилиям любителей в Праге возникает постоянный чешский театр, огромная заслуга в становлении которого принадлежит В. Тамму. В период между 1786 и 1792 г. на чешском языке появилось около 300 оригинальных и переводных пьес⁶.

Одна из закономерностей развития художественной культуры славянских народов — все более усиливающийся интерес к народному творчеству. Объясняя, например, истоки своих взглядов на ритмическую организацию стиха, Тредиаковский со всей определенностью указывал, что "поэзия нашего простого народа к сему меня довела"⁷. В 1770—80-х гг. в России были изданы сборники народных песен М. Чулкова, В. Трутовского, Н. Львова и Я. Прacha — чеха по происхождению. Широко использовал украинский фольклор в своих философских и поэтических произведениях Г. Сковорода. В польской литературе обогащение стихосложения и введение в него фольклорных элементов было осуществлено И. Красицким. Чешское стихосложение на новых основах формируется в 80—90-е годы и тесно связано с именами А. Пухмайера и его сподвижников, одним из которых был Й. Юнгман.

Важнейшей составной частью культуры славянских народов эпохи Просвещения стали издание книг и организация периодической печати. Они сделались ареной ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками нового мировоззрения. В руках патриотически настроенных деятелей книги, журналы и газеты являлись средством распространения культурных ценностей, содействовали пропаганде прогрессивных социально-политических идей, формировали круг чтения на языках славянских народов. Такими были издательство Н. Новикова в Москве (1780) и "Чешская экспедиция" В. Крамериуса, деятельность которой в Праге относится к следующему десятилетию. Подобные или сходные книгоиздательские центры возникали на рубеже XVIII—XIX вв. и у других славянских народов. Так, видные словацкие просветители А. Бернолак и Ю.Фандли основали в Трнаве в 1793 г. "Ученое словацкое товарищество".

Степень воздействия печати на культурное развитие славянских народов зависела и от того круга читателей, к которому печатные издания обращались, и от уровня грамотности населения. В этой связи нельзя не отметить, что характерной особенностью эпохи Просвещения было повышенное внимание к проблемам образования и педагогики.

Таким образом, идеи Просвещения оказали заметное воздействие на развитие национальных культур славянских народов, хотя реальное проявление их в разных случаях было неодинаковым. В России такие представители культуры XVIII в., как М. Ломоносов и Г. Державин, большое значение придавали государственной власти в осуществлении необходимых преобразований, критикуя недостатки социально-экономической и политической системы и вместе с тем с гордостью отмечая рост международного престижа страны. У народов, лишенных национальной независимости, особую злободневность приобретала борьба за язык и литературу как важнейшие формы выражения и стимулирования национального сознания. При этом происходила своеобразная перемена акцентов: вопросы собственно социальной и политической организации общества у просветителей как бы отодвигались на второй план, поскольку они осмысливали их с научно-литературных позиций.

III

Изменение социально-экономической и культурно-политической ситуации в славянских землях, дальнейшее обострение классовой и национальной борьбы влекли за собой на рубеже XVIII–XIX вв. кризис идей Просвещения. Просветительская идеология постепенно изживала себя, уступая место иным идейным течениям, находившим отражение в культуре славянских народов первых десятилетий XIX в. Это был необычайно сложный, калейдоскопический процесс, в ходе которого у большинства славянских народов, лишенных, кроме России, национальной независимости, выкристаллизовывались разного рода национальные концепции, отражавшие подъем антифеодального и национально-освободительного движения. Разумеется, конкретные цели и задачи, которые выдвигались и решались национально-освободительным движением отдельных славянских народов, зависели от множества объективных и субъективных факторов, в том числе и от степени массовости и силы самого движения. В этом легко убедиться, сопоставляя национально-освободительные движения в польских землях, Чехии, Словакии или у южных славян. Но то общее, что было присуще им, накладывало заметный отпечаток на развитие культуры западных и южных славян, а также в значительной мере на формировалась в тесном взаимодействии с русской национальную культуру украинского и белорусского народов.

Действительно, после бурных военно-политических событий на-

чала XIX в. и перекроjки политической карты Европы Венским конгрессом 1814–1815 гг. на долгие годы произошла искусственная консервация государственно-правовых и территориальных структур, в рамках которых существовали славянские народы. Эти темы оживленно обсуждались в публичных выступлениях или в неофициальной переписке многих славянских деятелей тех десятилетий. Вместе с тем первая половина XIX в. ознаменовалась развитием буржуазных отношений, причем наиболее быстрыми темпами этот процесс шел в Чешских землях, Королевстве Польском и центральных областях России. Сходство объективных условий порождало своеобразную интеграцию культурных процессов у большинства славянских народов.

В общественной жизни западных и южных славян неуклонно шла дифференциация, в ходе которой более четко, чем на первом этапе, вырисовывались, с одной стороны, либерально-консервативные, а с другой – общедемократические и революционно-демократические тенденции (Э. Дембовский в Польше, Э. Арнольд в Чехии, С. Маркович в Сербии, Х. Ботев в Болгарии).

Конец 20–начало 30-х годов стали временем существенных сдвигов. Большое воздействие оказали июльская революция 1830 г. во Франции и особенно восстание против царизма в Варшаве, вспыхнувшее в ноябре того же года. События эти всколыхнули демократические круги не только в славянских землях: не случайно молодой Ф. Энгельс писал об “электрических разрядах 1830 г.”⁸.

Отмеченные процессы вели к тому, что идеи борьбы за национальное самосознание, за социальное и национальное освобождение отразились в культуре польского, чешского, словацкого и других славянских народов. Территориальное же раздробление славянских земель и невозможность в ряде случаев ведения культурно-просветительской работы на национальной территории приводили к тому, что центрами культурного развития тех или иных славянских народов оказывались города, расположенные не только на их этнической территории, но и вне ее. Такими важнейшими центрами в первой половине XIX в. стали Варшава, Краков и Львов у поляков, Прага и отчасти Вена – у чехов, Братислава и Будапешт – у словаков, Будишин и отчасти Вроцлав и Лейпциг – у лужицких сербов.

Возникают новые национальные и патриотические институции и общества, сыгравшие большую роль в развитии науки, литературы и искусства. Таковы, например, чешский Национальный музей в Праге (1818), варшавское Общество друзей науки, в 1809–1826 гг. возглавлявшееся С. Сташицем, тайные и полулегальные объединения “Панта Коина” (1817–1822), “Союз вольных поляков” (1820), общества филоматов и филаретов, с которыми был связан А. Мицкевич (1817–1820). В Словакии роль одного из культурных центров играла кафедра чехословацкого языка и литературы Пресбургского (Братиславского) лицея, где преподавал Ю. Палкович. В 1828 г. группа студентов лицея основала литературный кружок, вслед за которым такие кружки возникли в Левоче, Кежмарке, Прешове и

Банска-Бистрице. Из подобных неофициальных объединений вышли Л. Штур и его сподвижники, которым принадлежала историческая заслуга создания словацкого литературного языка. Сходную роль выполнило "Товарищество лужицкого языка и литературы", образованное во Вроцлаве по инициативе крупнейшего деятеля серболужицкой культуры Яна Смолера⁹.

Своеобразными культурно-просветительными организациями, содействовавшими пропаганде идей национального самосознания, стали так называемые матицы, к середине XIX в. возникшие у чехов, словаков, лужицких сербов, сербов, хорватов и словенцев¹⁰. В Болгарии их функции выполняли клубы — "читалища", создававшиеся в разных частях страны по инициативе местных общин, особенно с 1840-х гг.¹¹ Заметную роль в общественно-культурной жизни западных и южных славян начинают играть в XIX в. библиотеки, читательские клубы и союзы. Одновременно с распространением грамотности и образования все большее значение получают книги и периодическая печать.

Накал общественно-политической и национальной борьбы, усилившийся по мере приближения революции 1848 г., приводил к тому, что культура становилась ареной ожесточенной идеологической борьбы, прежде всего в науках гуманитарных — истории и филологии. Фигурой европейского масштаба стал в 30—40-е годы XIX в. И. Лелевель, внесший вклад в разработку демократической концепции истории польского народа и в плотную подошедший к пониманию классовой борьбы¹². Польские, чешские, словацкие и южнославянские лексикографы все большее внимание уделяли созданию словарей, в которых закреплялись нормы национального литературного языка. Но и развитие естественных и точных наук также было связано с потребностями развития отдельных славянских стран, с изучением их природных ресурсов. Так, С. Сташиц в Польше, Б. Больцано в Чехии осмыслияли эти проблемы с позиций патриотического служения народу.

В период формирования "национальной идеологии" происходили глубокие перемены в области художественной культуры славянских народов, которая стала наиболее действенным средством сохранения и утверждения национального самосознания. Новым шагом на пути идейного и эстетического развития славянских культур явился романтизм, хотя следует заметить, что он не представлял собой всеобъемлющего стиля эпохи. Характерным было не столько господство романтизма, сколько его своеобразное сосуществование с реализмом, который все более укреплял свои позиции в различных сферах художественной практики¹³.

В сравнении с культурами западных и южных славян русская культура первой половины XIX в. во многом развивалась в иных условиях. Перед ней стояли задачи, вытекавшие из самой действительности феодально-крепостнической России, при отсутствии, однако, фактора национального угнетения. В такой обстановке, естественно, на первый план выдвигались вопросы не национальные, а социально-

политические, проблемы крепостного права и политического строя. В сущности на этом и основывались идеология декабризма, система взглядов революционных демократов от В. Белинского до А. Герцена и Н. Чернышевского. Обращение к проблемам крепостного права и социального положения народных масс неизбежно влекло за собой резкое повышение в сравнении с предшествующим периодом общественного интереса к историческим судьбам русского народа, к народности в литературе, к фольклору.

Одновременно с этим в прогрессивных кругах русского общества нарастал протест против космополитизма аристократии, имевший и социальный, и национально-патриотический характер. Критика моды на все французское, английское и вообще "иностранные", против которой так резко еще в конце XVIII в. выступали Д. Фонвизин и Н. Новиков, достигла у наиболее дальновидных современников, даже и не принадлежавших к демократическому направлению, значительных размеров. Один из них, А. Воронцов, в 1805 г. писал: "Россия — единственная страна, где пренебрегают изучением родного языка и где все, что имеет отношение к отечеству, чуждо нынешнему поколению"¹⁴.

События Отечественной войны 1812 г. явились коренным переломом в общественных настроениях, вызвав небывалый до этого по широте распространения и глубине воздействия подъем патриотических чувств. Именно в период борьбы против наполеоновских войск русский народ, по замечательному определению декабриста А. Бестужева, впервые ощутил свою силу, и "во всех сердцах" пробудилось "чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной"¹⁵. Национальная проблематика живо интересует разные круги русского общества и становится пробным камнем их прогрессивности и реакционности. В концентрированной форме прогрессивные устремления русской национальной культуры нашли отражение в творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Кольцова, М. Глинки, О. Кипренского, В. Тропинина, К. Брюллова, М. Щепкина, К. Росси, М. Казакова, В. Стасова и многих других деятелей этой эпохи.

Выражением той же тенденции стало основание при русских университетах в 1835 г. кафедр славянских языков и литератур, чему предшествовали дискуссии по проблемам славистики, развернувшиеся при Московском университете и в среде филологов и историков еще в начале XIX в.

Эти и подобные обстоятельства, даже принимая во внимание отмеченные выше особенности исторического пути развития русской культуры, в значительной мере предопределили ту типологическую общность, которая прослеживается в культуре русского и зарубежных славянских народов. Это касается в первую очередь идейного содержания, художественных форм и стиля.

Время формирования национальных культур было вместе с тем временем активного обмена духовными ценностями между славянскими народами. Установление культурных контактов как бы символизировало укрепление славянской общности и имело большое влияние на подъем национально-освободительного движения, культуры и национального самосознания братских народов. Так, в дружбе А. Мицкевича и А. Пушкина олицетворялись лучшие традиции русско-польских демократических связей, в дружбе Т. Шевченко и М. Щепкина воплотились братские русско-украинские отношения, интерес К. Гавличка-Боровского к творчеству Н. Гоголя отразил живой характер прогрессивного направления чешско-русских культурных связей. Памятником белорусско-русско-польских отношений является первая белорусская комическая опера "Селянка", либретто которой принадлежало В. Дунину-Марцинкевичу, а музыка — С. Монюшко. Яркой страницей украинско-чешских культурных связей явилась поэтическая деятельность Т. Шевченко, воспевшего Яна Гуса и посвятившего свою поэму "Еретик" П. Шафарыку. Широко известны также контакты В. Караджича с русскими учеными, связи болгарских писателей и революционных демократов с русской культурой, определившие в значительной степени складывание в болгарской литературе в 60–70-е годы XIX в. реалистического метода.

Разумеется, развитие культурных контактов между славянскими народами в эпоху формирования наций было сложным процессом, не лишенным определенных трудностей, но в конечном счете оказавшим огромное влияние на национальные культуры. Нужно, однако, учитывать, что любые межнациональные контакты, в том числе между родственными этносами, не существуют вообще, вне реальных социально-экономических, политических, культурных и иных факторов. Та или иная историческая эпоха и соответствующие ей идеологические и психологические представления неизбежно накладывают на эти связи определенный отпечаток. Именно поэтому процесс становления межславянских культурных отношений необходимо рассматривать исторически.

Будучи прямым продолжением внутреннего развития отдельных славянских культур, связи между ними прошли те же этапы, которыми отмечена эволюция этих культур.

Культурный обмен в пору осознания славянской общности сыграл огромную роль в формировании славянских народов. Во-первых, он содействовал взаимному сближению народов и усвоению их социального и культурного опыта. Так, достижения русской и польской культур имели существенное значение в становлении чешской и словацкой национальных культур, а также культур южных славян. Во-вторых, межславянские культурные отношения содействовали ускорению культурного обогащения народов, находившихся под чужеземным гнетом. Примечательно воздействие на славянскую поэзию творчества А. Пушкина, который в свою очередь проявлял

живой интерес к литературе и фольклору западных и южных славян. Сербский эпос оказал определенное воздействие на развитие русского и, в известном смысле, чешского фольклора¹⁶. Пример других славянских народов (в первую очередь поляков и чехов) сыграл положительную роль в формировании национального самосознания и культуры у лужицких сербов, а последних – у кашубов.

Таким образом, особенности культурных связей позволяют говорить о наличии двух типов межславянских отношений: это внутриславянские связи с многосторонними открытыми контактами, которые присущи национальным культурам всех славянских народов, и локальные связи между двумя или несколькими славянскими культурами. Последние имели устойчивый характер и оказывали более длительное воздействие на генезис близких культур¹⁷. Одним из наиболее ярких примеров этого были взаимоотношения между русской, украинской и белорусской культурами, чemu содействовали объективные социально-экономические, историко-культурные и религиозно-политические факторы. Именно поэтому пути формирования украинской и белорусской национальных культур невозмож но правильно понять и оценить вне учета сложившихся между ними и русской культурой контактов. Другим примером локальных межславянских связей могут служить отношения, установившиеся между лужицкой и чешской культурами, – деятельность лужицкого семинара в Праге, связи серболужичан с Челаковским и Пуркине, содействовавшие усвоению опыта чешского национального движения, – все это было важным фактором ускорения развития национальной культуры малого народа.

Славянские литературы находились также в определенных отношениях с прогрессивными течениями немецкой, французской, английской, итальянской и других западных культур. Особого рассмотрения заслуживают культурные контакты славянских народов в пределах исследуемого региона с венгерской, румынской, греческой и албанской Культурами, а для восточных славян – еще и с культурами других народов Российской империи. Однако эта проблема как комплексная, к сожалению, до сих пор еще не привлекала к себе внимания. В данном случае ограничимся лишь указанием на две более или менее общие особенности международных культурных связей славянских народов в эпоху формирования наций.

Во-первых, на характер усвоения передового опыта западноевропейских культур. Вопрос этот стоит в непосредственной связи с проблемами восприятия инонациональной культуры, вызвавшей к себе в последние годы интерес со стороны литературоведов¹⁸.

Обращение к произведениям зарубежных авторов, прежде всего мыслителей эпохи Просвещения, философов, историков и писателей XIX в., обогащало национальные культуры славянских народов, содействовало освоению духовных ценностей, созданных в передовых странах. При этом отмеченный процесс имел творческий характер. Для него был свойствен избирательный подход, отразивший задачи, вытекающие из внутренних потребностей развития отдельных славянских народов.

вянских культур. Известно, например, что идеи Ж. Руссо о народоправстве оказали воздействие на формирование взглядов А. Радищева, который, однако, пошел дальше французского просветителя, призывая к революционному переустройству общества. А. Пушкин издал критический анализ произведений современной ему французской литературы, в частности сочинений В. Гюго. Переводя на русский язык трагедию Вольтера "Танкред", Н. Гнедич во второй редакции сознательно усилил звучание гражданских идей в духе раннего декабризма¹⁹. Точно так же Й. Юнгман, переводя на чешский язык "Атала" Шатобриана, смягчил или вовсе выпустил часть текста, отразившую реакционно-мистические настроения французского писателя²⁰. А в переводе на чешский язык "Потерянного рая" Мильтона Юнгман использовал опыт русских переводчиков²¹. И таких примеров можно привести немало.

Особое значение для формирования демократического и революционного направлений в культурах славянских народов имело ознакомление – в подлиннике и переводах – с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта новая страница в европейских связях славянских народов относилась к 1840-м гг., когда отдельные произведения основоположников научного коммунизма становятся известны в России, упоминаются в чешской печати, начинают переводиться на польский язык²².

Во-вторых, в ходе развития контактов с западноевропейскими культурами славянские народы не только критически воспринимали их опыт, но и обогащали его духовными и художественными ценностями. А. Пушкин с удовлетворением отмечал: "...наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова... и несколько цветов северной элегической поэзии..."²³ И не случайно многие представители передовой культуры Запада проявляли значительный интерес к славянским культурам. И. Гете и П. Мериме интересовались сербским эпосом. Гете был лично знаком с В. Кюхельбекером, а Мериме высоко ценил творчество А. Пушкина. Широко известна была на Западе польская культура, особенно музыка Шопена и полотна ряда польских художников.

Комплексное рассмотрение историко-культурных процессов, протекавших у славянских народов в эпоху формирования наций, позволяет установить ряд общих закономерностей, обусловленных общностью их социально-экономического и общественно-политического развития. Несмотря на присущую этим процессам неравномерность, они обладают чертами несомненного типологического и стадиального сходства и стремлением ко все большей культурной интеграции. При этом опыт более развитых славянских культур сознательно и до известной степени целенаправленно использован деятелями культур остальных славянских народов для ускорения развития и духовного обогащения наций, генезис которых затруднялся неблагоприятными

внешними и внутренними факторами. Вместе с тем для всех славянских культур был свойствен творческий, критический подход к достижениям мировой культуры. Дальнейшее изучение славянских культур в их общих закономерностях и национально-специфических формах проявления в эпоху формирования наций даст возможность представить во всей полноте гуманистический характер славянских культур и их вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карпенко О.М. и др. Академия наук СССР. Краткий очерк истории и деятельности. М., 1968.
- ² Копелевич Ю.Х. и др. Возникновение научных академий. Середина XVII—середина XVIII в. Л., 1974, с. 232.
- ³ Мильников А.С. У истоков организации науки в Чешских землях. — Вопросы истории естествознания и техники, вып.1 (46), 1974, с.80—83; он же. Еще раз о начальной дате возникновения Чешского общества наук. — Советское славяноведение, 1971, № 5, с. 72—79.
- ⁴ Никольский С.В. Художественное сознание эпохи национального Возрождения. — Советское славяноведение, 1973, № 4, с. 53—61.
- ⁵ История польской литературы. Т. 1. М., 1968, с. 110.
- ⁶ История Чехословакии. Т. 1. М., 1956, с. 360.
- ⁷ Цит. по: Краснобаев Б. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972, с. 178.
- ⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 41, с. 32.
- ⁹ Суż Y. Jan Arnošt Smoler. Wobrys ieho ziwienia a skutkowania. Budysin, 1966, s. 30.
- ¹⁰ Kimball S.B. The Austro-slaw revival; a study of nineteenth-century literary foundations. Philadelphia, 1973.
- ¹¹ Христов Х. Българската община през Възраждането. София, 1973, с. 97, 172.
- ¹² Полков Б.С. Иоахим Лелевель о национально-освободительной борьбе польского народа и путях возрождения Польши. — В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 272—290.
- ¹³ Европейский романтизм. М., 1973, с. 87; Живкович Д. Предромантике и постромантике црте у српском романтизму. — В кн.: Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973, с. 79.
- ¹⁴ Цит. по: Фадеев А.В. Идейные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966, с. 38.
- ¹⁵ Цит. по: Познанский В.В. Очерки истории русской культуры первой половины XIX в. М., 1970, с. 67.
- ¹⁶ Смирнов Ю.И. Сербская баллада на русском Севере. — Советское славяноведение, 1965, № 6; Гольберг М.Я. Еще о сербской балладе на русском Севере. — Советское славяноведение, 1967, № 1.
- ¹⁷ Dolansky Y. Neznámý jihoslovanský pramen Rukopisu královedvorského a zelenohorského. Praha, 1968; Bukowski A. Regionalizm kazubski, ruch naukowy, literacki i kulturalny. Poznań, 1950, s. 20—22.
- ¹⁸ Алексеев М.П. Построение истории национальной литературы в странах иного славянского языка.— В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 23.
- ¹⁹ Познанский В.В. Очерки истории русской культуры первой половины XIX в., с. 120.

- ²⁰ Kvapil J. Jungmannovy překlady z francouzských spisovatelů. — In: J. Jungmann Překlady, t. 2. Praha, 1958, s. 452–453.
- ²¹ Пуйин Г.А. Русский язык у деятелей чешского национального Возрождения. — Славянская филология, вып. 2. Л., 1972, с. 90–97.
- ²² Фадеев А.В. Идейные связи..., с. 51; Мыльников А.С. Чешская книга. Очерки истории (книга, культура, общество). М., 1971, с. 148; История Польши. Т. 1. М., 1954, с. 522; K novým dokumentům z rukopisné pozůstalosti A. Smetany a k jeho pojednání socialismu a komunismu. Filosofický časopis, 1957, N 4, s. 484–513.
- ²³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1958, с. 167.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Сергей Никольский,
доктор филологических наук

Известно, что чешский писатель К. Чапек создал слово "робот", вошедшее затем во все языки мира. Но далеко не все знают, что чешский язык, на котором писали свои всемирно известные произведения К. Чапек, Я. Гашек, В. Незвал, всего за каких-нибудь сто лет до этого даже такому крупному чешскому языковеду, как Й. Добровский, казался порой чуть ли не мертвым, подобно латинскому и старославянскому. Если в XIX в. чешский язык дал миру слово "робот", то при возрождении этого языка в конце XVIII—начале XIX в. даже такие слова, как "воздух" и "природа", были заимствованы из родственных славянских языков.

Но, может быть, еще более поразительно, что всего через два-три десятилетия после столь бедственного состояния чешской письменности она уже достигла такого уровня, что появилась большая поэма Я. Коллара "Дочь Славы" (1824), выдержанная в изысканной форме сонета, а затем и поэма К. Махи "Май" (1836), художественная форма которой, основанная на тончайших нюансах эмоционально-смысло-вых значений и ассоциативных оттенках слов и звуков, предвосхищает уже поэзию XX в. и выдерживает сравнение с ней, о чем писали крупнейшие чешские поэты В. Незвал, Ст.К. Нейман, Й. Гора.

И еще один пример. Наверное, нет другой европейской литературы, кроме болгарской, в которой еще в начале XIX в. самым известным из современных отечественных произведений было произведение, тяготеющее к жанру бытия (мы имеем в виду "Житие и страдания гречного Софрония", написанное Софронием Врачанским в 1804 г.). А в 70-е годы в болгарской литературе уже творил такой большой поэт, как Х. Ботев, заявлявший (в "Символе веры болгарской коммуны" и др.) о своей горячей приверженности к самым смелым тогда идеалам революционного коммунизма.

Думается, что приведенных примеров достаточно, чтобы видеть, какой огромный путь проделали эти литературы за столь короткий срок. Нечто подобное можно было бы показать и по отношению к сербской, хорватской, словенской, словацкой литературам. Говоря, например, о филигранном "Венке сонетов" (1834) Ф. Прешерна,

можно полностью повторить сказанное о Колларе: эти сонеты были написаны на языке, который еще слыл в общественных верхах "языком прислуги".

Все литературы западных и южных славян, кроме польской, прошли в своем развитии через стадию так называемого национального Возрождения. Этой эпохе, охватывающей конец XVIII и значительную часть XIX в., предшествовал в жизни названных народов длительный период тяжелого иноземного гнета, когда на карту было поставлено само их существование. Были резко ослаблены отечественные культурные традиции. Пришел в упадок язык. Сфера его употребления все больше сужалась, пока он не сделался языком деревни. Почти полностью уничтожен был и тот образованный слой общества, который позже стали называть интеллигенцией. Захирела некогда богатая письменность. Эти народы оказались в значительной степени лишенными тех благ, которые дало человечеству изобретение печатного станка. Все реже появлялись печатные издания. Часть старых сочинений из небольшого числа уцелевших переписывались безвестными энтузиастами от руки. Казалось, что очередная волна насильтственной ассимиляции вот-вот полностью захлестнет и навсегда поглотит до предела ослабленные культуры. Уже сам стихийносложившийся образный термин "национальное Возрождение" подчеркивает, что культура этих народов как бы возрождалась тогда заново, чуть ли не из небытия.

Стремительный процесс национального Возрождения в истории славянских народов, так же как и близкие процессы в жизни венгров, румын, албанцев, итальянцев (Рисорджименто), может служить наглядным подтверждением тех поистине неистощимых жизненных и творческих сил, которые таятся в глубинах народного коллектива и особенно активизируются на переломных этапах истории. В данном случае таким этапом был этап ломки и разрушения старого феодального строя и рождения новой, буржуазной социально-экономической формации. Составным элементом этого процесса стало формирование и самоутверждение современных наций со своей собственной национальной культурой.

Как само "возрождение" славянских литератур, так и родовые их особенности на этом этапе определялись предреволюционным подъемом освободительного движения. О силе и интенсивности этого процесса говорит тот факт, что в течение всего нескольких десятилетий почти утраченная письменность не только возродилась, но и дала значительные художественные ценности. Назовем лишь имена Я. Коллара, Ф. Челаковского, К. Махи, Й. Тыла, К. Гавличка-Боровского, К. Эрбена, Б. Немцовой, Я. Краля, А. Сладковича, Я. Халупки, Я. Ботто в Чехии и Словакии, П. Негоша, Б. Радичевича, И. Йовановича-Змая, Ф. Прешерна, С. Враза, И. Мажуранича — в литературах народов нынешней Югославии, П. Славейкова, Л. Каравелова, В. Друмева, Х. Ботева — в Болгарии.

С относительно небольшой долей преувеличения можно сказать, что за короткий срок в спрессованной форме эти литературы как

бы повторяли весь путь развития мировой литературы от первичных художественных форм и фольклора к стадии развитой профессиональной литературы.

Поражают объем и сложность задач, которые решались на протяжении всего нескольких десятилетий. Одновременно шел процесс формирования литературного языка, выработки литературной техники, в том числе просодии, выделения художественной литературы из нерасчлененной синкретической письменности, становления светского художественного сознания, формирования поэзии, прозы, драматургии и различных жанров в каждом из родов литературы, осмысливания и усвоения опыта более развитых европейских литератур, освоения богатств национального и общеславянского фольклора. С очень небольшой разницей во времени, а во многом и одновременно, в этих литературах проявились рационалистически-просветительские, романтические и раннереалистические тенденции, нередко взаимопроникавшие в творчестве одного писателя и в одном произведении. (Поэтому зачастую так трудно определять те или иные явления этих литератур в категориях и терминах привычных литературных направлений и стилей.) По сути дела совершалось формирование новой сферы национальной духовности жизни — сферы художественного освоения мира и воздействия на него.

Литературы эпохи национального Возрождения можно назвать литературами не только стремительного развития, но и интенсивного синтеза. Однако этот синтез не был простым усвоением идей и литературных форм, существующих в других литературах, хотя опыт их и имел очень большое значение. Основу и главное слагаемое синтеза составляло новое сознание, складывавшееся и получавшее развитие в условиях предреволюционных общественно-исторических процессов. Почвой и источником была прежде всего сама пришедшая в движение жизнь, когда после отмены крепостного права или иных реформ все преобразовывалось и бурлило, появлялись новые социальные силы, приходили в соприкосновение ранее замкнутые общественные круги, рождались новые общественные явления, тенденции, интересы, связи, менялись судьбы людей и классов. Соответственно возникали и тенденции нового отношения к жизни в искусстве и их взаимодействие. В конечном счете новые общественные процессы определяли и проблематику, и характер возникающих литератур, и избирательную направленность самого синтеза.

Так, например, литература формировалась как светская не только в силу усвоения идей общеевропейского Просвещения, но в первую очередь в силу логики освобождения от религиозно-средневекового склада мышления, а это явление уже уходит своими корнями в общественно-исторические, а еще глубже — в социально-экономические изменения (при всем огромном значении опыта других народов).

В процессе синтеза многие явления меняли свою функцию. Довольно странно выглядят, например, в очень слабо развитых литературах, буквально осваивавших азы литературного искусства, эле-

менты поэзии рококо, которая обязана своим происхождением аристократическим салонам и отвечала жизненному стилю галантных и игривых развлечений. Авторы прежних историй литературы немало иронизировали по адресу чешских и словацких поэтов, тихих кабинетных тружеников, сочинявших игривые стихи о женщинах, любви, о вине в духе рококо и анаkreонтики. Этим поэтам едва ли даже приходилось бывать в дворянских салонах, где культивировались такая поэзия. Во всяком случае, они не чувствовали себя там как дома. Однако все это начинает выглядеть иначе, если обращение к поэмам жанрам поставить в связь со становлением светской лирики. Новая функция, казалось бы, чуждых поэтических элементов с большой наглядностью предстает в одном из стихотворений В. Тамма, возникшем как переделка более раннего стихотворения с религиозными мотивами. Устранив эти мотивы, Тамм бесцеремонно заменил Иисуса Христа Амуром, а Марию Магдалину — Хлоей. Случай этот относится к 1775 г. Пройдет немного времени, и песни о пастухах и пастушках уступят место освоению подлинных пастушеских песен и образам настоящих пастухов (назовем, к примеру, поэму "Детван" словацкого поэта А. Сладковича). Жанры анаkreонтики и рококо оказывались одним из мостиков на пути от средневековой литературы к светской национальной поэзии.

Ускоренный темп исторического развития породил взаимодействие идей, представлений и художественных форм, в других условиях отделенных обычно большими промежутками времени и возникавших самостоятельно в разной социальной среде. Так, многие явления литературы национального Возрождения родственны были не только общеевропейской литературе Просвещения (это родство отчетливо видно в деятельности Й. Добровского, Д. Обрадовича, Софрония Врачанского и др.), но и, скажем, литературе Ренессанса. Любовная лирика Я. Коллара и Ф. Прешерна, например, по своему типу, по духу, пожалуй, не в меньшей степени, если не в большей, близка Петрапке, чем современному романтизму. И в то же время это — оригинальное и новое явление, рожденное своей эпохой, причастное уже к Просвещению и романтизму. Упомянем лишь об органическом слиянии любовной и национально-патриотической темы вплоть до того, что и сам образ любимой женщины развивается (причем на протяжении целого большого произведения) одновременно и как образ родины.

Нередко в синтезе участвуют явления, аналогичные в чем-то и еще более ранним стадиям развития, чем Ренессанс. Зададимся, например, вопросом, какой тип поэта представляет Петр Негош. Несомненно, мы найдем у него черты, связывающие его деятельность и творчество с литературой Просвещений, найдем что-то, роднящее его с романтизмом. Но одновременно автор "Горного венца" — это почти народный сказитель, еще как бы не отделившийся от той, живой тогда в Черногории, среды с эпическим сознанием, в которой реально существует, слагается, живет юнацкий эпос, в которой, говоря словами самого Негоша, герои, павшие на поле битвы, "подни-

маются в светлое царство песен”.

Представляется не лишенным оснований, но все же не охватывающим всех компонентов встречающееся определение литератур эпохи национального Возрождения как симбиоза просветительства и романтизма. При всей кажущейся простоте картина литературного развития здесь сложнее и спектр слагаемых литератур шире и разнообразнее. Однако существуют и доминирующие тенденции, определившие само направление развития и синтеза.

Основной чертой всех литератур и художественного сознания эпохи национального Возрождения было утверждение единства национального коллектива — в национально-этнографическом и историческом смысле. В качестве протестующего и утверждающего себя субъекта здесь выступала (в отличие от романтизма в Западной Европе) не столько личность, сколько национальный коллектив.

Демократизм и гуманистическая направленность литературы, целью которой являлось осознание специфики нации, выражались двояко. В литературе порабощенных народов был ощутимо выражен идеал равноправия народов — не только как желанная цель для своего народа, но и как норма человеческих отношений вообще. Ян Коллар воплотил этот идеал в афористических строках:

Тот, кто свободы достоин, оценит свободу другого,
Цепи кующий рабам сам есть невольник и раб¹.

Напомним и слова Христо Ботева, относящиеся уже не к начальному, а к завершающему этапу национального Возрождения, сказанные в обстановке нарастающей вооруженной борьбы: “Только разумный и братский союз между народами в состоянии уничтожить страдание, нищету и паразитов рода человеческого, и только такой союз в состоянии водворить истинную свободу, братство, равенство и счастье на земном шаре”².

Второй гуманистический аспект связан с тем, что ведущую силу нации деятели литературы эпохи национального Возрождения видели в простом народе, в крестьянстве, которое сохранило родной язык, обычаи, пронеся их через века чужеземного гнета. В связи с денационализацией высших сословий национальный гнет в названных странах во многом переплетался с социальным. Дворянство здесь отсутствовало или почти отсутствовало. Не было и этапа дворянской революционности. Не было или почти не было и литературы, которая бы развивалась в дворянской среде. В некотором смысле эта литература создавалась разночинцами (с поправкой, конечно, на своеобразие разночинцев начала XIX в.). Носителями национального движения, как правило, выступали демократические слои населения.

Сильно выраженное народно-коллективистское начало — вторая отличительная черта литератур эпохи национального Возрождения, наложившая, в частности, существенный отпечаток на тенденции романтизма в этих литературах, в которых личность выступает в слиянии с коллективом. Можно даже сказать, что в качестве своеобразной личности в этой литературе предстает, собственно говоря,

национальный коллектив. Не случайно полемическое отношение словацких романтиков к романтизму байронического типа. Л. Штур писал, что "стради индивидуума не суть предмет нашей поэзии... У нас любовь, честь, страсть и т.д. отдельного человека никогда не могут быть главными, а только побочными. У нас индивидуум как индивидуум не может жить только для себя, а служит истинной всеобщности"³.

Одним из главных компонентов упомянутого синтеза был фольклор, который становился важнейшим источником национальной индивидуализации литературы, а одновременно как нельзя лучше соответствовал и ее народно-коллективистской ориентации. В качестве аутентичного творчества простого народа, основного носителя национальной специфики, фольклор в эстетике того времени зачастую ставился выше индивидуального творчества. Задача литературы на определенном этапе усматривалась в том, чтобы подняться до уровня фольклора. Отсюда дух соревнования с фольклором. Поэты — составители песенных сборников нередко состязались в создании стихотворений, неотличимых от народных песен, и мистифицировали друг друга в частных письмах (например, Челаковский и Камарит), выдавая за народные песни свои сочинения. Более того, к огорчению позднейших исследователей, они нередко включали свои стилизации в качестве народных песен и в собрания фольклорных произведений. По сути дела того же происхождения и так называемые Краледворская и Зеленогорская рукописи В. Ганки и В. Линды, выданные за старошешские памятники. Поэты мечтали, чтобы их собственные творения разделили судьбу фольклорных произведений. Нередко автор указывал мотив, на который должно исполняться его сочинение, независимо от того, напечатано ли оно под его собственным именем или анонимно.

В литературе западных и южных славян немало поэтов, близких Т. Шевченко и А. Кольцову, если проводить параллели с восточнославянскими литературами. Творчество таких поэтов естественно и органично выросло из стихии народного художественного сознания, с которой они были тесно связаны уже своим происхождением и условиями жизни. Напомним, что мать Христо Ботева умела исполнять более 400 народных песен. И, говоря о своеобразии его поэзии, нельзя не учитывать этого. Его знаменитые слова: "Гремят Балканы гайдукской песней" — не только прекрасный образ разгорающейся борьбы болгарского народа, они указывают и на генезис индивидуальных свойств его поэзии.

Вместе с тем ориентация на народное творчество зачастую имела программный характер, сознательно культивировалась и развивалась, сопровождаясь целеустремленным собиранием и изучением фольклора, достижением специфики его жанров, своеобразия фольклора разных народов и т.д. Наряду с огромной деятельностью по собиранию фольклора (В. Караджич, Ф. Челаковский, Я. Коллар; бр. Младиновы) возник особый тип произведения "ohlas", т.е. "звук", "отголосок" народных песен, когда выдерживался жанр и стиль на-

родных песен (сб. "Отзвук русских песен" и "Отзвук чешских песен" Челаковского).

С фольклором в литературу вошел целый мир народной культуры, неведомый ей ранее и лишь стихийно проникавший в нее. Литература прошла через полосу фольклоризации, во многом способствовавшей обогащению художественного мышления, освоению новых возможностей художественного образа. Фольклор содействовал, в частности, преодолению некоторой односторонности рационалистически-просветительской и классицистической поэтики (к тому же слабо развитой здесь) с ее акцентом на рассудочности, на логизированной конструкции образного построения, с ее риторикой и высоким стилем. Обобщенность и предметная конкретно-чувственная форма, свойственные фольклорному образу, служили в данном случае своего рода коррективом. Из фольклора черпала литература и национальный колорит, самобытную национальную образность. У народного гения, как тогда говорили, писатели учились создавать национальные типы. Для литературы этого времени характерны образы гайдуков и юнаков у южных славян, Яношика — у словаков. Вспомним также образы русских богатырей или "удалого молодца" и "красной девицы" у Челаковского и т.д. Деятельность писателей, ориентировавшихся на фольклор, выступала как продолжение коллектического творчества народных масс, как продолжение отбора, селекции материала, типизации.

Однако со временем стала ощущаться и ограниченность возможностей фольклорного образа. Уже в силу особенностей устного бытования произведений народного творчества и необходимости их запоминания фольклорный образ обладает своей спецификой. Его сильные стороны — обобщенность, конкретность, предметность. Но часто он тяготеет к устойчивым, стабильным формам и не столь индивидуализирован (ибо уже запоминание само по себе затруднительно при индивидуальной новизне каждого образа). В фольклорном образе чаще фиксируются, так сказать, видовые, нежели индивидуальные признаки. Его субъективность также не выходит обычно за известные пределы. Отчасти это компенсируется тем, что словесный фольклорный образ в реальном бытования не отделен от иных видов искусства и дополнительно индивидуализируется и субъективируется уже в процессе исполнения, например за счет песенной мелодии или за счет конкретной "актерской" манеры исполнителя — сказителя, певца и т.д. Но тем не менее в фольклоре вы не встретите сравнения паруса с водяной лилией или с крылом аиста, как в поэме К. Махи "Май", или сравнения пропасти в горах с бездонным бюджетом австрийской армии, как в сатирической поэме К. Гавличка-Боровского. Такие сравнения уже являются продуктом индивидуального творчества, индивидуального видения. Конечно, последнее отражается не только в частных художественных деталях, а и во всей системе произведения, в творчестве писателя в целом. Усиление личностного начала в литературе означало возрастание роли индивидуальной

инициативы и активности писателя в познавательно-оценочном освоении жизни.

Вообще, если окинуть взором развитие мировой литературы, то легко заметить, что не только в фольклоре, но и в древней письменности гораздо больше общих мест и клише, чем в позднейшем искусстве. Основная причина кроется в особенностях художественного сознания разных эпох. Повышение роли индивидуального творческого начала, особенно заметное с эпохи Ренессанса, имело главным своим источником гуманистические тенденции, самоутверждение человека, человеческой личности. Но значительную роль сыграло и такое, казалось бы, привходящее и чисто техническое обстоятельство, как изобретение печатного станка. Еще до этого развитие и распространение письменности несколько изменило характер бытования произведений по сравнению с дописьменной, фольклорной стадией. Тексты стали фиксироваться. Однако подвижность текста сохранилась, и, как это ни парадоксально, именно эта подвижность порой приводила к нивелировке неповторимо индивидуальных черт. Вмешательство переписчиков, нередко видоизменявших текст в соответствии с "этикетом" и представлениями той или иной эпохи или среды, до известных пределов может быть приравнено к практике "новителей" фольклора. Изобретение печатного станка создало условия для распространения произведений во множестве экземпляров с полным сохранением их индивидуального своеобразия. Тем самым надежно обеспечивались и формы бытования художественных произведений, адекватные усилению личностного начала в литературе.

На каждой из названных стадий осваивались, таким образом, разные стороны художественного мышления, разные возможности художественного образа. Когда в начале нашей статьи говорилось о том, что порабощенные народы Восточной Европы были почти лишены тех благ, которые принесло человечеству изобретение печатного станка, то имелось в виду не только отсутствие возможности печатать произведения, но также и известная задержка самого развития художественного мышления. Когда наступила эпоха национального Возрождения, то литературы как бы повторили описанный процесс. Освоив достоинства фольклорного образа, его сильные стороны, так сказать, научившись мыслить в обобщенных, конкретно-чувственных формах, литература постепенно отходит от непосредственного соревнования с фольклором. Обращение к нему становится менее регулярным, более свободным и разнообразным и сильнее подчиняется особенностям творческой индивидуальности. В этом смысле показательно было бы сопоставление творчества, скажем, Челаковского и Эрбена в чешской литературе или Петко Славейкова и Ботева в болгарской.

Как мы уже сказали, для литературы национального Возрождения характерно осознание единства национального коллектива не только в этнографическом, но и в историческом смысле. Иначе говоря, характерно осознание единства национального коллектива во времени, осознание преемственности жизни народа и его борьбы

за свободу. Именно в эту эпоху во весь голос зазвучала историческая тема и начал формироваться историзм художественного мышления — вначале со значительной долей романтической идеализации прошлого. Позднее кристаллизуется реалистическое осмысление истории. Ощущение жизни народа во времени простипалось и на будущее. Для рассматриваемой исторической эпохи с ее бурными сдвигами и переменами вообще характерно освоение идеи развития, которой почти не допускало прежнее религиозное сознание. Прежде развитие в лучшем случае рисовалось как движение по замкнутому кругу. Теперь идея развития — развития мира, человечества, народов — все более овладевает умами. В сознании порабощенных народов идея развития, прогресса укрепляла веру в будущее нации и в будущее угнетенных слоев населения. Художественное сознание периода национального Возрождения по преимуществу оптимистично. Основой этого оптимизма были накапливавшийся в обществе революционный потенциал, нарастание освободительного движения. На завершающем этапе национального Возрождения, а в ряде случаев и раньше, идея развития конкретизируется как идея революционной борьбы (Л. Каравелов и Х. Ботев — в Болгарии, К. Гавличек-Боровский, И. Тыл, К. Сабина — в Чехии, Л. Штур, Я. Краль — в Словакии, С. Маркович — в Сербии и т.д.).

Идея развития в литературе национального Возрождения еще не была омрачена противоречиями послереволюционного этапа, когда они проявились в Западной Европе, где индивидуум, вырвавшись из плена сословно-кастовых отношений и познав вкус свободы, вместе с тем ощутил уже власть иных, еще неведомых сил, сковывающих свободное и естественное бытие личности, за которое ратовали просветители, и вновь разделивших общество на сильных и слабых, имущих и неимущих. Конечно, противоречия, проявившиеся в Западной Европе, не ушли от внимания передовых умов в тех странах, которые еще только приближались к революции. Проблема личности и общества, постепенно заявлявшая о себе в этих странах, сильно зазвучала, например, в творчестве К. Махи, И. Мажураница, Я. Краля, отчасти сближая их с западноевропейским романтизмом байронического типа. Трагическими переживаниями отзывались в литературе поражение польского восстания 1830 г., поражение революции 1848 г. Но в условиях подъема освободительного движения, при нерешенности основных задач антифеодальной революции, при еще слабо обозначившемся буржуазном развитии вопрос о противоречиях буржуазного общества отодвигался на второй план. Нередки и, пожалуй, типичны были иллюзии о возможности избежать этих противоречий (Х. Ботев, К. Сабина, Я. Краль). (Это свойственно было и идеологам русского освободительного движения, например Герцену, а отчасти и Чернышевскому.) При всем том в определенные моменты осмысление перспектив развития стало сближаться с идеями антибуржуазного движения и с новыми социалистическими идеями (Х. Ботев, С. Маркович).

На завершающем этапе национального Возрождения в литерату-

ре заметно дают о себе знать тенденции реализма с характерным для него социально-аналитическим восприятием действительности. Реалистические тенденции не были простым результатом воздействия иных литератур. Более того, даже позже в литературе Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии воздействие этих литератур не в состоянии было полностью превозмочь сильных национально-идеализирующих тенденций, поконившихся на иллюзии о единстве нации и сдерживавших развитие реализма. В противовес этому уже первые тенденции реализма во многом были стимулированы именно возрастанием социальных противоречий в самом национальном коллективе.

Реалистические тенденции не были и простым отрицанием предшествующего этапа развития. Это опять-таки было явление избирательного синтеза, переосмыслиния и ассилияции многоного из достигнутого ранее на основе новых творческих принципов. Литературный опыт национального Возрождения незримо присутствует и в последующем развитии западно- и южнославянских литератур. Лучшие произведения, созданные в это время, стали достоянием всех последующих поколений читателей. Достижения литератур национального Возрождения в форме определенных ассилированных элементов вошли в последующее художественное творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kollár J. *Básně*. Praha, 1952, s. 16.

² Ботев Х. Избр. соч. София, 1948, с. 76.

³ Stur L. *Prednášky o poesii slovanskej*. Bratislava, 1875, s. 191.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕАТРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Юрий Ритчик,

**Людмила Софронова,
доктор филологических наук**

Культурно-исторический аспект исследования театра славянских народов эпохи национального Возрождения предполагает подход к объекту как к целостному культурно-историческому феномену, изучаемому в стадиально-синхронном плане с точки зрения той общественной функции, которую он выполнял в развитии общественной жизни и культуры стран славянского региона.

Такой аспект позволяет проследить, как театр включался в общую субсистему национальной культуры, рассмотреть его на широком социальном, общественном и политическом фоне. Анализ театра как составной части культуры не ограничивается только констатацией фактов его взаимодействия с другими видами искусства и литературы или формами общественного сознания. Он обязательно включает выявление и описание механизма этого взаимодействия.

Создание национального театра в каждой из славянских стран подготавливалось всем предшествующим развитием восточноевропейской театральной культуры, обладавшей в совокупности большим многообразием форм, жанров и видов театральной зрелищности. Будучи взаимосвязаны, национальные культуры и в области театра помогали друг другу. Важным свидетельством общности театрального развития в этих странах служил народный театр – как театр живого актера, так и кукольный (народные драмы, интермедиции, шопка).

Одновременно с народным театром функционировал, особенно активно в католических странах, литургический театр, выросший на основе театральных элементов богослужения. Свое основное, религиозное назначение он нередко сочетал с чисто светскими задачами, обращаясь к злободневным проблемам. Например, в Болгарии, где турки вообще запрещали театральные зрелища, появились особые литургические диалоги, читавшиеся аягностами после службы. Они писались на болгарском языке и имели совершенно светское (патриотическое) содержание. Наиболее известными авторами таких диалогов были Н. Рильский и Н. Бозвели. Значительную роль литургический диалог как жанр сыграл также в Сербии, где еще в начале XIX в. ставились "Рождение и гонение Моисея", "Страдания Иосифа Прекрасного" и др.

В большой степени в этих странах был развит школьный театр. Помимо религиозного воспитания, этот театр выполнял и общекультурные функции. Так, в Сербии первое театральное представление было именно школьным спектаклем. В 1736 г. в Сремских Карловцах в Латино-славянской школе была поставлена "Трагедия, сиречь печальная повесть о смерти последнего короля Уроша V" И.Козачинского, предвосхищавшая цикл исторических "косовых" (по битве на Косовом поле) драм. Постепенно школьный театр менял свою жанровую структуру, обращаясь к светской трагедии и комедии, переходил на народный язык, вовлекал в представления не только учеников и преподавателей школ, но и зрителей. В XVII–XVIII вв. он активно действовал не только в крупных, но и в малых городах Польши и Чехии. Его зрителями были городское простонародье, а часто и крестьяне. Через школьный театр народ приобщался к европейской культуре. На его сценах впервые ставились пьесы Мольера, Расина, Корнеля, Гольдони. Он передал зарождавшемуся национальному театру опыт античной драмы, которую постоянно популяризировал.

В эпоху национального Возрождения в Польше и Чехии вопросы театра были ведущими в публицистике, где сосредоточивалась основная проблематика общественного и социального характера. Статьи, затрагивающие проблемы все более популярного в обществе театрального искусства, не сходили со страниц крупных просветительских журналов. Например, польский "Монитор" на протяжении 20 лет регулярно обращался к вопросам общественной функции театра. Театр называли трибуной, дающей возможность просветителям учить народ, сравнивали с проповедью, призывающей к добру и помогающей осуждать и уничтожать зло. Журнал обсуждал важные проблемы жанровой структуры театра, показывая преимущества комедии перед трагедией как жанра, более доступного для непосвященного зрителя, рассуждал об участии актера в общественной жизни и т.д. Неоднократно "Монитор" писал о "собрании замечательных талантов, которыми должен обладать совершенный актер", – это поднимает его в глазах общества, делает его полноправным членом.

Публицистика была чрезвычайно близка театру, о чем свидетельствует содержание пьес, шедших на национальной сцене. Фр. Богомолец, создавший основной репертуар польского Национального театра начального периода, даже написал специальную пьесу "Монитор", в которой говорилось о роли журнала в общественной жизни. Он представил журнал в качестве водораздела польского общества: одни его читают и поддерживают, другие считают клеветническим и стремятся его уничтожить, что подтверждает деление на отсталых сарматов и сторонников просвещения. Тематика пьес Национального театра постоянно перекликалась с тематикой статей "Монитора". В них критиковались те же пороки общества, что и в журнале, предлагались одинаковые рецепты их исправления. Достаточно обратиться к варшавской бытовой комедии, чтобы в этом убедиться.

Общность задач театра и публицистики объясняется отчасти тем,

что в этих областях культуры работали одни и те же деятели эпохи Просвещения. Театр объединял писателей того времени. Понимая, какие у театра огромные возможности воздействия на общество, они почти все без исключения пробовали свои силы в драматургии, особенно писатели политического направления. Так, например, Ю.У. Немцевич, активный политический деятель, депутат Великого сейма, постоянно обращался к драме. Прибегал к драматическим жанрам и основоположник просветительского романа И. Красицкий, игравший видную роль в политической жизни страны.

Появлялись темы, общие для драмы, прозы и поэзии, вырабатывалася общий метод художественного воспроизведения действительности. Об этом убедительно свидетельствует сопоставление драматических опытов И. Красицкого с его прозаическим наследием.

Связь театра с литературой вообще характерна для эпохи национального Возрождения. Оставаясь искусством синтетическим, театр все настойчивее выдвигал на первый план литературную основу спектакля, слово подчиняло себе изобразительные и музыкальные средства выражения, ранее — в школьном и литургическом зрелищах — претендовавшие на центральное положение. Слово становилось главным средством общения с публикой. Все реже в драматические произведения включались музыкальные вставки. Литература теперь являлась основным источником театра, она помогла ему найти способы художественного воспроизведения реальной действительности. Драма становилась все более самостоятельной за счет развития собственных выразительных средств, почерпнутых из словесного искусства, особенно прозы. Прозаические драматические произведения в театре отесняют стихотворные, хотя очень длительное время пьесы в стихах считались образцовой нормой драматического произведения. Проза овладевает не только комическим, но и трагическим жанром.

Связи театра с литературой особенно усилились в первые десятилетия XIX в. Распространился жанр драмы для чтения, о чем свидетельствуют чешские пьесы 30-х годов, польская романтическая драма. В южнославянском театре в это время также была сильна связь с литературой, но она объяснялась скорее слабой развитостью театральных форм в культуре этого подрегиона. Южнославянский театр переживал переходный период, о чем говорит, например, широкое распространение на болгарских и сербских сценах одной из первичных театральных форм — диалога. Южнославянские театры, соприкасаясь с литературой, проходили, таким образом, тот же этап развития, что и театр западнославянский, хотя и не синхронно с ним, отставая во времени. Помимо литературы, театр южных славян использовал также художественный опыт современных ему западноевропейских театров и — шире — театра европейского. Он, обратившись к общеевропейскому репертуару, усваивал то положительное, что было в деятельности представителей других славянских культур, которые по тем или иным причинам попадали в соседние славянские страны (вспомним, к примеру, роль польских эмигрантов в формировании болгарской театральной культуры в 50-е годы XIX в.).

Рассмотрение театра славянских народов эпохи национального Возрождения в сопоставлении с другими сферами общественной и культурной жизни в синхронном срезе позволяет говорить о нем как об искусстве многофункциональном. Театр этих стран обычно выполнял не только функции эстетические, но и воспитательные, политические. Соотношения, пропорции между этими функциями постоянно менялись в зависимости от изменений в социальном развитии общества, но на каждом его этапе театр всегда решал не только художественные, но и общекультурные, общеисторические задачи. Именно эта способность к активному и эффективному участию в общественной жизни выдвигала театр на передний край борьбы за национальное самосознание, за создание национальной культуры нового времени. Например, болгарский театр, складывавшийся в основном в XIX столетии в крайне неблагоприятных исторических условиях, решал многие задачи общественного характера, которые при иных обстоятельствах должны были бы решаться в других областях духовной культуры.

Культурно-исторический аспект исследования славянского театра эпохи национального Возрождения предполагает изучение связей профессионального театра с народным театральным творчеством, которое органически влилось, в частности, в польский и чешский профессиональный театр в конце XVIII в. С этой точки зрения важно выявить связи профессионального театра с предшествовавшими ему видами театральной зрелищности — школьным и любительским театрами. Значительна роль школьного театра и драмы для становления польского Национального театра. Они передали ему выполнение общественных задач, преимущественно дидактического характера, подсказали способы связи с жизнью, продемонстрировали возможности слияния народного и профессионального искусства. Самодеятельный, любительский театр в болгарских и сербских землях непосредственно предшествовал появлению театра профессионального. Его актеры перешли впоследствии на постоянную сцену.

Изучение театра славянских народов эпохи национального Возрождения в диахронном плане раскрывает прочность его связей с романтическим и реалистическим театрами XIX в. Опыт обличительного, сатирического направления в его драматургии привел к созданию первых реалистических пьес (А. Фредро, Й.К. Тыл), линия же, идущая от барокко, — к созданию романтической драмы, в которой весьма напряженно вновь ставился вопрос о взаимоотношениях личности и общества, об обязанностях гражданина по отношению к своей стране и народу.

Изучение театра в историческом плане ведет к необходимости постоянно учитывать то обстоятельство, что театры разных славянских народов в общем проходили сходный путь развития, но начинали и заканчивали его неодновременно.

При историко-культурном подходе не только выясняется значение театра в жизни общества, но также характер ее отражения в нем. Обращение к театру с целью выяснения общей культурной картины

эпохи дает богатейший материал для историков культуры. В результате такого исследования можно отчетливо выявить множество важных, значительных элементов культурной жизни общества, начиная от его реакции на политические события в стране и кончая борьбой чужеземной и отечественной мод, нашедших свое отражение на сцене и в драме.

История славянского театра эпохи национального Возрождения показывает, что в театральное искусство были органически включены идеи французских просветителей и близкие к ним взгляды славянских национальных деятелей. Обращаясь к театральному наследию, мы можем выяснить, в каком виде и в каком объеме они распространялись. Так, в речах персонажей пьесы В. Богуславского "Король Генрих VI на охоте" изложена целая программа просветительского толка. Действующие лица пьесы говорят о недостатках в системе правосудия, о дурных порядках в армии, затрагивают и другие животрепещущие проблемы национальной жизни. В пьесе Фр. Богомольца "Добрый барин" решается вопрос о взаимоотношениях между сословиями: барин должен заботиться о крестьянах, помогать больным и бедным. На материале драматургии и театра ярко прослеживается, что век Просвещения — это век филантропии.

Для развития славянского театра на начальном этапе национального Возрождения характерно постепенное введение в традиционную систему намеков, ассоциаций, параллелей политически актуального содержания, хорошо понимаемого современниками и легко вычленяемого ими из условных сюжетов и абстрактных диалогов. Например, в комедийном, даже водевильном сюжете "Краковцев и горцев" В. Богуславского было скрыто серьезное содержание, звучал призыв к восстанию. В другой пьесе того же автора ("Король Изкахар") с внешне экзотическим сюжетом затрагивались моральные и политические проблемы, волновавшие тогдашнее польское общество. В южнославянском театре актуальные общественные мотивы успешно доносили до зрителя как аллегорические диалоги, так и драмы на сюжеты из древней истории ("Райна, княгиня болгарская" Д. Войникова, драмы В. Друмева и др.).

По мере изменения общественной ситуации изменялись и способы выражения политического содержания драм. Со сцены звучат открытые призывы к борьбе, как, например, в Праге в революционные 1848–1849 гг. Каждый чешский спектакль того времени имел конкретное политическое значение. Особенно явно актуальная политическая тенденциозность прослеживалась в драмах Й. Тыла "Кровавый суд, или Кутногорские рудокопы" и "Ян Гус", в пьесах Й.В. Фрича, Э. Сверака. Таким образом, реакция на политические события в стране могла выражаться как непосредственно (чешская сцена 1848–1849 гг.), так и опосредованно (польский театр времени Великого сейма).

Театр славянских народов эпохи национального Возрождения способствовал распространению новых нравственных идеалов. Почти в каждой пьесе (чаще всего переводной) появлялся герой,

представляющий модель идеального гражданина, наделенного добрым сердцем и разумом. Таковы пьесы "Игрок" Л. Мерсье, "Дезертир из любви к родителям" Г. Штефани, многочисленные драмы А. Коцебу, чрезвычайно популярные на западнославянских и южнославянских сценах, и другие, входившие в основной репертуар английской и немецкой мещанской драмы. Они обошли все славянские сцены, и их популярность во многом объясняется предлагаемыми образами идеальных героев, анализ которых позволяет нам представить, какие требования предъявляло общество к своим членам в эпоху национального Возрождения, какие нравственные нормы были приняты.

При выведении отрицательных персонажей драматурги обычно создавали условный тип носителя порока, но могли наделять его и конкретными чертами, хорошо знакомыми зрителям. Эта тенденция особенно усилилась в период размежевания прогрессивных и консервативных сил общества. Поэтому историк культуры, работая с театральными текстами, может восстановить характерные черты отдельных личностей, послуживших прототипами театральных героев (Я. Сухожевский и "Возвращение депутата" Ю. Немцевича), воссоздать тип консерватора, отягощенного неверно понятыми им традициями прошлого, полного недоброжелательства и недоверия к социальным переменам. Театральные деятели, стремясь к достоверному изображению своей эпохи, дополняли амплуа. Так, в польском театре возникает тип сармата и появляется целый ряд актеров, которые создают варианты этого типа на сцене. Открывает этот ряд К. Свержавский – *Primus Poloniae Actor*. Впоследствии этот тип нашел совершенное продолжение в драматургии А. Фредро, в чем еще раз сказались преемственность в развитии славянского театра. Историк культуры, таким образом, увидит, на каком конкретном материале строились идеальные конструкции драматургов, на какой почве должны были прививаться их идеи, с чем сталкивались в реальной жизни теоретические концепции просветителей. Богатый материал в этом отношении предлагают варшавская комедия нравов, сербская комедия XIX в., пьесы чешского драматурга В. Клицперы, изобилующие многочисленными сценами из жизни провинции и столицы, описывающие этикеты и моды, привычки и вкусы, раскрывающие общественные устремления того времени, показывающие, как воспринимались и оценивались литература, пресса, театр. Следовательно, исследуя театральные тексты с точки зрения заложенного в них историко-культурного материала, мы можем встретить множество подлинных реалий того времени, реконструировать повседневную жизнь эпохи.

Анализ театральных произведений приносит интересные результаты в плане изучения истории литературного языка и его столкновения с языком разговорным, с речью "высшего света". Он помогает выявить и классифицировать те языковые нормы, против которых театр боролся, и те, которые он, напротив, прививал. Это существенно дополняет картину анализа литературных произведений, так как

театр, особенно комедийного направления, предпочитал разговорные нормы языка.

Следует также иметь в виду, что славянский театр эпохи национального Возрождения способствовал распространению национального в культуре общества, что выразилось, в частности, в борьбе иностранного и отечественного репертуаров. Укажем для примера на программное выступление А. Чарторыйского в предисловии к его комедии "Девушка на выданье", на театральные статьи И. Красицкого и Митцлера де Колоф, на манифесты чешских актеров. Сначала на славянских сценах появляются адаптации, затем более решительные переделки иностранных пьес, которые сменяются подлинно национальным репертуаром, и он занимает основное место на сцене. В него входят пьесы на сюжеты из национальной истории, комедии из народной жизни, пьесы, откликающиеся на современные события.

Одним из важных моментов историко-культурного исследования следует считать относительность эстетической оценки театральных произведений. Она не должна быть решающей при формировании суждений об историко-культурном процессе в области театра. Она должна присутствовать при анализе художественных форм, бытующих на сцене, но не при выявлении того, как театр был связан с обществом и как запросы общества отражались на театральной жизни. Такое отношение к эстетическим достоинствам театральных произведений позволит привлечь большой по объему материал, обратиться к давно забытым и в художественном отношении, вероятно, слабым пьесам, разбор которых тем не менее может обогатить наши знания театральной культуры и культуры эпохи национального Возрождения в целом.

Включение театра в исторический контекст, в общую систему культуры изучаемой эпохи открывает возможности изучения этого вида искусства не только как явления со своими собственными законами, но и как части сложного общественного организма. Культурно-исторический аспект помогает глубже понять и вскрыть влияние социальных факторов на искусство и влияние искусства на общественную жизнь.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII–НАЧАЛА XIX в. В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**Борис Краснобаев,
кандидат исторических наук**

К XVII–XVIII вв. неизменно было приковано внимание всех, кто пытался понять русский исторический и историко-культурный процесс, выработать его концепцию. Это время осознавалось как переломное (особенно рубеж XVII–XVIII вв.), как переходная эпоха от Древней Руси к новой, “европеизированной” России. Стремительность изменений в исторической жизни страны, в историко-культурной ситуации, качественный скачок в расширении и углублении общения России с другими европейскими странами, “открытость” системы новой русской культуры как одна из ее характерных черт вызывали естественный интерес к проблеме “Россия и Западная Европа”. Историография проблемы богата и серьезными работами, раскрывающими те или иные ее стороны¹, но еще богаче, по крайней мере в количественном отношении, поверхностными, мало обоснованными суждениями, главный смысл которых сводится чаще всего к прямолинейному противопоставлению русской и “западной” культур.

Изучение историографии и современного состояния проблемы “Россия и Западная Европа” в ее историко-культурном аспекте рождает ощущение, во-первых, топтания на месте, т.е. постоянного возвращения к одним и тем же (с небольшими вариациями) вопросам, аргументам, фактам, а во-вторых, того, что так поставленная эта “проблема” скорее уводит от понимания сути происходивших в русской культуре указанного времени процессов, чем помогает в них разобраться.

В системе русской культуры, развивавшейся в течение нескольких веков в условиях затрудненности (в первую очередь из-за золотоордынского ига и его последствий) общение не только с западноевропейскими, но и с братскими славянскими странами, в противоборстве, но и сосуществовании с миром восточных культур, начиная со второй трети XVII в. складывается, не без взаимодействия и помощи белорусской, украинской, а через них польской культур, новая русская культура — светская, отвергающая ксенофобные тенденции ревнителей ограниченно понятого православия. Преодоление или, скорее, начало преодоления замкнутости традиционной культуры, ее религиозного характера создавало возможности и предпосылки широкого познания других культур, общения с ними и взаимного

обогащения. Без этого условия русская культура, как и любая другая, не могла бы дальше развиваться, обрекалась на застой.

Удивительно, что ученые, и отечественные и зарубежные, имея перед глазами интереснейший, доступный почти наглядному наблюдению (благодаря достаточному количеству разнообразных источников) пример, позволявший изучить закономерности общения культур — однотипных, но находящихся на различных стадиальных уровнях, — отворачивались от возможностей познать самые сокровенные тайны историко-культурного процесса и удовлетворялись поверхностными суждениями, противопоставляя "Запад" и Россию. Этот дихотомический подход оказался малоплодотворным. Он оперировал в основном понятиями "займствования", "взаимодействие"; "вклад" и т.д. Эти понятия обобщают наблюдения за действительными, более или менее важными явлениями культурно-исторического процесса в России и в других европейских странах, но, как показал двухсотлетний опыт исследовательских усилий, не исчерпывают проблемы, а порой, как сказано, уводят в сторону от ее решения.

Дело, по-видимому, в том, что, во-первых, взаимосвязи культур — не самодовлеющая проблема и только как таковая не может быть удовлетворительно решена. Во-вторых, до сих пор не разработана теория культуры и в ее составе теория общения культур, господствует эмпиризм, а это слишком часто приводит к субъективизму в истолковании источников (например, сказаний иностранцев) и, как следствие, к поверхностным, а то и просто ошибочным оценкам и выводам.

В основе теории историко-культурного процесса, очевидно, должны лежать три взаимосвязанные идеи: 1) единство мирового историко-культурного процесса как выражение единства всемирно-исторического процесса вообще; 2) развитие каждой культуры по имманентным ей законам, являющимся конкретным, локально-историческим выражением всемирно-исторических закономерностей; 3) развитие каждой локальной структуры в контексте — в оптимальном плане — мировой культуры, но на настоящем этапе исследований — в контексте типологически и по историческим судьбам близких ей культур. Для русской культуры интересующего нас периода это означает изучение ее в контексте в первую очередь общеевропейской культуры.

Восприятие и попытки изучения русской культуры в контексте общеевропейской существовали всегда, несмотря на господство дихотомического подхода. Большое методологическое значение имеет опыт славяноведов, издавна вступивших на путь изучения славянских народов в их единстве и особенностях, что уже дало обнадеживающие результаты. Они отражены, в частности, в ряде содержательных сборников, посвященных славянским культурам XVIII—XIX вв. и изданных под руководством акад. АН СССР Д. Маркова. Тезисы докладов и сообщений убеждают, что мысль о необходимости изучать любую культуру в контексте общесторического и историко-культурного процессов обретает все большее число сторонников.

С середины XVII в. Россия и русская культура развиваются в усло-

виях начавшейся новой всемирно-исторической эпохи — капитализма. Этому утверждению противоречит на первый взгляд то, что только с 1760–80-х гг. можно говорить о складывании капиталистического уклада в России (вопреки некоторым историкам — сторонникам "раннего капитализма"). Однако в широкой исторической перспективе совершенно несомненна общая с другими европейскими странами тенденция развития. Кроме того, именно в указанный период в силу ряда конкретно-исторических обстоятельств, достаточно хорошо выясненных в исторической литературе², Россия оказывается особенно интенсивно включенной в многообразную сферу общеевропейских экономических, политических, дипломатических отношений. Она выступает и в качестве объекта различных устремлений других стран, и в качестве субъекта — государства, проводящего и преследующего собственные, нередко имеющие общенациональное содержание цели и интересы (борьба за государственный суверенитет, свободный выход к границам, морям и т.д.).

Все это вызвало уже в то время повышенный интерес к России, к русским, к русской культуре. А в России, в свою очередь, обострился интерес к политике, общественной жизни, культуре других европейских стран. Таким образом, характер исторического и историко-культурного развития России обусловил естественность вхождения русской культуры в систему общеевропейской культуры Нового времени. Европейское развитие в рассматриваемое время выражало собой новую всемирно-историческую эпоху. Вхождение именно в эту прогрессивную систему определяло в долговременной исторической перспективе пути русской истории.

Международная жизнь начальных веков новой всемирно-исторической эпохи была полна нараставшего драматизма, который вызывался усилением неравномерности развития различных регионов и стран, претензиями нового класса буржуазии, вступавшими в непримиримые противоречия с интересами феодальных классов, пересмотром сложившихся в феодальную эпоху границ, перестававших соответствовать ареалам складывавшихся буржуазных наций, борьбой за рынки сбыта, колонии и т.д. "Драматизировалась" и внутренняя жизнь в большинстве европейских стран — обострялась классовая и внутриклассовая борьба, в передовых странах вызревали силы, вступавшие в борьбу с феодально-абсолютистскими режимами.

Все это, вместе взятое, требовало выработки новых способов деятельности, т.е. новой культуры — культуры промышленного и сельскохозяйственного производства, политической, военной, художественной культуры, принципиально новых форм социализации, средств информации и т.д. и т.п. Отсюда такое обостренное внимание к культурным достижениям других народов в области науки, военного дела, организации государственного аппарата и т.п., а также и в идеино-духовной жизни.

Межкультурное общение, познание культур других народов стимулировало развитие различных отраслей культуры, становление системы новой культуры в каждой стране. В ряде случаев быстрее

продвигаться в той или иной области, чем это было бы возможно, помогала опора исключительно на собственные силы. Нередко делались прямые заимствования, усваивался опыт, накопленный иными культурами. Интенсивность таких заимствований на рубеже XVII–XVIII вв. дала повод современникам и последующим наблюдателям и историкам преувеличивать значение заимствований, но главное подменить причины следствием. Заимствования не создали и не могли создать новую русскую культуру, они были ответом на собственные потребности, результатом общности движения культуры европейских стран, типологической общности культур.

Но, как уже сказано, не в прямых заимствованиях дело – это был лишь один, и далеко не главный, компонент общения культур. Конечно, и заимствования требуют объяснения, а не простой констатации. В каждом случае важно установить, кто, что и почему заимствует. Еще важнее, хотя нередко значительно более трудно, проследить судьбу заимствованного элемента другой культуры – остался ли он "чужим" новой среде обитания, был ли усвоен каким-либо одним слоем общества (например, этикет придворных кругов) или получил широкое распространение, при котором подчас теряет практическое (но не исследовательское) значение, "самобытный" он или заимствованный (к примеру, осенний праздник или любовь к чаю и кофе).

Для народных судеб любой страны решающее значение имело такое развитие культуры, которое наиболее соответствовало глубоким народным потребностям, не только сиюминутным, и наиболее стимулировало и обеспечивало прогресс производительных сил во всех областях материальной и духовной жизни, более благоприятные условия и для развития человеческой личности, ее духовных богатств, так как, по словам К. Маркса, развитие производительных сил общества есть "развитие богатства человеческой природы"³.

Эта мысль К. Маркса заслуживает пристального внимания и с точки зрения рассматриваемой темы. Человек – субъект культуры. Как таковой он может быть понят только в системе определенной культуры. Но эта культура не раскроется историку в своей полноте, если не будут изучены человек, способы, благодаря которым развивались богатства его природы в данных конкретных историко-культурных условиях. В России изучаемого времени формировался человек новой культуры. Возрастало личностное начало в духовной русской культуре, происходило открытие человеческой личности, повышался интерес к человеку, его характеру, возможностям.

Не случайно именно во второй половине XVII в. в России возникает портрет как жанр. Для людей новой культуры нет никаких сомнений, что Россия – европейская страна. Для всех героев повестей первой трети XVIII в. поездка в "чужие края" ради достижения наук, изучения тамошних "политических нравов" – дело вполне естественное и необходимое⁴. Путешествия, встречи с людьми из различных стран, чтение иностранной литературы, изучение иностранных языков – все это способствовало психологическому преодолению средневековой замкнутости, боязливо-недоверчивого отношения к "лати-

нянам” и “люторам”, возбуждало мысль, чувство соревнования, способствовало усвоению новых понятий, рождало потребность в новой и новой информации о близком и далеком мире. Следовательно, так же как и культура в целом, человек — ее субъект может быть понят как явление, рожденное в сложной системе историко-культурного бытия, немыслимого вне общеевропейского культурного контекста, вне многосложного прямого и опосредованного общения людей и культур.

Общение культур не было безмятежно-бесконфликтным процессом. На каком уровне мы ни возьмем культуру — на общеевропейском, национальном, личностном и т.д. — ее единство может быть понято лишь как противоречие. Достаточно вспомнить историко-культурную ситуацию в России рассматриваемого времени. Она чрезвычайно показательна именно остротой и обнаженностью противоречий, конфликтов традиционной средневековой и рождающейся новой культуры, сословно-ограниченной и формирующейся общеноциональной. Культурные интересы различных классов, сословий и других общественных групп сталкивались, сложно взаимодействовали друг с другом. Естественно, что и любая национальная культура других европейских стран была также полна противоречий. Поэтому совершенно неверно и наивно представлять себе общение культур в виде соприкосновения неких цельных блоков. Об этом хорошо сказал Г. Плеханов: “Французское аристократическое общество оказывало одно влияние, а французские энциклопедисты и вообще мыслящие представители третьего сословия влияли совсем иначе”. Фонвизинский Иванушка мог заимствовать свои нелепые рассуждения “разве лишь у французских светских шаркунов”, но отнюдь не у просветителей⁵. Но Плеханов берет все же сравнительно простой пример.

В заключение подчеркну еще раз, что речь идет не об “одинаковости” европейских культур, а об их изучении, не изолированном друг от друга; культуры — русская и других европейских стран — не два чуждых друг другу, случайно столкнувшихся на исторических путях мира, они объединены глубокой внутренней общностью. Эта общность нарастает и развивается вопреки всегда существовавшим тенденциям к обособлению, различным политическим, религиозным, языковым, психологическим и прочим барьера姆. Подчеркивание типологической близости европейских культур отнюдь не означает противопоставления их культурам других регионов мира. Наоборот, разработав научную теорию общения культур на европейской модели, мы, несомненно, сможем глубже осознать культурное единство всего человечества, и на определенном этапе человеческой истории всеобщее в культуре может выявляться только в форме национальной культуры. Но, с другой стороны, именно в национальной культуре получает возможность развиваться всеобщее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Clendenning Ph., Bartlett R. Eighteenth century Russia: A select bibliography of works published since 1955. — Newtonville, 1981, p. 145—163.
- ² См., например: Сахаров А.М. Россия и ее культура в XVII столетии. — В кн.: Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979.
- ³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2, с. 123.
- ⁴ См.: Моисеева Г.Н. Русские повести первой трети XVIII в. М.; Л., 1965.
- ⁵ Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1925, т. 22, с. 44.

БЫЛА ЛИ ЭПОХА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ ПЕРЕРЫВОМ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ?

Дмитрий Лихачев,
академик

Мысль о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России, когда ход государственного корабля резко изменился, и при этом исключительно по воле державного властелина, вошла в сознание людей XVIII и первой половины XIX в. как непреложная истина.

Эта "непреложная истина" признавалась в равной степени как поклонниками Петра, так и его противниками — западниками и славянофилами (употребляя старую терминологию). Она была распространена в самой царствующей семье (особенно у Елизаветы Петровны, Екатерины II, Николая I) и в народе. Она проникла в литературу и фольклор, в официальную историографию и в легенды о царе-антихристе.

Это представление о царе-кормчем, о царе-шкипере было связано с цельным образом Петра: царя-плотника, царя-труженика, царя-ученого и учащегося, царя-преобразователя.

Сам Петр позаботился о том, чтобы создать о себе именно такое представление.

Петр постоянно говорил, что он труженик. В своей автобиографической записке он писал, что изучил в Голландии те "художества", которые надлежит "доброму плотнику знать". Петр подчеркивал свое гражданственное служение России, свое бесстрашие, народолюбие, любовь к наукам и пр.

Петр чувствовал, что находился в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел придать своим преобразовательным начинаниям демонстративный характер. В нем была своего рода артистичность. И гигантская фигура Петра действительно заслонила собой историческую перспективу. Только по мере удаления от Петровской эпохи стали возможны более трезвые оценки Древней Руси и всего исторического развития России.

Петру бесспорно принадлежит смена всей "знаковой системы"

Древней Руси. Он переодел армию, переодел народ, сменил столицу, перенеся ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданий; он демонстративно нарушил прежние представления о "благочестивейшем" царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и станки, но и заложив "всесущий и всепьянейший собор", общаясь со шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанность бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность иными темпами жизни, создал новые представления и о времени, и о пространстве. Он ходил быстро, ездил скоро и на большие расстояния, решал дела на ходу и в походах.

Петр сознательно стремился к тому, чтобы оборвать связи со старой Россией. Сохранившемуся же он придавал отличные от прежних формы.

Карамзин в речи, произнесенной в 1818 г. в Российской академии, сказал: "Петр Великий, могучею рукою своею преобразовав отчество, сделал нас подобными европейцам, жалобы бесполезны. Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки".

А вот позиция современного автора: "В XVIII столетии русская литература порвала с древними национальными литературными формами. Следовательно, здесь на первый план выплывают различия, а не общность" *.

Действительно ли Петр и его эпоха были перерывом между старой и новой Россией? Действительно ли культура новой России пошла целиком за Западом, оборвав традиции и зачеркнув все наследие старой Руси?

Уже в XIX в. в этой точке зрения стали сомневаться историки русской литературы — А. Пыпин, В. Истрин, А. Соболевский. Но и эти ученые не сомневались в том, что перерыв был, что он был вызван "западным влиянием". Речь шла только о том, чтобы этот "перелом" рассматривать на протяжении более длительного времени.

Между тем изучение закономерностей развития древнерусской культуры приводит нас к совершенно отчетливому представлению о том, что в течение нескольких веков, а не одного только XVII в. шел процесс перехода к новому этапу в развитии русской культуры со всеми его общеевропейскими чертами и особенностями.

В древнерусской литературе может быть отмечено несколько линий развития, приведших в конечном счете к появлению культуры нового времени. Среди этих линий на первом месте находится линия, связанная с проявлением личностного начала во всех видах творчества и в самых разнообразных формах.

Личностное начало, признание ценности человеческой личности, индивидуальные черты в стиле произведений, в характере творчества, приведшие к появлению гениев и талантов, профессионализация искусства, секуляризация культуры и т.п. — все эти ренессансные явления возникали на Руси постепенно, в течение нескольких веков

* Бурсов Б.И. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1967, с. 7.

и не были обусловлены четко выраженной эпохой Ренессанса.

Переход от средневековья к новому времени обычно совершается через Ренессанс. И хотя в России не было Ренессанса, однако в ней все же имелись заторможенные ренессансные явления, которые функционировали в течение очень длительного времени — начиная с конца XIV в. Так, барокко XVII в. тоже приняло на себя некоторые ренессансные функции, поскольку ему не предшествовал "нормальный" Ренессанс. Западное влияние в русской культуре в целом, и в литературе в частности, которое казалось ранее причиной перехода русской культуры на новые рельсы, на самом деле было следствием этого перехода.

Развитие индивидуального, личностного начала в творчестве, отход от средневековой традиционности, потребность в упорядоченных естественно-научных знаниях, специализация и профессионализация всех видов творчества, постепенная секуляризация культуры и многое другое — все это и сделало возможным появление западных форм культуры.

В ренессансных началах западное влияние нашло благоприятную почву и основу. Будучи следствием развития ренессансных явлений, оно в свою очередь ускорило переход от культуры средневекового типа к типу культуры нового времени.

Аналогичным образом следует рассматривать и эпоху Петровских реформ. Петровские реформы были подготовлены не только отдельными явлениями XVII в. Они явились закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени.

Закономерным был разрыв и во всей средневековой "знаковой системе" культуры, произведенный Петром. Переход, до него неосознанный, теперь стал осознанным. Осознание перехода и заставило сменить "систему знаков": надеть европейское платье, новые мундиры, "скоблить" бороды, реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать и европейское искусство. И эта смена "знаковой системы" ускорила развитие новых явлений в культуре.

Вопрос о том, что процессы, происходившие при Петре, могли совершиться и без Петра, поставил еще в XVIII в. историк М. Щербатов. Он высчитал, что для проведения таких реформ без Петра понадобилось бы семь поколений и что тогда преобразования в России закончились бы только в 1892 г. В известном смысле Щербатов был прав. Исторические процессы без выдающихся исторических личностей не изменили бы своего направления, но были бы сильно замедлены; при этом замедлен был бы процесс перехода русской культуры от средневекового типа к типу культуры нового времени.

Однако сами исторические личности, как известно, являются порождениями закономерных процессов. В этом смысле и Петр в качестве своеобразного ускорителя процесса перехода русской культуры к типу культуры нового времени был порождением этого процесса.

Петр как личность был типичным порождением русской культуры конца XVII в. Уточняя, мы могли бы сказать, что он со всеми его противоречивыми чертами был порождением русского барокко конца XVII в., в котором особенно сильны были ренессансные явления: склонность к просветительству и реформаторству, к научному отношению к миру, к известному барочному "демократизму", к синтезу наук, ремесел и искусств, к характерной для русского барокко энциклопедичности образования, к барочному представлению о государственности и долге монарха перед своей державой и ее подданными, к пониманию истории как цепи героических событий и поступков, чувствительность к западным, европейским влияниям и т.д. Даже сама мысль Петра о переходе просвещения из одной страны в другую по часовой стрелке, высказанная им в его речи при спуске корабля "Илья пророк", была типично барочной.

В просветительной поэзии Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева мы могли бы встретить многие идеи Петра.

Именно потому, что Петр был не исключением, а в известной мере закономерным порождением исторического процесса, он мог найти себе достаточное число сподвижников, и при этом не в одной Москве.

От барокко в Петре были многие черты его характера: склонность к учительству, уверенность в своей правоте, "богоборчество" и пародирование религии в сочетании с несомненной религиозностью, доброта и жестокость и многое другое, что определяло противоречивость его натуры.

Эпоха Петровских реформ была подготовлена разными линиями развития русской культуры, многие из которых восходят еще к XIV в. Не один XVII в. подготовил собой переход к новому времени, но все развитие русской культуры. Петровская эпоха только потому была воспринята как кульминационный пункт этого перехода, что именно в это время произошла смена "знаковой системы". Обращение к Западу было не существом процесса, а лишь его естественным порождением.

Однако черты старого сохранялись и в XVIII, и в XIX в. Многие особенности культуры этого времени были логическим следствием развития русской культуры XVII столетия и предшествующих веков.

Чем больше мы изучаем изменения и развитие русской культуры в XIV–XVII вв., с одной стороны, и ее судьбу в новое время — в XVIII–XIX вв. — с другой, тем отчетливее цельность всего процесса. В этом целом процессе эпоха Петровских реформ была эпохой "осознания" совершающегося и поэтому эпохой очень важной, но не вносящей ничего катастрофического в развитие русской культуры.

Дальнейшее изучение этих процессов, подспудно совершившихся в русской культуре, укрепит это положение и поможет нам глубже понять эпоху Петровских реформ.

СВЯЗИ И ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Григорий Вервес,
член-корреспондент АН УССР

В последние годы заметно усилился интерес к изучению взаимодействия славянских культур между собой и их связей с культурами других народов мира. Это объясняется стремлением раскрыть уходящие в глубь столетий традиции современных взаимоотношений необходимостью новой оценки связей на уровне современной науки¹. И все же работ комплексного характера, интерпретирующих культуру как синтез творческих возможностей человека и его усилий, направленных на познание и преобразование мира, учитывающих диалектическое единство ее многообразных компонентов (теории общественного прогресса, эстетические учения, книгопечатание, взаимодействие гуманитарных и естественных наук, литература, искусство), появляется все еще мало, а от этого зависит успешное изучение и глубинных межнациональных культурных отношений.

Положительным моментом в освещении вопросов культуры явились разрабатываемые Институтом славяноведения и балканистики АН СССР проблемы формирования национальных культур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, развития национального самосознания, формирования наций². Учитывая научные выводы и прогнозы советской науки, хотелось бы в общих чертах осветить вопрос, который возникает не на "второй", а в тот самый день, когда появляются и национальные славянские культуры, — о их связях и взаимодействии, ибо доказано, что развитие и международный резонанс национальной культуры прямо пропорциональны ее локальным и международным отношениям.

В конце XVIII—начале XIX в. славянские народы стояли на разных ступенях государственного, национального и культурного развития. Кроме России, могущественного славянского государства, и Польши, которая хотя и потеряла свою государственность, но была готова уже перед самыми разделами "перенести знамя французской революции на берега Вислы" (Ф. Энгельс) и обладала традицией государственной и культурной жизни, остальные славянские народы испытывали тяжелый национальный гнет, некоторые даже неточно обозначались на географических картах Европы, а функции их культуры были ограничены "домашним обиходом". Их язык изгонялся из школ и учреждений, а большие культурные завоевания прошлого предавались заб-

вению. Социальная и национальная зависимость от стран, их угнетавших, — ими была и султанская Турция, и Австрия, и Пруссия — должна была поставить и их культуру в маргинальное положение.

Россия в этих условиях, именно как славянское государство, несмотря на захватническую политику царизма, сыграла важную роль в судьбах зарубежных славян; она оказывала не только моральную, но и материальную помощь деятелям славянского Возрождения. В противовес царизму передовая русская общественность содействовала нарастанию национально-освободительной борьбы в славянских землях.

В России, а также в Польше уже в XVIII в. происходят глубинные сдвиги в социальной и духовной жизни, которые могут быть характеризованы как явления сформировавшейся национальной культуры: повсеместно господствовал национальный язык, функционировали национальные учреждения, а все формы и виды культуры (наука, театр, пресса, литература, искусство и т.п.) выступали как единое целое, обслуживающее духовные потребности общества. Культуроформирующим фактором в этих странах выступило Просвещение, интенсивно влияющее и на формирование культур других народов славянского мира, доказательством чему может служить энциклопедическая деятельность Паисия Хилендарского, Григория Сковороды, Доситея Обрадовича и др. Однако, несмотря на известную роль этих мыслителей и философов в пробуждении национального самосознания своих народов, они скорее прообраз будущего, чем духовные вершины настоящего.

Постепенно развитие капитализма захватывает и окраины. Приведенные в движение новыми складывающимися буржуазными отношениями, активизируются и "негосударственные" славянские народы. Свою культуру они должны были создавать ускоренно, создавать на местном материале, а также ориентируясь на опыт более развитых культур родственных народов. Национальным материалом оказалась выдержавшая испытания временем народная культура — устное народное творчество, привлекшее интерес представителей романтизма.

То, что главным культурообразующим фактором для большинства славян было народное творчество, несущее на себе печать предшествующих этнических общностей, и то, что оно воспринималось как связующее звено между "старыми и новыми временами", как "ковчег завета" (А. Мицкевич), носитель подлинного народного духа, сыграло огромную роль в судьбах национальных культур славянских народов.

Нарождавшаяся национальная культура не могла остановиться на уровне фольклорной культуры, поэтому возникает потребность в обращении к опыту других культур — русской, польской, чешской, хорватской, к опыту других европейских народов, тем более что сами они были заинтересованы в культурном обмене. Связи развиваются как по вертикали — обращение к собственным и инонациональным традициям далекого и ближайшего прошлого, так и по горизонтали — вхождение в активные контакты в различных областях

культуры в зависимости от того, какой из ее видов выполнял роль детонатора в воспринимающей национальной культуре. Чаще всего эти функции брала на себя литература, так как она обладала наибольшими возможностями массового воздействия путем распространения политических, идеологических, эстетических и этических концепций.

В это время большую популярность среди славян получают идеи чешских будителей, особенно идея "славянской взаимности" Я. Коллара. Под влиянием освободительной борьбы в России, в частности революционных идей декабристов, среди восточных славян и в Польше идеи "родства народов" распространяются несколько ранее. В 1817 г. З. Доленга-Ходаковский писал: "Если я перестану быть братом русинов, чехов, венгров, мне придется оставить свои планы, и польская древность исчезнет. Именно потому, что в прошлом каждый писатель и исследователь ограничивался только своим языком и областью... он ничего не мог заметить"³.

Интенсификация культурных связей и вызывала у деятелей Возрождения чувство единой славянской общности, стремление не отстать от других и запечатлеть свое доброе, историей оправданное имя. "Мысль не отстать от других собратьев вдохновляет всех. Молодежь возбуждена к деятельности живой, патриотической", — сообщал, например, из Загреба в 1841 г. П. Прейс⁴.

Межславянские культурные связи, усиливающиеся с каждым десятилетием, в первой половине XIX в. возникают не между традиционно "излучающими" и "воспринимающими" культурами, а между равными партнерами. Уже с этого момента можно говорить о взаимодействии и взаимообогащении родственных культур. Кроме того, следует учитывать, что подлинно высокая, гуманистическая культура так называемых господствующих наций также подвергалась гонениям со стороны своей реакции, — мы заметим не только национальные, но и социальные элементы и тенденции. Поэтому следует различать связи в период формирования славянских наций и национальных культур (по времени этот период хронологически не совпадает для славянских народов) и в последовавший за ним период, отмеченный более четким разграничением борьбы двух культур, более тесным сближением прогрессивных деятелей разных стран.

У нас нет возможности подробно останавливаться на значении результатов культурного обмена первой половины XIX в., хотя такие явления, как взаимосвязанность сокращения и издания народного творчества (Кирша Данилов — Караджич — Цартелев-Максимович — Вацлав из Олеска — Штур и др.), его использования (Гоголь — Шевченко — Прешерн — Каравелов), творческие связи в области музыки (Глинка — Монюшко — Дворжак)⁵, возникновение национальных "школ", занимающихся освоением инонационального народного творчества (в частности, "украинская школа" польских романтиков, проявившаяся в поэзии, живописи и музыке), тесная связь героических и эпических начал в области изобразительного искусства, посвященной национально-освободительной борьбе поляков, сербов и болгар⁶, — говорят сами за себя.

Специфика связей родственных культур определила многообразие форм и способов усвоения инонационального богатства, начиная от подражаний, стилизаций и кончая непосредственным участием в "чужом" культурном процессе. Этой же спецификой объясняется и своеобразие типологических сходств, а зачастую и последовательность их поэтапного проявления (собирание и издание памятников народного творчества, создание на фольклорной основе оригинальных художественных произведений и, параллельно, переводных, становление разговорного языка в качестве литературного, усиление роли театра, национальной музыки и изобразительного искусства, роли инославянской тематики во всех сферах культуры).

Связи содействовали ускоренному росту и "выравниванию" общеславянского культурного процесса, ликвидации отрицательно действующих "антрактов" в национальной духовной жизни угнетенных народов путем овладения ими "последним словом" наиболее развитых славянских культур. Отметим, что эти "антракты" порой были значительными; в результате их появились "пропуски" таких явлений, как классицизм и сентиментализм. Известно, что и романтизм в некоторых культурах проявлялся лишь в подражании народным песням. Иногда же все эти "пропущенные" направления сосуществовали в эмбриональном состоянии (порождая известный синcretизм). Но они немедленно приводились в движение, как только открывались новые возможности развития. Такие культуры не возвращались к исходной точке, а создавали духовные ценности наиболее современные, опираясь на опыт других народов. В этом отношении роль русской культуры в ликвидации "антрактов" в украинской и белорусской, а также сербской и болгарской и роль польской в развитии хорватской и чешской культур общеизвестны.

Выдающаяся роль в развитии всех культур славянского мира принадлежит русской культуре, в идеально-эстетической и нравственной атмосфере которой созревал гений А. Пушкина, А. Мицкевича, Т. Шевченко, К. Гавличка-Боровского, Х. Ботева. В то же время уже с 20–40-х годов XIX в. русская культура обогащается за счет культур западных и южных славян. При этом высокая трибуна, которая предоставлялась зарубежному писателю, композитору, драматургу в России (периодическая печать, концерты, театр и т.п.), требовала соответственно высокого профессионального, художественного уровня. Вот почему "втягивание" в орбиту передовой русской культуры явлений инославянских было признанием высоких эстетических и гуманистических ценностей литературы и искусства наций, лишенных своей государственности. Культура, выражая большую степень национального самосознания, порождала патриотические настроения у соседей, активизировала процессы, связанные с возникновением новых национальных культур.

С одной стороны, раздаются голоса, призывающие славянские народы к объединению и консолидации, с другой — происходит своеобразное "отпочкование" новых национальных культур, в результате чего в предельно краткий срок (одно-два десятилетия) коренным

образом меняется карта всего славянского мира: наряду с русской, польской, чешской и другими культурами возникают новые и в то же время древние, возрождающиеся культуры – украинская, сербская, словацкая, словенская и другие национальные культуры.

Конечно, эпоха национального Возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы была порождена глубинными процессами социально-экономической и политической жизни каждой из славянских стран, сложными взаимодействиями социальных факторов и факторов, относящихся к сфере культуры. Но эта эпоха никогда бы не достигла таких разительных перемен без постоянного, непрекращающегося взаимодействия между "старыми" и "новыми" родственными культурами. Взаимоотношения между ними отмечены диалектическим единством противоречий национального и общечеловеческого, традиционного и новаторского, при котором "новое" не только связано со "старым", но зачастую и определяется им.

В 10–20-е годы XIX в. на Украине, уже после того как появились первые части "Энеиды" И. Котляревского (1798), ознаменовавшие собой начало новой украинской литературы на народном языке, в Харькове, а затем и в Киеве продолжают издаваться украинские журналы на русском языке. Украинские писатели П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основьянченко, а позже и Е. Гребенка продолжают традиции украинско-русского единения предшествующих столетий. Н. Гоголь также выступает в духе этой традиции.

Проблема языка в 10–20-е годы XIX в. не имела такого значения, какое она приобрела в 30-е годы у романтиков, а затем у Т. Шевченко. Удовлетворяя эту объективную потребность, русский учёный И. Срезневский принимает непосредственное участие в украинском культурном процессе: он издает альманах "Запорожская старина" и стихотворения на украинском языке. Срезневский выступает поборником украинской культуры. Шевченко, завершивший своим творчеством в 40-е годы процесс формирования украинской национальной литературы, считает русскую литературу "нашей литературой".

Как показали новейшие исследования советских и зарубежных учёных, чехословацкая и иллирийская языковые общности, исходившие во многом из учения Я. Коллара о "славянской взаимности", были только этапом в развитии культур западных и южных славян. Учение Коллара в условиях борьбы против ассимиляторских воздействий было прогрессивно своей идеей культурного сотрудничества, а не практическими предложениями, выразившимися в идее "единого славянского народа", который состоял бы из "четырех ветвей", имеющих право на отдельный литературный язык ("О литературной взаимности", 1836). Эти рекомендации Коллара скорее сдерживали национальное развитие славянских народов, а объективная закономерность появления наций диктовала иное решение вопроса.

Воспитанное на колларовско-шафариковской традиции чешско-словацкой общности, молодое поколение словацкой интеллигенции сложившееся противоречие решало по-своему. "Мы находимся в настоящем чистилище, – отмечал Л. Штур в 1836 г., – ибо если мы

пишем на чистом чешском языке, то мы закрываем путь к чтению нашему простому народу, а если мы прибегаем к наречию, то отрываемся от чехов⁷". В труде "Наречие словацкого языка и необходимость писать на этом наречии" (1846) Штур дал такое определение: "Славянская жизнь — как разветвленная корона липы, народ один, но в многообразии, и пусть это многообразие, но в единстве, скажется отчетливо и в нашей духовной жизни. Это будет настоящая жизнь, построенная на хороших основах, ибо в ней ничего, что должно вырасти, не будет задушено или изуродовано". Выход, таким образом, был найден. "Мы — словаки, и только этим и именно этим мы — славяне", — формулировал суть вопроса Й.М. Гурбан⁸.

Идеологи иллиризма, как известно, перенесли на хорватскую почву не только учение Коллара о "едином славянском народе", но и чешские формы культурно-просветительской деятельности (развитие журналистики, театра, литературно-музыкальные вечера и т.п.). Они широко популяризовали культуру других славянских народов, прежде всего русскую, польскую и чешскую, что способствовало пробуждению национального сознания у хорватов, сербов, словенцев. Но прогрессивность этой культурно-языковой общности ограничена. Жизнь вносила существенные корректизы и в это движение. Такие явления, как поэзия Ф. Прешерна, свидетельствовали о том, что общий иллирийский кров для южных славян тесен.

Центростремительные тенденции сохранились, и их воздействие на формирование национальных культур продолжалось. Более того, несмотря на тяжелые условия, в которых развивалась передовая культура славянских народов в рамках буржуазного общества, есть все основания утверждать, что связи между "старшими" и "младшими" культурами с десятилетиями усиливались. Они дополняли друг друга, взаимообогащались, проявляли общую тенденцию к многообразию форм, стилей и течений.

И последнее. Связи культур в период формирования славянских наций никогда не стали бы фактором прогресса и взаимообогащения, если бы они функционировали исключительно в рамках славянского ареала, вне духовного обмена и передовых традиций Запада. Национальная обособленность то ли в формах, предлагаемых славянофилами, то ли в постулатах австрийских панславистов всегда вызывала осуждение со стороны передовых деятелей славянских стран. Революционно-демократическая концепция единения славянских и неславянских народов (А. Герцен, А. Мицкевич, Т. Шевченко, Н. Чернышевский, Я. Домбровский, Й. Фрич), сформировавшаяся в 40—60-е годы и противостоявшая славянофильским и панславистским доктринаам, являлась наиболее передовой системой взглядов и в 70—80-е годы (М. Салтыков-Щедрин, С. Маркович, И. Франко). Универсализм, социальная точность и интернациональная заботливость за судьбы родной культуры революционных демократов не потеряли своего значения и в наши дни. В 1898 г. И. Франко писал в статье "Интернационализм и национализм в современных литературах": "Каждый подлинно современный писатель — славянин ли он, немец, француз

или скандинавец, является как бы древом, которое своими корнями врастает как можно глубже и крепче в свою родную национальную почву, старается впитать как можно больше ее живительных соков, а своим стволом и кроной уходит в интернациональную атмосферу идейных интересов, научных, общественных и моральных поисков. Только тот писатель может сегодня иметь какое-либо значение, кто умеет всему просвещенному миру высказать свое суждение по поводу тех больших вопросов, которые волнуют все человечество, тревожат его душу, причем высказать именно в той форме, которая наиболее соответствует его национальному характеру”⁹

Связи и взаимодействия славянских национальных культур, возникшие на заре XIX в. и ставшие фактором прогресса, явились прообразом культурного единения народов стран социалистического содружества, направленного на укрепление мира и создание устойчивых социальных и гуманистических ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Межславянские культурные связи. М., 1971; Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973; Пути развития и взаимосвязи русского и чехословацкого искусства. М., 1970; Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М., 1968; O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969; Slovenská a ruska literatúra. Bratislava, 1973; Міжслов'янські літературні взаємини, в. I—III. Київ, 1958—1962; и др.
- ² Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — Вопросы истории, 1973, № 10, с. 93 и сл.; Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974; Миллер И.С. Формирование наций. Место проблемы в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — Советское славяноведение, 1975, № 6, с. 93—98.
- ³ Biblioteka Warszawska, 1866, t. VI, cz. 5, s. 163.
- ⁴ Живая старина, в. III. СПб., 1891, с. 41.
- ⁵ См. об этом: Бэлза И. Русские классики и музыкальная культура западного славянства. М., 1950.
- ⁶ История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973, с. 390 и сл.; История и культура славянских народов. М., 1966, с. 40—75.
- ⁷ Listy L. Stura, I. Bratislava, 1954, s. 56.
- ⁸ Развитие капитализма и национальное движение в славянских странах. М., 1970, с. 10.
- ⁹ Франко Ів. Твори в 20 т. Т. 18. Київ, 1951, с. 505.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Момчило Ешич,
кандидат филологических наук,

Михаил Кузьмин,
кандидат исторических наук

Культура — это система духовного производства, хранения, распределения и потребления (усвоения) духовных ценностей, обеспечивающая на каждом данном этапе общественного развития определенное дифференцированное, соответствующее конкретно-историческим условиям духовное (интеллектуальное, нравственное, эмоциональное) формирование людей как деятельности членов общества и удовлетворение их духовных потребностей. Поскольку культура возникает и развивается в рамках не просто социальных, а этносоциальных организмов, это также определяет некоторые ее параметры.

Социалистическая культура, следовательно, является системой духовного производства, хранения, распределения и потребления духовных ценностей, которая в виде определенных элементов зарождается на предшествующих этапах общественного развития, формируется как целостная система (и как подсистема социалистического общества) в процессе строительства социализма. Исторически — это качественно новая система духовного производства и по содержанию создаваемых ценностей, и по своим конкретным функциям. Ее главная функция — духовное формирование нового человека — единого социалистического типа личности, всесторонне и гармонически развитых членов социалистического общества.

Окончание второй мировой войны, разгром фашизма, победа народно-демократических и социалистических революций открыли путь для строительства социалистического общества и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Таким образом, наряду со славянскими нациями СССР на путь строительства социализма вступили и все остальные славянские народы.

Ввиду особенностей исторического развития славянские нации в тот момент существенно различались между собой по уровню социально-экономического и культурного развития.

Славянские нации СССР (русская, украинская, белорусская) уже в межвоенный период создали фундамент социализма и трансформировались из буржуазных в социалистические, перестроив в основном всю систему духовного производства в соответствии с новыми условиями и осуществив ряд кардинальных задач

социалистической культурной революции. Однако войной был нанесен большой ущерб культурам этих наций. Сильно пострадала материальная база культуры, сотни тысяч работников культуры погибли, защищая родину.

В первые послевоенные годы в сфере культуры решались следующие задачи: восстановление разрушенного войной; завершение формирования системы культуры, соответствующей этапу построения основ социализма; совершенствование этой системы.

Среди славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, вступивших после второй мировой войны на путь строительства социализма, прежде всего были народы относительно высокого уровня развития культуры в предшествующий период, обладавшие богатым фондом национальных (и интернациональных) культурных ценностей, развитой системой институций духовного производства и распространения культурных ценностей, практически полной грамотностью и высоким общим образовательным потенциалом, соответствующим параметрам индустриально-аграрных стран. Например, в Чехословакии так называемый медианный уровень образования (т.е. среднее количество лет обучения на одного жителя) составлял к концу 40-х годов примерно 6,5 лет на душу населения (старше 15 лет), в том числе в чешских областях — почти 7 лет.

Другую группу представляли страны аграрно-индустриального типа, которые имели средний уровень экономического развития и — как следствие — менее высокий уровень культурного развития. В общем фонде национального культурного наследия при более или менее значительном удельном весе ценностей художественной культуры: ощутимо меньшим был удельный вес науки. Слабыми были сеть институций духовного производства и распространения культурных ценностей, материальная база культурной деятельности. Неграмотность составляла еще около 15–20% общего числа населения, образовательный потенциал едва достигал 4,5 медианных года на душу населения.

Наконец, последнюю группу составляли славянские нации, процесс формирования которых (а следовательно, и процесс формирования системы национальной культуры) в момент победы социалистической революции еще не был закончен и завершился позже — уже в ходе их преобразования в социалистические нации. Для сравнения можно отметить, что образовательный потенциал населения составлял здесь примерно 2–3 медианных года на душу населения.

Следует подчеркнуть, что самой организации систем культуры в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период были полностью присущи все противоречия, характерные для буржуазного общественного строя в целом.

Вторая мировая война нанесла культуре славянских стран гигантский ущерб. Были уничтожены многие культурные ценности, серьезно пострадала материальная база культуры, погибли многие крупные деятели культуры.

С переходом к строительству нового общества перед славянскими нациями Центральной и Юго-Восточной Европы встала общая задача перестройки всей духовной жизни. Это означало прежде всего ликвидацию монополии эксплуататорских классов на культуру, создание условий, при которых все культурные ценности юридически и практически стали бы достоянием всех членов общества, что открывало путь для постепенного уничтожения культурного неравенства различных слоев общества.

Это означало и дальнейшее увеличение фонда гуманистических духовных ценностей на базе нового миропонимания и мировоззрения при сохранении всего ценного, созданного нацией в прошлом, и усвоении достижений мировой культуры прошлого и современности.

Это означало также воспитание многочисленного отряда новой интеллигенции, призванной обеспечить функционирование подсистемы культуры социалистического общества.

Решение отмеченных всеобщих стратегических задач социалистического культурного строительства осуществлялось поэтапно.

В первый послевоенный период, после победы народно-демократических революций, развернулся процесс демократизации культуры, основным содержанием которого были:

- 1) меры по ликвидации ущерба, нанесенного культуре фашизмом и войной;
- 2) борьба за искоренение фашистской и крайне реакционной идеологии, за расширение влияния прогрессивных и гуманистических идей, за укрепление влияния революционной идеологии рабочего класса;
- 3) меры по демократизации всей системы культурных учреждений различных профилей и назначения;
- 4) борьба за ликвидацию неграмотности и преодоление других форм культурной отсталости, за расширение доступа к образованию для самых широких слоев населения.

Процесс демократизации культуры и обновления духовной жизни славянских народов в первые послевоенные годы протекал в сложных условиях. Однако — благодаря усилиям коммунистических и рабочих партий и широкой поддержке их политики со стороны трудящихся масс, а также деятельности других демократических антифашистских организаций — главные задачи в сфере культуры, возникшие на этом этапе, были в основном успешно решены.

С переходом к строительству основ социалистического общества развернулась социалистическая культурная революция — целенаправленная деятельность по формированию и развитию новой, социалистической системы культуры.

Коммунистические и рабочие партии в своих программных документах намечали пути формирования и развития новой, социалистической системы культуры.

Решение общих задач этого этапа имело в каждой из стран свои специфические особенности, что было обусловлено различиями в

уровнях развития и характере культуры, унаследованных от предшествующего периода.

Основными направлениями культурного строительства на данном этапе были:

1) борьба за утверждение идеологии рабочего класса в качестве господствующей идеологии нового общества, которая проходила в сложных условиях острых классово-политических конфликтов как в международном, так и во внутринациональном аспекте. В процессе преодоления влияния реакционной идеологии на сознание людей велась также борьба против тенденций догматизации и ревизии основных принципов революционной идеологии рабочего класса. Далеко не всегда в этих сложных условиях находились адекватные решения возникших проблем. В целом к концу периода идеология марксизма-ленинизма становится доминирующей во всех национальных славянских культурах, оказывая возрастающее влияние на все сферы культурного творчества;

2) реорганизация всей системы духовного производства и трансляции культуры на социалистических принципах. Происходит реорганизация условий научной деятельности. Во всех славянских странах, при сохранении за университетами и другими высшими учебными заведениями роли традиционных научных центров, возникают новые, специализированные научно-исследовательские институты, объединяющиеся в национальные академии наук. Наблюдаются значительные сдвиги и в жизни художественной интеллигенции – различные профессиональные ее отряды объединяются в соответствующие единые творческие союзы;

3) переход к формированию нового человека – гармонически и всесторонне развитой личности. На смену старой – разделенной на массовую и элитарную – приходит новая единая школа, имеющая целью единый воспитательный идеал, дающая всей молодежи независимо от социального происхождения равные возможности для достижения самых высоких ступеней образования;

4) приобщение к строительству новой жизни старого контингента интеллигенции, изменение ее идеально-политической ориентации, модификация ее социальной и профессиональной структуры, ускоренная подготовка новой интеллигенции. На этом этапе интеллигенция конституируется и консолидируется как особый социальный слой нового, социалистического общества и как составная часть формирующейся социалистической нации;

5) бурный рост творческой деятельности, создание новых духовных ценностей в сфере науки и искусства. В общих национальных фондах духовных ценностей быстро возрастает удельный вес ценностей социалистической культуры. Этому способствует и расширяющийся взаимообмен ценностями между народами социалистических стран. Фонд функционирующих культурных ценностей возрастает с перенесением на национальную почву многих достижений мировой культуры.

Все эти процессы протекали в столкновениях противоречивых

тенденций в силу сложности вопросов о традициях и преемственности, о критериях усвоения собственного национального культурного наследия и культурных ценностей мировой культуры. Здесь имели место тенденции сектантского и догматического характера, а также тенденции национального и хояционизма, попытки возобновить влияние буржуазной идеологии под видом "расширения". Критерии оценки культурных ценностей, созданных в прежние эпохи. Культурное творчество славянских народов этого периода, преодолев указанные негативные тенденции, претерпело большие качественные и количественные изменения.

Замечательным результатом данного периода явились преобразование славянских наций в социалистические, окончательная консолидация тех наций, процесс формирования которых в предшествующий период еще не был закончен, консолидация новой системы национального духовного производства как подсистемы социалистического общества.

Строительство основ социализма, коренные преобразования в экономике, в социальной структуре общества, формирование социалистического образа жизни явились факторами изменений во всех сферах духовной жизни. И наоборот, решение насущных задач в сфере культуры было непременным условием прогресса в других областях социалистического строительства.

Наиболее отчетливо эта непосредственная связь культуры с другими сферами общественной жизни проявляется в области науки и образования.

Необходимость изменения формируемой личности вслед за изменением объективных условий коренится в том, что от уровня и масштабов фактического воспроизведения детерминируемой новыми социально-историческими условиями личностной модели зависит как от субъекта деятельности не только темпы и степень решения социальных, экономических и других задач очередного этапа социалистического строительства, но и сама возможность нормального движения вперед от этапа к этапу.

Характерно поэтому, что во всех славянских странах на данном этапе строительства основ социализма школа трансформируется на базе единой концепции, объем обязательного всеобщего образования в странах, ранее отстававших, подтягивается к концу периода до необходимого уровня, т.е. до всеобщей 8-летней школы.

Завершение строительства основ социализма в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже 50–60-х годов открыло новые возможности и перспективы для развития социалистических культур славянских народов, выдвигая вместе с тем новые проблемы и новые задачи в сфере культурного строительства.

Следует отметить развитие двух взаимосвязанных процессов:
а) быстрый рост совокупного интеллектуального и – шире – культурного потенциала каждой славянской нации, в том числе на базе выравнивания образовательно-культурных уровней различных слоев трудящихся;

б) межнациональное культурное сближение, взаимообогащение, взаимодействие славянских социалистических культур как внутри многонациональных государств (СССР, ЧССР, СФРЮ), так и в межгосударственном плане. Национальные фонды духовных ценностей все шире становятся достоянием всех социалистических наций, приобретают характер единого мирового фонда ценностей социалистической культуры. Интеграционные процессы в социалистической культуре не только не ограничивают оригинальное национальное культурное творчество, а, наоборот, способствуют ускоренному росту национального культурного потенциала.

Этническая близость и богатые традиции культурных взаимосвязей славянских наций являются фактором, способствующим развитию интернациональной культурной общности всех социалистических стран.

Решение задач культурного строительства на этапе зрелого социализма совпало с процессом развития научно-технической революции. Это в свою очередь выдвинуло ряд новых проблем в самых различных областях социалистической культуры и создало новые предпосылки для ее дальнейшего развития.

Таким образом, общим итогом более чем 40-летнего послевоенного развития славянских народов явилось коренное преобразование этих культур в социалистические, увеличение культурного потенциала славянских наций, рост их вклада в мировую культуру.

ИСТОРИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

Светлана Шерлаимова,
доктор филологических наук

Одна из отличительных черт развития славянских литератур на современном этапе — усиление историзма, отражающее новый качественный уровень исторического самосознания.

Исторический подход, стремление рассматривать изображаемый отрезок времени как часть истории — краеугольный принцип реалистического искусства. Вместе с тем историзм и сам есть категория историческая, изменяющаяся во времени как в содержательном плане, так и в плане его художественной реализации в конкретных произведениях.

Социалистической литературе с самого момента ее возникновения было присущее такое качество, как осознанный историзм. В свое время об этом в книге "Исторические судьбы реализма" писал Б. Сучков, отмечая, что он базируется на научном понимании действительности и активном отношении к миру.

На начальном этапе развития социалистических литератур, в том числе и славянских, их осознанный историзм проявлялся прежде всего в акцентировании проблем классовой борьбы и революционной перспективы в изображении современности, в провидении будущего. Однако весьма рано пробудился и интерес социалистических писателей к историческому прошлому своих стран. Свою роль здесь сыграло и то, что исторический роман во многих славянских литературах имеет богатую традицию, связанную с развитием национально-освободительных идей, с отстаиванием славянскими народами в борьбе с чужеземными захватчиками права на славянский язык и культуру, на национальную самобытность.

В русской советской литературе исторический роман появляется уже в 20-е годы (О. Форш, А. Чапыгин). В 30-е годы он достигает подлинных художественных высот в творчестве А. Толстого и Ю. Тынянова. Жанр социально-исторического романа складывается в польской революционной литературе 30-х годов (Л. Кручковский: "Кордиан и хам", "Павлины перья"). Новатором в историческом жанре выступил чешский революционный писатель В. Ванчура. Его книга "Картины из истории чешского народа" — высокий образец антифашистского исторического романа. Созданный в условиях гитлеровской оккупации роман помогал чехам не утратить веру в

конечную победу, без идеализации гордясь славным прошлым, не бояться превосходящего по силе врага. В годы второй мировой войны в оккупированном фашистами Белграде И. Андрич писал свои проникнутые ненавистью ко злу и насилию исторические романы "Мост на Дрине" и "Травницкая хроника". Этим романам, которые увидели свет уже после войны и принесли автору международное признание, чужда националистическая узость, в то же время они способствовали укреплению национального самосознания народов Югославии.

Крутой поворот в истории западных и южных славян, каким явилось их вступление после второй мировой войны на путь социалистического строительства, вызвал потребность заново проанализировать опыт прошлого, найти в нем подтверждение правильности сделанного выбора. Показательно, что в исторических романах первых послевоенных десятилетий писатели широко обращаются к эпохам массовых народных движений, крестьянских восстаний, а также к истории революционного рабочего движения в своих странах. Исторический роман успешно развивается в эти годы, например, в болгарской литературе. В первую очередь здесь надо назвать цикл исторических романов Д. Талева ("Железный светильник", "Ильин день", "Преспанская колокола", "Слыши ваши голоса"), посвященных национально-освободительному движению со второй половины XIX в. до 1-й Балканской войны. В чешском историческом романе первого послевоенного десятилетия была особенно популярной гуситская тема. Ей посвятили свои романы В. Каплицкий и В. Нефф.

Борьба за социализм в Чехии с ее зарождения до революционных событий начала 20-х годов посвящен цикл романов А. Запотоцкого — выдающегося общественного и политического деятеля, сына одного из организаторов чешской социал-демократической рабочей партии Л. Запотоцкого. А. Запотоцкий сам был одним из лидеров революционного движения в Чехословакии — одним из основателей КПЧ, вождем красных профсоюзов, в конце жизни — президентом социалистической Чехословакии. Романы А. Запотоцкого, возникшие на основе его устных рассказов студентам в гитлеровском концентрационном лагере, где он провел все годы оккупации, ценные не только автобиографическим материалом. Соединяющие в себе мемуары, подлинные документы и художественный вымысел, они были новаторскими и в смысле жанра.

Новый подъем исторической романистики практически во всех славянских литературах происходит в 70-е годы. Писатель стремится показать нашу современность как ступень на пути в будущее, рассматривать человека как продукт истории и в то же время как творца ее. Писателей волнует вопрос: в чем смысл истории, чему она учит, как она делается? Размышление на этот счет мы находим, например, в поэме крупнейшего словацкого поэта XX в. Л. Новомесского "Вилла Тереза", где он говорит:

Люди делают не историю,
А то, что необходимо —

но именно из этого складывается история, та самая, которая потом "войдет в учебники".

Рост исторического самосознания сказывается на произведениях с современной тематикой, где часто присутствуют экскурсы в прошлое, и на новом, "историзирующем" рассмотрении недавнего прошлого — периода второй мировой войны и начала социалистического строительства. Но, может быть, наиболее наглядно это сказывается в популярности и новом облике традиционного жанра исторического романа.

Среди примечательных черт современного исторического романа критика отмечает "личностный" характер историзма, упор на изображение крупным планом человеческой личности, через внутренний мир которой и постигается история. Особенно важно усиление философской концептуальности современной прозы вообще и исторического романа в частности.

С точки зрения тематики следует отметить обращение авторов к таким историческим этапам, которые ранее меньше привлекали внимание писателей, а также к сложным страницам отечественной истории. В русской советской литературе это, например, тема народовольцев и декабристского движения. Много романов посвящается эпохам войн. Таковы, например, чешские романы 70-х годов из эпохи Тридцатилетней войны (Каплицкий, Врбова, Нефф), войны с трагическими последствиями для чешского народа, утратившего после битвы у Белой Горы национальную независимость, и для его культуры. Появляются исторические романы о первой мировой войне. Например, четырехтомный роман сербского писателя Д. Чосича "Время смерти", романы чешского писателя М.В. Кратохвила "Европа кружилась в вальсе" и "Европа в окопах". Все эти романы пронизывают открытый антивоенный пафос, протест против бесмысленной братоубийственной бойни, утверждение гуманизма.

Исторический роман в современных славянских литературах дает интересные образцы и с точки зрения новых жанровых образований. Можно говорить о новой трактовке традиций отечественной исторической романтики, например традиций Ванчуры в творчестве Б. Ржиги. В историческом романе проявляется характерное для современной прозы вообще тяготение к документализму. Так, в романах Кратохвила и Чосича о первой мировой войне широко используются подлинные исторические документы: отрывки из газет, переписка тогдашних европейских монархов и т.д.

Получил дальнейшее развитие жанр историко-биографический. Я бы отметила здесь, например, такой своеобразный вариант этого жанра, как стилизованный "под воспоминания" трехтомный роман чешского писателя В. Эрбена "Воспоминания чешского короля Иржи-ка из Подебрад". "Под жития", под исповедь средневекового монарха стилизован роман болгарского писателя Е. Станева "Антихрист".

В романах этого типа отчетливо выражен именно личностный аспект современного историзма, хотя, конечно, не только в них.

Исторический роман, как бы далеко в прошлое не было отодвинуто его действие, всегда связан с современностью, по-своему реагирует на нее, отвечает на ее вопросы. Но в некоторых романах последнего времени наблюдается тенденция к специальному акцентированию этой связи. Может быть, наиболее наглядный пример — "роман-эссе" В. Чивилихина "Память". Здесь документ, история, но главное — это восприятие истории автором. Чивилихин пишет: "Через ушедших людей, их дела и дни мы убеждаемся, что прошлое не ушло. Мы живем в нем, сами того не замечая, оно в нас — в нашем мировоззрении, нравственных нормах, чувствах, поступках, образе жизни, языке... История властно захватила меня, и я постепенно начал понимать, что это великая и единственная неизменяемая реальность выше всех наук, потому что связывает настоящее с прошедшим и будущим, ненавязчиво, мудро и всесторонне учителяствует, царит над нами". Он рассуждает о судьбах декабристов, о нашествии Батыя на русские земли, приводит документы, свои выводы, рассказывает, как он искал и находил те или иные сведения. Пусть многие из его прочтений исторических фактов спорны, иные не доказаны, но само его активное, "личностное" отношение к истории оказывается созвучным сегодняшнему образу мыслей широких читательских кругов.

Нечто сходное можно увидеть и в романе Ю. Давыдова "Две связки писем". Автор пишет, что это не роман, а скорее материалы к роману. Он пишет о народовольцах, о Нечаеве, его волнует проблема, так сказать, "идейного терроризма", пишет о провокаторе Азефе — этой "двухкрытой свинье", противопоставляет им образ пусты и ошибающегося, но кристально чистого и самоотверженного рыцаря революции Г. Лопатина. У Давыдова (хотя это больше роман, чем роман-эссе Чивилихина) документ соединен с художественным "домысливанием", рассказ о деятелях прошлого — с рассказом об их потомках. Это отношение к истории не как к чему-то отошедшему в прошлое, а как к живому и сегодня.

Еще одной жанровой разновидностью исторического романа является условно-исторический приключенческий роман, представленный циклом произведений В. Неффа об удивительных приключениях в начале XVII в. и в годы Тридцатилетней войны сына пражского алхимика Петра Кукана. Роман остроумный, со сказочными допущениями, рассказанный с использованием сугубо современной лексики. Роман явно развлекательный, но и он имеет свою философию истории, утверждает, что историю нельзя переделать, нет смысла приукрашивать, но надо постараться понять, чтобы извлечь уроки для сегодняшнего дня.

---

* Чивилихин В. Память. М., 1982, с. 126.

Лучшие современные исторические романы на материале истории, на столкновении истории и современности утверждают идеалы гуманизма, активно отвергают насилие и войну, отражают рост историзма современного мышления и сами ему способствуют, являясь важной составной частью современной литературы.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Лев Смирнов,
доктор филологических наук

Изучение современных славянских культур не может обойтись без рассмотрения многогранной проблематики функционирования и развития славянских литературных языков в условиях социалистического общества. Расцвет национальных культур и всестороннее динамическое развитие славянских народов в современную эпоху (в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции, а в Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии в послевоенный период в процессе социалистических преобразований) вызвали значительные сдвиги и в сфере языка, прежде всего в его функционировании. Как показало изучение закономерностей развития национальных языков народов СССР, в условиях социалистического общества существенно изменяется статус литературного языка в системе национального языка, значительно возрастают его общественная роль и социально-культурный престиж. Литературный язык действительно становится высшей формой национального языка, все более приобретает подлинно общенародный, общенациональный характер. Об этом свидетельствует, в частности, история русского, украинского и белорусского литературных языков в советский период.

С эпохой строительства социализма связан также новейший этап истории литературных языков зарубежных славянских народов. Это отмечается в ряде лингвистических работ. Так, в книге Й. Ружички "Развитие словацкого языка в социалистической Чехословакии" современный этап истории литературного словацкого языка соотносится с периодом строительства социализма в Чехословакии, наступившим после победы социалистической революции 1948 года¹. В настоящее время, как подчеркивает автор, словацкий литературный язык переживает небывалый расцвет и "может успешно применяться для удовлетворения всех коммуникативных потребностей динамично развивающегося социалистического общества"². Польский лингвист М. Шимчак отмечает, что образование Народной Польши было переломным моментом в истории польского языка³. Он также указывает, что современный польский язык является "всесторонне и динамично развивающимся языком"⁴. В условиях

социализма успешно функционируют и развиваются и другие национальные литературные языки⁵.

Общность или сходство ряда основных социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов, происходящих в этих странах, влечет за собой и некоторые сходные или параллельные явления в функционировании национальных литературных языков. Если говорить о славянских языках, то вероятность возникновения подобных сходных или параллельных черт обусловливается также их структурной близостью. Ряд общих черт и явлений в развитии лексики литературных славянских языков в послевоенный период (главным образом в процессах неологизации) охарактеризован в книге В. Коломиец⁶. Интересный опыт освещения некоторых сходных тенденций в развитии славянских языков периода социализма представлен в статье В. Кршистека⁷.

Одной из основных общих черт развития национальных литературных языков в условиях социализма является их демократизация. Эта черта достаточно отчетливо проявилась в истории русского, украинского и белорусского литературных языков советского периода, на что уже неоднократно указывалось в лингвистической литературе⁸. В настоящее время аналогичное явление наблюдается также в западнославянских и южнославянских литературных языках. Например, по утверждению И. Ружички, главной чертой развития словацкого литературного языка в современный период является его сильная демократизация.

Известно, что тенденция к демократизации литературных славянских языков проявилась и на более ранних этапах их истории. Например, в эпоху перехода от феодализма к капитализму, когда формируются славянские нации и идет процесс становления национальных литературных языков, эта тенденция обнаруживалась в стремлениях будителей преодолеть пропасть между традиционным книжно-письменным языком и живой народно-разговорной речью. Все же в тот период демократизация литературного языка имела довольно ограниченный характер. Она в большей мере декларировалась и теоретически обосновывалась, чем получала воплощение на практике, в функционировании и развитии самого литературного языка.

Демократизация литературных славянских языков в эпоху социалистических преобразований представляет собой глубокое и многостороннее явление, неразрывно связанное с переменами в социальной и культурной жизни общества. Она не сводится к сближению литературного языка с народно-разговорной речью и имеет не только лингвистический, но и более широкий общественно-культурный характер. В связи с этим при рассмотрении явления демократизации литературных славянских языков в эпоху строительства социализма целесообразно, на наш взгляд, учитывать следующие аспекты: социолингвистический, личностный, функциональный и интралингвистический.

Социолингвистический аспект заключается в значительном рас-

ширении социальной базы литературного языка, в количественном росте числа его активных носителей, в существенном изменении их социального состава (в социалистических странах происходит быстрый рост интеллигенции, пополнение ее рядов выходцами из рабочих и крестьянских семей). Социолингвистический аспект демократизации литературного языка определяется многими факторами. Можно отметить, в частности, важную роль социалистической системы образования и просвещения, общего подъема культурного уровня всех слоев населения. Существенное значение имеет также процесс урбанизации, который способствует преодолению различий между городом и деревней, ведет к изменению социально-пространственной организации общества. Конечно, степень активного владения нормами литературного языка среди разных слоев и групп населения в отдельных социалистических странах может быть неодинаковой (для выяснения этого вопроса в настоящее время весьма актуальны специальные социолингвистические и статистические исследования), однако общая определяющая тенденция — постоянный рост числа активных носителей литературного языка — действует повсеместно.

Личностный аспект мы усматриваем в активизации сознательного и заинтересованного отношения человека к высшей форме своего национального языка — литературному языку. Умение в совершенстве владеть литературным языком, пользоваться богатством его выразительных средств, высокая речевая культура все больше осознаются и воспринимаются как важные признаки культурного облика человека социалистического общества. Культура языка становится непременным элементом общей личной культуры человека, характеризует его социальную позицию и жизненный стиль, играет важную роль в его духовном мире⁹.

Функциональный аспект — это расширение сферы использования литературного языка, его применение во всех областях общественно-речевой практики, иначе говоря, его реальная поливалентность. Для одних славянских литературных языков с этим связано преодоление известной функционально-стилистической ограниченности (например, в словацком литературном языке, где раньше наиболее развитым был художественный стиль, в современный период активно развивались и оттавливались прежде всего научный и публицистический стили¹⁰), для других — дальнейшее углубление стилистической дифференциации (например, в чешском и польском литературных языках).

Интралингвистический аспект включает рассмотрение изменений, происходящих во внутренней структуре литературного языка в результате его сложного взаимодействия с различными формациями и типами нелитературной речи, с элементами социальных и территориальных диалектов и идиомами интердиалектного характера. Демократизация литературного языка в принципе может затрагивать все его уровни (лексику, словообразование, морфологию, синтаксис, фонетику и т.п.). Конкретные пути и способы демократизации в интралингвистическом аспекте характеризуются в разных ли-

тературных славянских языках чертами сходства и различия. Так, между отдельными языками могут быть различия в степени проявления демократизации на тех или иных уровнях языковой структуры, может быть неодинаковой интенсивность процессов модификации литературно-языковых норм и т.д.

Что же касается сходных явлений, то фактически во всех литературных славянских языках на современном этапе развития отмечается возрастание роли так называемых разговорных элементов (как литературно-нормированных, так и нелитературных). Это достаточно ярко проявляется, в частности, в лексико-семантической сфере. В связи с этим можно назвать такое характерное явление, как универсализация (возникновение однословного наименования на базе многословного), которое активно развивается в новейший период в русском, украинском, польском, словацком, чешском и других литературных славянских языках. Например, польск.: reklamówka – druk (film) reklamowy, sypialniak – wagon sypialny; minerálka – minerálna voda, operačka – operačná sieň, tlačovka – tlačová beseda (konferencia); чеш.: přesilovka – přesílova hra, osobák – osobní vlak и т.п. Подобные однословные наименования из сленгов и обиходно-разговорной речи проникают в литературный язык, получая распространение главным образом в его устной форме.

Как одну из сторон процесса демократизации литературного языка следует рассматривать пополнение его словарного состава за счет лексики других формаций данного национального языка, то есть преодоление известной лексической "закрытости" литературного языка. В этом плане значительный интерес представляют случаи детерминологизации, когда элементы терминологической лексики выходят за рамки профессиональной речи и научного стиля и проникают в сферу общелитературного словарного состава. Активизацию подобного процесса в современном польском языке отмечает Д. Буттлер. По ее наблюдениям, ряд слов сохраняет свой терминологический характер (например, biostymulator, elektro-kardiogram, izotop, predkosc kosmiczna и т.п.). Иногда процесс идет дальше: у слова, проникшего в общелитературный язык, развивается новое лексическое значение, которое может не совпадать с первоначальным терминологическим значением (ср.: tranzystor в значении "транзисторный приемник"). В подобных случаях, естественно, меняется и нормативно-стилистическая характеристика слова.

Суть процесса демократизации литературного языка состоит в том, что традиционная и кодифицированная система литературно-языковых норм испытывает "давление" массовой речевой практики. А поскольку к активному пользованию литературным языком приобщены широкие слои народа, языковое сознание создает основу многих модификаций и новообразований в лексико-семантической, фонетической и других сферах литературного языка. Иначе говоря, происходит расширение нормативной базы, и вследствие этого меняется аксиологический аспект литературной нормы. При этом

следует иметь в виду, что речь идет не о снижении норм литературного языка, не об утрате им своей специфики по сравнению с другими формациями данного национального языка. Конечно, происходит известное "раскрепощение" литературных норм. Так, из системы литературно-языковых норм могут быть выведены некоторые эксклюзивные признаки, черты былой "литературной исключительности", которые уже не соответствуют новым общественно-культурным условиям функционирования конкретного литературного языка. Все это, однако, не ведет к понижению степени обработанности и нормированности литературного языка. Дело в том, что "интенсивный процесс образования (расширение и углубление всеобщего обучения, повышение квалификации и т.п.), демократизация культуры и развитие массового обмена знаниями и информацией, средством чего является литературный язык, одновременно способствуют упрочению литературной нормы в сознании носителей языка"¹¹.

В социалистическом обществе национальный литературный язык становится достоянием широких народных масс, близким и необходимым каждому культурному человеку. В конечном счете в этом и состоит действительная демократизация литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ružička J.* Rozvoj slovenčiny v Socialistickom Československu. Bratislava, 1975, s. 4, 6.
- ² *Ibid.*, s. 103.
- ³ *Szymczak M.* Język polski w sześćdziesięciolecia naszej niepodległości (1918–1978). Poradnik językowy, 1973, 3, s. 102.
- ⁴ *Ibid.*, s. 103.
- ⁵ Отметим только некоторые работы, посвященные славянским литературным языкам: *Kříštek V.* Socialistické období ve vývoji českého jazyka. — Naše řeč, 1957; *Daneš F.* Vývoj češtiny v období socialismu. — In: Problémy marxistické jazykovědy. Praha, 1962; *Андрейчин Л.* Из истории на нашего езиково строительство. — София, 1977.
- ⁶ *Коломієць В.Т.* Розвиток лексики слов'янських мов у післявоєнний період. Київ, 1973.
- ⁷ *Kříštek V.* Paralely jazykového vývoje za socialismu. — In: Československé přednášky pro VIII. Mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu. Lingvistika. Praha, 1978.
- ⁸ Назовем лишь одну новую работу: *Карпенко М.А.* Демократизация русского литературного языка в послеоктябрьский период и перераспределение лексико-стилистических средств. — В кн.: Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Киев, 1977.
- ⁹ *Білодід І.К.* Культура мови в духовному світі сучасної людини. — Філософська думка, 1977, № 5, с. 47–59; *Schmidt W.* Zum Verhältnis von Sprachkultur und Allgemeinbildung in der sozialistischen Gesellschaft. — Sprachflege, Leipzig, 1977, Hf. 7.
- ¹⁰ *Ružička J.* Op. cit., s. 14.
- ¹¹ *Jedlička A.* Vztah současné spisovné češtiny a slovenčiny. — Slavica Pragensia XVIII, 1975, s. 164.

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Станислав Марцелев,
член-корреспондент АН БССР

Подход автора к раскрытию поставленной темы основывается на понятии культуры не просто как совокупности созданных обществом материальных и духовных ценностей, хранилища идей и нравственных норм, а как социального явления, представляющего собой неотъемлемую часть развития общества. Культура каждого народа является ответом на запросы и интересы человека, развивается не обособленно от него, а через него, служит ему в познании действительности и преобразующем воздействии на мир. Что же касается истории культуры, то для нас она не конгломерат разрозненных, так называемых отраслевых исследований, не совокупность мало связанных друг с другом культуроведческих наук, таких, как история литературы, история искусства, история театра и т.д., а комплексная наука, предметом которой является культура как единое целое, как целостная система.

Разработкой проблем истории белорусской культуры занимались многие исследователи, однако выполненные работы касались лишь некоторых ее аспектов или рассматривали развитие культуры в узких временных рамках. В данной публикации затрагивается ряд принципиальных положений развития культуры белорусского народа.

Коренной перелом во всех сферах культурной жизни Белоруссии произошел в результате Великой Октябрьской социалистической революции. В порядок дня включались принципиально новые проблемы, ставились для решения иные идеино-исторические задачи. КПСС и органы Советской власти в основу своей деятельности положили стремление поднять творческую активность масс, обеспечить человеку всестороннее его развитие, полное и гармоничное раскрытие им своих талантов и способностей. Причем осуществление культурных преобразований Советская власть не откладывала до более благоприятных времен, а проводила их в жизнь одновременно с решением множества других крупных общенародных, государственных проблем.

Определяющим фактором плодотворного развития культуры Советской Белоруссии является политика социалистического государства, направленная на всемерное умножение духовных богатств

народа, всестороннее развитие всех наций и народностей страны. Эта линия нашла четкое отражение в решениях съездов Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Белоруссии, в Конституции СССР и Конституции БССР, во многих других партийных решениях и документах Советского государства. Статья 27 Конституции БССР гласит: "Государство заботится об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня"¹. Экономическую же основу развития культуры Белоруссии составляет последовательный рост экономики, неуклонное повышение благосостояния народа. Даже в сравнении с 1940 г. выпуск в республике промышленной продукции в 1985 г. увеличился в 38 раз, производство продукции сельского хозяйства — почти в два раза, реальные доходы на душу населения возросли в 1985 г. на 173% в сравнении с 1970 г.².

В культурной политике Советского государства особое место отводилось борьбе с неграмотностью и малограмотностью населения, так как грамотность народа — основа его культуры. Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции начали повсеместно создаваться кружки ликвидации неграмотности, многочисленные курсы подготовки учителей, грамотное население в организованном порядке привлекалось к обучению неграмотных. Вскоре республика перешла к обязательному начальному, а затем к семилетнему и среднему образованию молодежи. В 6223 общеобразовательных школах республики сейчас занимаются 1468,8 тыс. человек, которых обучают 96 тыс. учителей. Общее же число охваченных различными формами обучения достигло в 1985 г. 3013 тыс. человек³.

В процессе культурных преобразований складывалась новая по своему составу, целям и задачам интеллигенция. Основу ее составили кадры, выращенные и воспитанные Советским государством. В ряды белорусской советской интеллигенции вошли также преодоленные трудовому народу представители старой интеллигенции. Интенсивно росли ряды художественной интеллигенции. Во главе писательского отряда стояли классики белорусской литературы Я. Купала и Я. Колас.

Стремительно развивалась музыкальная жизнь. Уже в первое послереволюционное время во многих местах стали создаваться народные консерватории, появились сотни кружков художественной самодеятельности, широко распахнулись для народа двери концертных залов. Убедительно заявляли о себе многие молодые таланты.

В дореволюционной Белоруссии работала лишь небольшая группа мастеров кисти и резца. Многие выходцы из Белоруссии, получившие образование в Императорской академии художеств и Московской школе живописи, ваяния и зодчества, стали крупнейшими мастерами. Но жили и творили они за пределами Белоруссии. Сейчас Союз художников республики объединяет более 500 живописцев,

скульпторов, графиков, прикладников. Имена многих из них известны далеко за пределами Белоруссии. Получило развитие театральное искусство. В 1920 г. создается первый белорусский государственный профессиональный театр, а ныне их в республике 18.

Огромен вклад зодчих в духовную сокровищницу народа. Крупнейшие социальные и экономические преобразования, произошедшие за годы Советской власти, выдвинули новые крупные требования к градостроительству. Архитекторы Белоруссии решают проблему не простой перестройки городов, а такого их развития, которое соответствовало бы новым общественным отношениям и неуклонно возрастающим эстетическим запросам.

Процесс формирования кадров культуры не был простым и легким. Преодолевались огромные трудности, в том числе при отборе молодых талантов, в организации четкой и профессионально высококачественной работы высших и средних специальных учебных заведений. По своему сложна проблема кадров и в наши дни, ибо высокий культурный уровень народа требует, чтобы в сфере культуры работали не просто способные, а подлинно талантливые люди, творчество и организаторские дарования которых отвечали бы современным высоким запросам. Всемерно ширится подготовка специалистов для всех участков хозяйства и культуры. В 33 вузах республики ныне занимается 181 тыс. студентов, в 139 техникумах — 160 тыс. учащихся. Кадры через аспирантуру готовят 46 научных учреждений и 21 высшее учебное заведение Белоруссии. В народном хозяйстве Белоруссии в 1982 г. было занято 1276 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Из опыта белорусской советской литературы и искусства можно делать вывод о том, что художественное произведение достигает правдивости лишь тогда, когда художник умело сочетает в себе высокий талант с глубоким знанием множества жизненных пластов. Деятели культуры Белоруссии имеют немало успехов в этом деле. Импульсы жизни активно движут художественное творчество народа. Какую бы сферу культурной жизни мы ни взяли — литературу или кино, изобразительное искусство или музыку, театр или телевидение — везде есть множество примеров разнообразного и эмоционально насыщенного отражения жизненных ситуаций, конфликтов, характеров, образов, действующих одновременно на ум и сердце читателя, зрителя, слушателя. Белорусская культура, литература, искусство проникнуты духом оптимизма и жизнерадостности, верой в безграничные творческие, созидательные силы народа.

Развитие культуры невозможно без строгого следования принципу преемственности, бережного сохранения и критического использования культурного наследия. Процесс освоения как современного опыта, так и гуманистического духовного наследия свершается в каждой национальной культуре постоянно и по всем направлениям. Культура Белоруссии, воплотившая в себе многооб-

разие и богатство духовного мира человека, впитала в критически переработанном виде многие прогрессивные идеи и достижения мировой культуры.

Одной из примечательных особенностей нынешнего этапа развития белорусской советской культуры является активное использование в художественном творчестве национального фольклора. Последние десятилетия отмечены особенно мощной фольклорной волной, всеобщим интересом к древним слоям народного творчества. А богатства этого источника поистине неисчерпаемы! В старинных книгах, в архивных материалах не счесть имен народных умельцев — архитекторов и пушкарей, каменщиков и ювелиров, резчиков по дереву и крепостных актеров, ваятелей и балерин, живописцев и музыкантов. Огромным разнообразием темпов и рисунков пронизан белорусский народный танец, начиная с величественно-спокойных весенних хороводов и кончая стремительной "Метелицей".

Опыт многих поколений в области вышивки, ткачества и ваяния воплощен в красочном народном костюме. Мало кого могут оставить равнодушным высокий художественный вкус, мастерство и неисчерпаемая творческая фантазия народных самородков-художников в изготовлении различного рода наличников, коньков, керамических изделий, деревянной скульптуры и архитектуры. Мудры и глубоко содержательны белорусские пословицы и поговорки. А сколько оригинальных сюжетов, мелодий, контрастов и настроений в белорусской народной песне! И все это служит духовному обогащению народа. Можно говорить и о тенденции органического слияния традиционно-архаического с рядом современных стилевых черт, присущих искусству XX в. Происходят изменения и в отношениях к той классике, которая является сокровищницей национальной культуры. Идет переосмысление значения ряда произведений, выявляются в творчестве мастеров искусства новые ценные качества и творческие находки.

Сразу после Великой Октябрьской социалистической революции органы Советской власти буквально забрасывались письмами и резолюциями собраний трудящихся с просьбами об открытии новых учреждений культуры. Эти документы отражали безудержный порыв к знаниям, науке, культуре. Новая власть делала все для того, чтобы привлечь широчайшие массы к культурным ценностям. Учреждения культуры в своем развитии прошли большой и сложный путь. Ныне в Белоруссии действуют тысячи клубов, домов и дворцов культуры, библиотек, кинотеатров, большое количество концертных организаций, музеев, парков культуры и отдыха. Работают 2554 народных университета, выходят 212 газет разовым тиражом 4,8 млн. экземпляров, а также десятки журналов. Практически вся территория республики охвачена телевизионным вещанием, полностью радиофицирована. Учреждения культуры, органы информации несут в народ знания, существенно обогащающие отдых тех, кто, отстояв у станка, отработав в поле или на ферме, идет в клуб, театр, кино, чтобы не только увидеть новый

фильм, спектакль, прочесть книгу, вдохновиться ярким образом, поступком, задуматься о дне минувшем и о дне будущем, но и самому принять участие в художественном творчестве. В более чем 33,1 тыс. кружках самодеятельного творчества в Белоруссии занимается свыше миллиона человек⁴.

В СССР живет и трудится более 100 наций и народностей. Вместе с тем вполне очевиден определившийся рост многонациональности союзных и автономных республик. Эти изменения накладывают определенный отпечаток и на содержание культуры. Более широкие масштабы и углубленный характер принимает обмен культурными ценностями, вне которого невозможен плодотворный рост творческих сил народа. В процессе обогащения достижениями других культур и внутринационального развития идет обогащение национального в культуре и дальнейшее развитие в нем элементов интернационального. Революционно-демократические традиции дооктябрьского, а затем социалистические традиции советского искусства были и остаются тем примером, на который равнялись и равняются мастера белорусского театрального, изобразительного, музыкального искусства, кино и архитектуры, всех участков культуры. Особые отношения сложились с великим русским народом, с которым белорусы теснейшим образом связаны общностью исторического прошлого, близостью территории, родством языка и культуры. Без преувеличения можно сказать, что все виды белорусского советского искусства своим развитием и достижениями в огромной мере обязаны русской культуре, литературе и искусству.

Белорусская советская культура — плод творчества и таланта людей труда, их всеобщее благо. Нынешний этап ее развития характеризуется дальнейшим выравниванием уровней культуры различных социальных групп, их быстрым сближением при одновременном усложнении структуры культуры, углублении ее демократизации. По богатству и многогранности тенденций искусства, по множеству форм деятельности учреждений культуры и творческих достижений современный этап является крупным шагом вперед в развитии белорусской советской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Канстытуцыя (Асноуны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мінск, 1978, с. 12.

² Народное хозяйство Белорусской ССР в 1982 г. Минск, 1986, с. 8, 9.

³ Там же, с. 190, 191, 195.

⁴ Там же, с. 208.

СЛАВЯНЕ И ЗАПАД

Игорь Бзла,
доктор искусствоведения

По мере того как развивались наука и художественная культура славянских народов и увеличивался их вклад в духовную сокровищницу человечества, естественно, росли и укреплялись связи между Западом и славянскими странами, о которых говорил Мицкевич в первой лекции курса славянских литератур, прочитанной в парижском Коллеж де Франс в декабре 1840 г. Эти памятные лекции были первым своеобразным опытом изучения многоаспектного сопряжения славянского мира и Запада.

Прошло четверть века после того, как Мицкевич закончил чтение своего курса, и великий русский ученый Дмитрий Менделеев открыл закон периодического строения вещества, создав таблицу элементов, с которой началась новая эпоха развития химии. Примерно такой же промежуток времени отделяет это открытие от обнаружения польской Марией Склодовской совместно с французом Пьером Кюри, ставшим ее мужем, явлений радиоактивности, связанных с распадом вещества.

Говоря о строении вещества и тайнах мироздания, также следует обратить внимание на переплетение имен славянских и западных ученых. Ломоносов и Лавуазье независимо друг от друга открыли закон сохранения вещества. Немногие десятилетия отделяют 1846 г., когда француз Леверье установил, что за Ураном находится еще одна планета — Нептун, от времени создания теории комет русским астрономом Федором Бредихиным, чьи работы по гравиметрии также получили признание во всем мире. Эти и многие другие выдающиеся ученые славянского и западного мира, взаимно обогащающие друг друга своими открытиями, прочно вошли в историю единой мировой науки.

Это относится и к истории философии. Современниками создателя рационалистической философии Рене Декарта были "польские братья", сотни трудов которых (в частности, Шимона Будного и Вольцогена) были изданы в 1656 г. в Амстердаме под общим названием "Bibliotheca Fratrum Polonorum" и оказали серьезное влияние на Спинозу (в особенности на его "Этику") и Джона Локка, труды которого в свою очередь способствовали развитию материалистических концепций французских мыслителей.

Нельзя не назвать здесь имя "учителя народов", автора "Великой

дидактики", получившей мировое распространение как в славянских странах, так и на Западе, современника "польских братьев", чешского педагога Яна Амоса Коменского, считавшего, что принципы гуманизма должны усваиваться уже в юном возрасте, и разработавшего стройную систему школьного воспитания. Отзвуки концепций Коменского нетрудно найти в трудах швейцарца Песталоцци.

По мере изучения истории культуры славянских народов становятся более отчетливыми очертания фигур, постепенно выходящих из тени столетий. Очень много нового принесло изучение деятельности белорусского просветителя, первопечатника Франциска Скорины, который получил на Западе разностороннее образование, и украинского "бродячего философа" (как он сам называл себя) Григория Сковороды. Их имена также вошли в историю развития европейского гуманизма.

Пристальное внимание славянских мыслителей (это относится не только к философам, но и к историкам, писателям и мастерам изобразительного искусства) неизменно привлекали морально-этические проблемы. Именно в этом аспекте наиболее интенсивно сказывалось на Западе восприятие созданных славянами интеллектуальных и художественных ценностей. Ярчайшим примером такого восприятия может служить, конечно, отношение Делакруа к Шопену, их творческая и человеческая дружба.

Как известно, прославленный живописец Франции встречался со многими писателями, художниками, музыкантами, с некоторыми из них был очень дружен, но величайшим из всех он считал Шопена. Слушая его музыку, Делакруа называл его божественным. В последние годы жизни Шопена он особенно часто навещал "умирающего великого человека", а вскоре после его смерти, прослушав несколько шопеновских произведений, записал в дневнике: "Ничего банального — совершенная композиция. Трудно найти что-нибудь столь же заваршенное... Как и у Моцарта, у него есть мотивы, возникающие точно бы сами собой, словно их наперед уже слышишь".

Едва ли Делакруа знал, что еще в детстве Шопена называли "польским Моцартом", но он не только повторил это сравнение, но и сопоставил Шопена с Данте — с тем "центральным человеком мира", о котором юный Делакруа написал еще в мае 1824 г. столько прекрасных слов в дневнике, намечая свой творческий путь: "Глубоко сосредоточься в своей живописи и думай о Данте..."

В облике "высочайшего поэта" (*altissimo poeta*) Делакруа изобразил Шопена и на "плафоне Гомера" в Сенатской библиотеке, и на рисунке, сделанном, видимо, вскоре после его смерти (с надписью "Cher Chopin").

Творчество самого Данте было могучим импульсом, во многих отношениях способствовавшим обращению мастеров художественной культуры славянских стран к итальянской литературе и ее дантовским традициям.

В 1973 г. в Москве был опубликован составленный Валентиной Данченко справочник "Данте Алигьери. Библиографический указ-

тель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1762–1972”, содержащий свыше 2500 названий книг, в которых можно найти сведения и об откликах на творчество Данте – от Пушкина до наших дней. Нелишне напомнить, что дантовская медаль юбилейного 1965 г. (700-летие со дня рождения автора “Божественной комедии”) была присуждена польскому ученому, профессору Познанского университета Каликоту Моравскому. Смерть прервала работу над обширным комментарием к “Божественной комедии” словацкого ученого Йозефа Феликса, громадная зрудиция которого позволила ему учесть многоязычную литературу о “высочайшем поэте”.

Последние годы принесли издания новых переводов Данте. В Загребе вышел роскошно изданный двухтомник, который подготовили хорватские ученые Frano Čale и Mate Zorić, в Киеве – первый полный украинский перевод “Божественной комедии” Евгения Дробязко, в Белграде – сербский перевод “Ада” (В. Кошутич). На всех славянских языках непрерывно растет литература о Данте, и автору этих строк приятно отметить, что его родная страна, СССР, стала наряду с Италией вторым в мире центром дантологических исследований, в которых, как отметила профессор Флорентийского университета Мария Бьянка Лупарини, изучаются “проблемы философские, этические, политические и текстологические”.

Такой комплексный подход к изучению литературы отличает и многие другие работы романистов – от прославленного русского ученого академика Александра Веселовского до современных литературоведов.

В свое время Пушкин, говоря о вершинах достижениях мировой литературы, вслед за именами Данте, Шекспира, Мильтона назвал имя Гете. С тех пор “фаустовская тема”, тема напряженных исканий высших интеллектуальных ценностей, своеобразно преломляясь в славянских литературах вплоть до “Мастера и Маргариты” Булгакова и других произведений современных авторов.

И если внимание славянских германистов, создавших работы о Шиллере, Гофмане, Гете, привлекли затем “Доктор Фаустус” Томаса Манна, проза его брата Генриха, Стефана Цвейга и современных немецких писателей, если пьесы Генрика Ибсена обошли сцены всех славянских стран, а музыка Эдварда Грига (прозванного “северным Шопеном”) и Яна Сибелиуса завоевала почетное место в концертном репертуаре наших стран, то в свою очередь у германских, романских и скандинавских народов непрерывно развиваются внимание, уважение и любовь к литературе и искусству славянских народов.

“Возгласами гнева” и неумолчными призывами к борьбе звучали на Западе гуманистические мотивы русской литературы, которые во Франции впервые так глубоко понял и оценил Гюстав Флобер.

Сочетание имен Ивана Тургенева и Гюстава Флобера во многих отношениях может считаться символом творческого единения и взаимообогащения великих литератур Запада и славян. Стендаль заметил как-то: чтобы хорошо переводить произведения какого-нибудь писателя, нужно прежде всего полюбить его. Блестящим примером

этого должен быть признан сделанный Тургеневым перевод флоберовской "Легенды о святом Юлиане Милостивом" ("Saint Julien l'Hospitalier"). Теодор де Визева тонко заметил, что в этом шедевре Флобера Тургенев полюбил то, что в высшей степени было присуще ему самому.

В необозримой сегодня многоязычной литературе о великих русских писателях — достойных преемниках великого национального поэта Александра Пушкина, и прежде всего в Николае Гоголе, Иване Тургеневе, Федоре Достоевском, Льве Толстом и Антоне Чехове, неизменно подчеркиваются главные, характернейшие черты их творчества: благородный гуманизм и углубленный психологизм. Именно эти черты завоевали русской и другим славянским литературам общечеловеческое признание.

Многие сотни простых людей населяют "Человеческую комедию", произведения Гоголя и Тургенева, Достоевского и Чехова. И несмотря на отчетливое национальное своеобразие этих произведений, переживания, чувства и нередко трагедии персонажей сделали их судьбы достоянием всего человечества.

Гневный протест против социальной несправедливости, а зачастую и ее сатирическое обличение, достигшее ужасающей силы в "Мертвых душах" и "Ревизоре" Гоголя, сближают славянских и западноевропейских авторов.

"Посылаю Вам очередную порцию контрабанды", — писал австрийский посол граф Фикельмон Пушкину, передавая ему новый роман Бальзака, сочинения которого Николай I запрещал распространять в России. А в 1850 г. чешский просветитель Вацлав Бендль на страницах "Журнала Чешского музея" с гордостью заявил, что "имя Пушкина стало символом всех непокорных".

Самым значительным этапом в истории мирового театра после Шекспира назвали в беседе со мной английские театрovedы драматургию Чехова, который, по их мнению, разделяемому, впрочем, исследователями и других стран, создал принцип "pop-starism", противостоящий принципу развития центрального образа, заслоняющего все остальные: "Удачный выбор актера (star), исполняющего роль Гамлета, является полной гарантией успеха всего спектакля... Ни в "Вишневом саде", ни в "Трех сестрах", ни даже в "Чайке" нет центрального персонажа в общепринятом понимании этого термина, а развивается система взаимосвязанных образов".

Нет надобности говорить о том признании, которое произведения классиков русской и польской литературы завоевали на Западе, а также о распространении творчества итальянских, французских, английских, немецких, испанских и скандинавских мастеров в славянских странах. Не только художественная сила образов, но и язык славянских народов привлекал внимание западноевропейских мастеров слова — недаром Мериме, прославляя Пушкина, сказал, что ни один из европейских языков, кроме латинского, не в состоянии передать красоты и лаконичной выразительности его "Анчара", отрывок

из которого французский писатель сам перевел для примера на язык Вергилия...

Но главное, чем привлекала и потрясала Запад славянская литература, систематическому изучению которой положили начало парижские лекции Мицкевича, был высочайший гуманизм — об этом, впрочем, уже написаны тысячи книг и статей. Добавим лишь один штрих, не привлекавший, кажется, внимания исследователей.

Среди сотен листов Обри Бердслея, отмеченных своеобразием (заметим попутно, что с его иллюстрациями в Москве недавно вышла книга Томаса Мэлори "Смерть Артура"), выделяется один незабываемый рисунок. На нем изображен чистый профиль девушки, печально глядящей из черноты окна, на котором стоит горшочек с чахлым цветком. Это — обложка к "Бедным людям" Достоевского. Вот откуда пришло к английскому мастеру такое ощущение чистоты и человечности, позже испытанное им во время работы над композицией к сто первой оде Катулла ("Ave atque vale").

Именно благодаря этому высочайшему гуманизму признание завоевали и многие другие области художественной культуры славянских народов, своеобразие которой было неизменно обусловлено последовательным развитием национальных гуманистических традиций. В частности, в области музыкального искусства культурные связи Запада с культурой славянских народов с давних пор были наиболее прочными и разносторонними.

Музыка Глинки, Бородина, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Скрябина, Шопена, Шимановского, Сметаны, Дворжака, Яначека прочно вошла в репертуар многих стран, завоевав популярность благодаря выдающимся дарованиям композиторов и утверждению в их творчестве международных культурных ценностей и связей.

Глинка и Римский-Корсаков разрабатывали, например, испанские темы; Римский-Корсаков обратился (в опере "Сервilia") к сюжету из древнеримской жизни и написал оркестровую сюиту "Шехеразада". Шимановский создал образцы сицилийского средневековья, а Дворжак воплотил в Девятой симфонии картины индейского эпоса "Гайавата". Рахманинов и Мясковский обращались к поэзии Эдгара По.

Но хочется напомнить и о "славянизмах", встречающихся еще у Баха, а более — у всех четырех венских классиков: Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта. Дело ведь не только в том, что в бетховенских "квартетах Разумовского", написанных по заказу русского мецената, звучат мелодии русских народных песен. Гайдн, который был уроженцем хорватского местечка Трстник, переименованного габсбургскими властями в Popay (есть сведения, что родным языком Гайдна в детстве был хорватский), а за ним Моцарт и другие венские композиторы по достоинству оценили и творчески восприняли красоту и эмоциональное богатство чешских, словацких, польских, украинских и других славянских песенно-танцевальных мелодий, звучавших на территории "лоскутной монархии" Габсбургов.

Чайковский, желая в своей "пастушеской интермеди" в "Пиковой даме" создать музыку в духе моцартовской эпохи, обратился к теме, звучавшей в одном из фортепьянных концертов Моцарта. А тема эта оказалась задушевной мелодией чешской лирической песни "Mela jsem holoubka" ("У меня был голубок")!

Славянские мелодии звучали в творчестве "божественного чеха" (Il divino Boemo), как прозвали в Италии жившего там друга Моцарта — Иозефа Мысливека, братьев Йиржи (Георга) и Антонина Бенда, "польского Паганини" — Кароля Липиньского, моравских композиторов династии Мича (мы знаем произведения восьми композиторов, носивших это имя), с которыми, так же как с членами семьи Стамиц, работавшей в Мангейме, связан ранний период развития европейского симфонизма. Но и в дальнейшем славянская музыка неизменно привлекала внимание Запада. Во всем мире известна блестательная оркестровка "Картиночка с выставки" Мусоргского, сделанная Равелем, который, так же как его старший современник Дебюсси, горячо любил музыку мастеров "Могучей кучки". Любовь эта была и осталась взаимной, о чем свидетельствуют, в частности, недавно выпущенные в Москве многотомные издания произведений Дебюсси и Равеля, монографии русских музыковедов об этих мастерах.

Всемирную известность завоевали картины, рисунки и театральные декорации русских художников. Тематическое богатство их творчества, особенно передвижников, поистине неисчерпаемо. Полотна мариниста Айвазовского можно встретить в музеях многих стран мира.

В фойе Большого зала Московской консерватории неизменное внимание привлекают картины Ильи Репина: композиция "Славянские композиторы", включающая десятки фигур русских, польских и чешских мастеров, и портрет Ференца Листа, едва ли не лучшее во всей галерее изображение великого венгерского музыканта, так много сделавшего для развития культурных связей между славянским миром и Западом.

Двадцатый век, век величайших свершений и начала новой эры в истории человечества, ознаменовался "открытием" многих ценностей философской мысли и художественной культуры славянских народов, — ценностей, постепенно становящихся достоянием всего мира.

Любимый ученик и друг Чайковского, композитор и теоретик Сергей Танеев, формулируя свои философско-этические взгляды, высказал убеждение, что каждый человек, как бы ограниченны ни были его возможности, обязан содействовать моральному совершенствованию общества.

Такое стремление к облагораживающему воздействию искусства на человека, присущее мастерам славянских культур, особенно близко в нашу эпоху всем поборникам высоких идей единения народов и мирного созидательного труда.

СЛАВЯНЕ И ВОСТОК

Олжас Сулейменов,
первый секретарь правления
Союза писателей Казахской ССР

Источниками наших знаний о древнейших связях между славянами и Востоком служат фольклор, данные лингвистики и археологии, некоторые отрывочные свидетельства римских писателей (Плиний и другие). Однако, начиная с VI в. н.э., в нашем распоряжении оказываются очень важные письменные свидетельства о контактах славянского мира с восточными народами, пусть даже разрозненные и фрагментарные. Они относятся к тому периоду, когда славяне стали хорошо известны в Византии, когда через греков на Востоке узнали и само название "славяне".

До более поздних летописцев дошли относящиеся к этому же периоду предания и домусульманские летописи. Именно у них мы встречаемся с первыми упоминаниями о славянах. Арабские авторы VIII—IX вв. уже называли реку Дон "Славянской рекой", Черное море — "Русским морем", а некоторые арабские географы эпохи раннего средневековья понимали этоним "славяне" настолько широко, что частично включали в него и народы германского происхождения.

Это не было просто "ошибкой" мусульманских авторов или случайностью; это объяснялось, с одной стороны, тем, насколько широко раскинулись и переплелись торговые пути славянских и восточных народов, и, с другой стороны, той решающей ролью, которую играли славянские народы в многообразных связях Востока и Запада.

Начиная с VIII в., все большее значение приобретала торговля стран Арабского халифата со странами Восточной Европы, с побережьем Балтийского моря. В этой торговле с самого начала важную роль играл торговый путь по реке Волге, которую арабские географы X в. именовали "Русской рекой". По ней через богатые торговые города Итиль (в районе нынешней Астрахани) и Булгар (к югу от устья Камы) поднимались на север ладьи восточных купцов, которых влекли сказочные богатства северных стран, в первую очередь меха — черно-бурые лисы, соболь, куница, гарностай, бобер и другая пушнина. Им хорошо знали цену в Багдаде и Бухаре, в Хорезме и Каире, их воспевали восточные поэты, а цари, эмиры и вельможи стремились затмить друг друга пышными дарами из далеких северных земель. Из Восточной Европы вывозились также воск, мед. В свою очередь, в славянские страны поступали изделия восточных ремесленников,

в особенности серебряные монеты. Недаром на всей огромной территории поселений восточных и западных славян до сих пор находят многочисленные клады восточных монет VIII–X вв., являющиеся немыми свидетелями оживленных торговых связей с Востоком.

Торговля не ограничивалась путешествиями восточных купцов в славянские земли. Многочисленные славянские "торговые гости" были хорошо известны в различных городах Арабского халифата. Их торговые суда спускались по Волге и Дону к Каспийскому и Черному морям, а оттуда славянские купцы везли свои товары на верблюдах в Багдад.

Рост торговых связей между странами халифата и землями славян усиливал интерес арабских ученых к их северным соседям. Немало интересных данных о славянах встречается уже у авторов VIII–X вв., в географических и исторических сочинениях которых содержатся сведения о происхождении славян, об их связях с другими народами, о славянских храмах и религии, о быте и нравах различных племен, о первых славянских государствах и т.д.

С другой стороны, славяне черпали свои знания о Востоке как из устной современной информации, так и из исторической литературы. В русские, польские и чешские летописи и хроники (например, в польскую хронику Галла Анонима и чешскую Козьмы Пражского), составленные в XI–XII вв., проникали сведения о цивилизациях Древнего Востока — Египте, Ассирии, Мидии, Иране. Русская летопись начала XII в., известная под названием "Повесть временных лет", рассказывает о волжском торговом пути в Каспийском море и далее в Хорезм. Многочисленные упоминания о древних и средневековых народах Востока содержатся в историческом труде польского автора XV в. Яна Длугоша.

Жившие к югу от славянских земель воинственные кочевые племена печенегов, а затем и половцев, нередко выступавшие как политические противники славян и их южных соседей, пропускали через свои земли славянских купцов, а порой выступали как торговые посредники.

Особенностью нынешнего периода в изучении культурных связей славян с Востоком следует считать пересмотр устоявшихся в науке взглядов на роль тюркских народов, через которые долгое время в основном и осуществлялись контакты славян со всем громадным, многообразным культурным ареалом, называемым "Восток".

Тюрки, кочевые и оседлые, были самыми близкими восточными соседями славян. Если связи славян с арабами, Ираном и Дальним Востоком в средние века почти не выходили за пределы торговых отношений, то контакты славян и тюрков были более тесными и продолжительными, и историю славянских культур, экономики и государственности невозможно рассматривать без учета "турецкого фактора".

Однако в истории становления и развития цивилизации никогда не царила полная гармония. Нередко представители той или иной страны отправлялись к своему соседу не с караваном товаров, а закован-

ными в броню, с мечом в руке. Столкновения народов порой обращались в трагедию для одного из них. Это произошло и с восточными славянами, когда в их земли в начале XIII в. хлынули степные кочевники, предводительствуемые ханом Батыем, внуком Чингисхана. Под их натиском пала Киевская Русь, многие удельные русские княжества. Борьба восточных славян против монголо-татарского ига воспрепятствовала дальнейшему продвижению орды на запад, однако развитие их собственной культуры в течение почти трех веков протекало в условиях чужеземного владычества. С другой стороны, стремление к освобождению способствовало объединению Руси, становлению ее централизованной государственности, проявлению и развитию новых форм культуры. Контакты славян с Востоком продолжали осуществляться и в период монголо-татарского ига.

Одной из первых форм посещения Востока русскими путешественниками стали "ходения в святую землю", распространившиеся после принятия христианства на Руси. Рассказы паломников о Константино-поле, Византии и Палестине начиная с XII в. включались в русские летописи. Уже в XI в. в Константинополе существовал особый русский квартал, в котором жили купцы, приезжавшие из Киевской Руси, а в монастырях Константинополя возникали колонии русских монахов. Некоторые из них переводили на родной язык книги греческих авторов или переписывали южнославянские сочинения и отправляли их в Москву.

С давних пор воображение славян занимала Индия. У восточных и западных славян бытоваляла приукрашенная фантазией история похода Александра Македонского на Восток, в край, известный под названием "Александрия". Сведения о "стране чудес" доходили к славянам поначалу косвенным путем, преимущественно через Среднюю Азию, Закавказье, Иран. Первым русским путешественником, увидевшим Индию собственными глазами, стал тверской купец Афанасий Никитин, побывавший там в 1466–1472 гг. Свое путешествие он описал в книге "Хождение за три моря". В отличие от многих путешественников Никитин сумел сблизиться с индийцами и хорошо узнал страну и ее обычай.

В XVI в., когда началась эпоха великих географических открытий и Европа была взбудоражена известиями о несметных сокровищах Индии и Китая, славяне оказались едва ли не главным связующим звеном в ширящихся торговых и культурных связях Западной Европы с Востоком. В начале XVI в. московским посланником в Риме Герасимовым был выдвинут проект поисков северного морского пути в Китай. Царь Иван Грозный, проявлявший интерес к Востоку, обещал крупное вознаграждение тому, кто пройдет в Китай северными морями. Эти попытки прекратились лишь во второй половине XVII в., когда было установлено, что морем в Китай попасть нельзя "великих ради льдов и стужи и тьмы".

В результате ширившегося и крепнущего контакта славянских и восточных народов, взаимного интереса, проявляемого ими друг к другу, устанавливались и развивались их культурные связи, осущес-

ствлялось взаимодействие культур. Например, для восточных кочевых племен большую роль играл сам факт общения с оседлыми славянскими народами, у которых кочевники постепенно перенимали оседлый образ жизни.

Однако культурное влияние также нередко проникало и через соседние народы, проходя на своем пути длительный процесс напластования множества элементов разных культур. И вовсе не обязательно такое влияние имело прямой характер заимствования иноземной культуры — гораздо более обычными были творческое восприятие и переработка.

Славяне, издревле занимавшиеся земледелием, проявляли большой интерес к сельскому хозяйству восточных народов. Через посредство Византии и арабов в Европу из далеких стран Востока попал рис — на Руси его называли "сарацинским пшеном". Уже в XVII в. у царя Алексея Михайловича под Москвой был разбит специальный сад, где пробовали выращивать привезенные с Востока растения. Новые образцы флоры всегда старались привезти из стран Востока русские послы, которым неоднократно поручалось обзавестись в Китае "чайными деревцами".

С Востока в славянские страны привозили и редких зверей: львов, тигров, верблюдов, слонов. В Польшу уже в X в. были доставлены верблюды — одного из них князь Мешко I послал в подарок германскому императору. Иранский шах преподнес в подарок Ивану Грозному несколько слонов, а в 1741 г. в Петербург их прибыло сразу четырнадцать. Для экзотических животных выстроили специальный "слоновый двор", где за ними ухаживали служители-индийцы. По городам и селам Руси из уст в уста передавали весть о невиданных заморских животных, и их облик, измененный народной фантазией, находил отражение в народном творчестве крестьян, украшавших свои избы деревянными резными фигурами неведомых зверей.

В славянские земли ввозились поделки восточных ремесленников, а на Востоке высоко ценились изделия славянских умельцев. Не случайно опытных мастеров славянского происхождения можно было встретить при дворах многих восточных властителей. В столице монголов Каракоруме в XIII в. была целая колония русских мастеров. Один из них, златокузнец Косма, сделал для хана Гююка трон и выковал государственную печать, отиск которой сохранился на письме хана к папе римскому.

Культурные взаимосвязи со странами Востока сыграли большую роль и в сфере быта славянских народов. Интересна история распространения чая. Впервые русские увидели его в Монголии на приеме у Алтан-хана в 1616 г. Русских послов угостили молоком с топленым маслом, а в нем было "листье, неведомо какое". Сначала послы отказывались взять чай в подарок русскому царю, но потом согласились, и, таким образом, этот напиток проник в Россию значительно раньше, нежели в Голландию и Англию. С тех пор он надолго стал

главной статьей русского импорта из Китая. От русских обычай чаепития, так же как и китайское слово "чай", распространился в XVIII в. в Средней Азии, Иране, Турции, Сирии и Египте. Чайник — сосуд, который на его родине, в Китае, использовался для подогревания вина, — был приспособлен для заварки чая, а для кипячения воды стал применяться изобретенный в России самовар. С ним в свою очередь познакомились многие восточные народы, и самовар стал пользоваться большой популярностью в Средней Азии, Турции, Иране и арабских странах, а в Кашмире даже сохранил свое русское название.

От восточных народов европейцы, в том числе и славяне, переняли немало научных знаний, включая и математические. И поныне употребляемые нами цифры называются арабскими, хотя их родиной в действительности является Индия. Славяне со своей стороны проявляли большой научный интерес к Востоку. В свое время Петр I собственноручно исправлял неточную карту Каспийского моря и Средней Азии. В XVII в. живший в России хорват Юрий Крижанич составил описание Сибири, Монголии и Китая. В 1680 г., возвращаясь на родину, Крижанич подарил свой труд "История Сибири" польскому королю Яну Собескому, чем в немалой степени способствовал знакомству западных славян с Дальним Востоком.

Высоко ценилась у славян восточная народная медицина, складывавшаяся на протяжении многих столетий. А в приходе научной медицины на Восток с Запада немалую роль сыграли славяне. В середине XIX в. русские врачи основали первую больницу в Японии. Первым врачом в Монголии был русский доктор П. Шастин, и его методы лечения получили настолько широкое применение, что долгое время в монгольском языке слова "врач" и "шастин" были синонимами.

Вековое общение с Востоком наложило свой отпечаток на формирование славянских языков. Исторически и генетически славяне связаны с группой индоевропейских народов, и поэтому их язык хранит некоторые черты, близкие индоиранским языкам. Помимо этого, во всех славянских языках есть много заимствованных слов восточного происхождения, а ряд славянских слов проник на Восток.

На территории западных славян сохранились поселения потомков древних восточных народов, например караимов. Уже в нашем веке произошел любопытный эпизод с одним польским востоковедом, приехавшим к ним: в доме одного из караимов он стал читать вслух древнейший половецкий словарь и был поражен, услышав, как семилетняя дочь хозяина начала давать пояснения к тексту. От поколения к поколению в этой семье передавался язык, звучавший много веков назад.

Сильное влияние Востока испытала славянское зодчество. В эпоху его становления большую роль в славянской архитектуре играла византийская традиция, несколько позже на постройки южных славян лег отпечаток мусульманской культуры, принесенной тюрками. Меньше чувствуется влияние Востока в архитектуре западнославян-

ских стран – Польши и Чехословакии, однако и здесь наряду со старыми храмами готического стиля можно встретить немало архитектурных памятников восточного типа. На Украине и в Польше сохранились памятники архитектуры, построенные армянскими зодчими.

Восточные мотивы усилились в русском строительном искусстве после присоединения к России Казанского и Астраханского ханств. Построенный при Иване Грозном знаменитый Покровский собор (храм Василия Блаженного) на Красной площади в Москве, созданный в стиле национально-русской шатровой церковной архитектуры, воспринял некоторые восточные элементы.

Прослеживаются следы взаимодействия с Востоком и в древнерусском фольклоре: некоторые былины отчасти созвучны с произведениями тюркского эпоса. В ряде из них упоминаются герои с тюркскими именами, а описанные события отражают историю взаимоотношений "черных клобуков" с печенегами.

В результате взаимопроникновения многих элементов культуры восточных и славянских народов их культуры не только обогащались сами, но и становились достижением мировой цивилизации. Как сегодня не вызывает удивления появление индуса в тюрбане на улице Праги или светловолосого европейца в шумной толпе восточного базара, так и обыденным кажется тот факт, что индийский искусственный спутник Земли был выведен на орбиту советской ракетой-носителем и что на берегах Балтийского моря практикуют достижения древней тибетской медицины.

Любая великая культура есть плод, результат взаимодействий и перекреcиваний со многими другими культурами, большими и малыми. Попытки самоизолироваться всегда кончались культурной деградацией. В истории сохранились такие примеры. Творческое заимствование – непреложное условие развития культуры. Однако для осознания этого потребовались века не только развития науки, но и живого плодотворного общения.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР И НОВЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОРЯДОК

Инна Пименова,
кандидат философских наук

Масштабы и интенсивность международных контактов любой национальной культуры в огромной мере зависят от степени включенности духовных ценностей нации в современные системы массового тиражирования и распространения информации. Пресса и книжные издательства, информационные агентства и радиовещание, кино и телевидение — основные каналы мирового информационного пула, им принадлежит сегодня ведущая роль в международном культурном обмене.

Проблема распространения славянских культур средствами массовой коммуникации может быть рассмотрена на трех уровнях.

1. В мировой системе социализма в основу коммуникационной политики социалистических наций — славянских и неславянских — положены принципы, характерные для международных отношений социалистического типа: равноправие и взаимное уважение к национальной самобытности культур, забота об их всестороннем развитии и взаимообогащении. Средства массовой коммуникации выступают в социалистических странах мощными каналами межнационального обмена и общения славянских и неславянских культур.

2. Распространение культур социалистических славянских наций в государствах капиталистического Запада обладает гораздо более скромной исследовательской базой. Это обстоятельство не в последнюю очередь объясняется тем, что сама практика культурного обмена между различными социально-политическими системами наталкивается на ограничение и жесткую регламентацию со стороны официальных кругов буржуазных стран, на игнорирование ими принципа взаимности.

Паритетность культурного обмена имеет количественные и качественные показатели. Что касается количественного критерия, то статистика обменов предельно обнажает вопрос о том, какая культура имеет действительно открытый характер. По данным ЮНЕСКО, соотношение переводов произведений литературы стран Восточной Европы и СССР на Западе и переводов западных авторов на Востоке составляет 1:25, а соотношение покупаемых Западом фильмов социалистических стран и западных фильмов, покупаемых странами социализма, — 1:15¹. Столь же разительные диспропорции выступают в сфере

телевизионного обмена. В работе "Европейское вещание и новый информационный порядок" финский социолог Т. Варис отмечает, что в 1974 г. соотношение телевизионных программ Интервидения и Евровидения в общем обмене составило 215 к 3891 (т.е. 1:18), в 1975 г. — 251 к 4700 (т.е. 1:19)². Несмотря на то что социалистические страны выполняют технические условия, поставленные западными партнерами (передача исключительно цветных изображений, оперативность передачи сообщений и т.д.), закупка Интервидением программ, предлагаемых Евровидением, по-прежнему намного превышает закупку западными телеорганизациями программ Интервидения.

Паритетность обмена имеет и качественный аспект, ибо определяется, например, не только тиражом того или иного издания, но и степенью распространенности языка оригинала. С этой точки зрения лишены смысла утверждения западных политиков, что любой гражданин капиталистического мира может купить периодику любой социалистической страны. Необходимо эту возможность подкрепить еще и соответствующими мероприятиями по распространению национальных, в том числе славянских, языков социалистических стран. Между тем и здесь наблюдаются явные диспропорции. Если, к примеру, в системе высшего и среднего образования в Советском Союзе число изучающих английский язык достигает 12 млн. человек, то в США всеми видами и формами обучения русского языка охвачено лишь 130 тыс.³. А ведь этот славянский язык служит средством общения не только 276-миллионного народа, он является рабочим языком в ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях.

В исследовании, осуществленном на материале 1973—1975 гг., Т. Варис и Р. Йокелин зафиксировали следующую картину. Запад принимал с Востока в основном сообщения о международных визатах и другой дипломатической деятельности, спортивную хронику. Культурная жизнь восточноевропейского региона в передачах западного телевидения практически не нашла отражения. Следует учесть при этом, что социалистические страны почти не представлены в программах западных телекомпаний. Авторы исследования приходят к выводу, что буржуазное телевидение формирует в сознании своей аудитории одностороннее и деформированное представление о духовной жизни социалистических наций, об их культурном развитии прежде всего⁴.

Одним из основных препятствий, искусственно сдерживающих популяризацию на западных телеэкранах социалистических (в том числе славянских) культур, является так называемый международный информационный порядок, при котором основная масса производимой и распространяемой в буржуазном мире информации сосредоточена в руках трех крупнейших транснациональных агентств — "Висньюз" (Англия), Си-би-эс (США), ЮПИТН (Англия—США). Им принадлежит более половины всего европейского материала новостей, предназначенных для обмена.

Существуют и иные барьеры на пути национальных культур социа-

листических стран к западному потребителю. Делаются попытки ограничить квоту обмена, обложить налогами мероприятия, не зафиксированные в соглашениях, сослаться на организационную децентрализацию западной культуры, рыночную стихию и т.д. Коммерческий, частнопредпринимательский механизм используется буржуазными правительствами, кстати, для того, чтобы придать культурным связям с социалистическим миром "частный" характер, создать тем самым возможность для неконтролируемой пропагандистской деятельности различных неправительственных организаций. Официальные органы целенаправленно поощряют "независимую" политику тех культурных и информационных центров, основная функция которых состоит в борьбе с социализмом.

3. Проникновение современных славянских культур в страны "третьего мира" также блокируется транснациональными информационными корпорациями высокоразвитых капиталистических государств. Данные многих исследований, проведенных в рамках ЮНЕСКО, показали, что до 90% всей информации о жизни цивилизованного мира население развивающихся стран (а это 2/3 всего человечества) получает через АП, ЮПИ, Рейтер и Франс Пресс и лишь 10% вырабатывает за счет собственного культурного и технического потенциала. Доля импорта телевизионного материала в национальных программах достигает 80, а в некоторых странах — 100%. Эта информационная зависимость — существенная черта современного культурно-идеологического Неоколониализма, пришедшего на смену эпохе военно-политического господства.

Нет прямых свидетельств, какую часть в этом массиве информации составляют факты культурной жизни славянских наций (что само по себе является вполне актуальной и самостоятельной исследовательской задачей), но есть исследования, результаты которых опровергнуто дают об этом представление. Так, изучение прессы некоторых латиноамериканских государств показало, что 40% информации в ней посвящается Западной Европе, 20% — США, столько же — внутренним проблемам латиноамериканского континента и лишь 3% — социалистическим странам (т.е. культуре славянского ареала — и того меньше). А информацию эту почти исключительно поставляют ЮПИ, АП, ФП и Рейтер⁵.

В начале 70-х годов развивающиеся страны приступили к активному поиску методов преодоления культурной экспансии империалистических государств, ликвидации колоссальной диспропорции в мировом распределении информации и средств массовой коммуникации. Выдвинутая Движением неприсоединения идея установления "нового международного порядка в области информации" объединила не только развивающиеся и неприсоединившиеся страны, не только государства социалистического содружества, но и прогрессивные силы капиталистического Запада на общей антиимпериалистической платформе.

Тем не менее, как показала недавняя дискуссия в Специальном политическом комитете завершившейся 41-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН, где обсуждались проблемы международной информации, по-прежнему четыре западных телеграфных агентства контролируют 80% ежедневных новостей, распространяемых в развивающихся странах. США держат в своих руках 75% телепрограмм, половину фильмов и почти всю коммерческую информацию, использующую в государствах "третьего мира".⁶

Огромная заслуга в борьбе за справедливый информационный порядок в мире принадлежит ЮНЕСКО (Декларация 1978 г. о средствах массовой информации, поддержка усилий развивающихся стран в создании национальных и региональных информационных агентств, организация исследовательских программ и т.п.) и ООН, Генеральная Ассамблея которой в декабре 1982 г. приняла резолюцию "Вопросы, касающиеся информации", в которой содержится призыв установить в сфере массовой информации такой порядок, чтобы она служила делу укрепления мира, взаимопонимания и прогресса, о плодотворности которого свидетельствует, в частности, опыт такой организации, как международный фонд Алердинка — центр связи между Востоком и Западом. Фонд, основанный в 1984 г. в Голландии, объединяет представителей средств массовой информации Запада и Востока (в том числе США и СССР) и провел уже шесть встреч, в том числе в Москве, на которых журналисты из СССР и США, Восточной и Западной Европы обсуждали пути преодоления стереотипов, мешающих взаимопониманию и доверию между народами⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социализм и европейская безопасность. М., 1977, с. 252.

² См.: Общие проблемы культуры и культурного строительства. Науч. реф. сб., вып. 1. М., 1979, с. 44.

³ См.: Правда о культурном обмене. М., 1976, с. 25—26.

⁴ Varis T., Jokelin R. Television news in Europe: A survey of the news-film flow in Europe. Tampere, 1976. — 132 р.

⁵ См.: Демократический журналист, 1980, № 9, с. 14.

⁶ Новое время, 1987, № 3, с. 24.

⁷ Международная жизнь, 1987, № 1, с. 96.

СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Юрий Ритчик,
Ученый секретарь Советского комитета
по изучению и распространению
славянских культур

Одной из главных черт современного мирового духовного процесса является осознание всего многообразия культурного наследия, созданного различными народами мира. Нет на Земле ни одной нации или народности, даже самой малочисленной, которая бы не внесла своего неповторимого, уникального вклада в общечеловеческую сокровищницу эстетических и этических ценностей.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) с середины 60-х годов осуществляет универсальную программу изучения национальных культур, важнейшей составной частью которой является Славянский проект ЮНЕСКО. Это естественно, ибо среди многих культур мира культура славян занимает выдающееся место. Значительность вклада славянских народов в духовное и художественное развитие человечества ныне общепризнана и подтверждена самим мировым культурным процессом, непрерывно обращающимся к историческому опыту и современной практике славянских наций, которые после второй мировой войны вступили на путь построения нового, социально справедливого общества и добились на этом пути впечатляющих результатов. Эти достижения по праву вызывают самое пристальное внимание во всех регионах мира.

Проект ЮНЕСКО "Славянские культуры" был утвержден XVI сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 1970) по инициативе социалистических стран. Впервые ЮНЕСКО обратилась к комплексному, междисциплинарному изучению культур всего славянского мира в историко-культурном аспекте. Славянский проект касался большой территории Восточной, Южной и Центральной Европы, где в глубокой древности поселились славянские племена, а ныне располагаются семь членов ЮНЕСКО: Белоруссия, Болгария, Польша, Советский Союз, Украина, Чехословакия и Югославия.

С самого начала значимость проекта определялась двумя главными обстоятельствами: желанием способствовать развитию международных исследований и стремлением ознакомить мир, главным образом неславянский, с достижениями цивилизации славянских народов. Хотя ученые и прежде, естественно, вели интенсивную и разносторон-

нюю работу по изучению славянского культурного наследия, инициатива ЮНЕСКО оказалась своевременной и полезной. Она расширяла возможности координации научных изысканий, причем не только в славянских странах, помогала обмену опытом, способствовала в международном масштабе распространению знаний о славянских культурах, об их прошлом и настоящем.

К числу первых крупных акций Славянского проекта следует отнести симпозиум в Варшаве "Гуманистическое и общественное значение славянских литератур" (1972), Московскую конференцию "Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций" (1974), конференцию в Варне "Славянские культуры и Балканы" (1975) и Берлинскую конференцию "Славянские культуры в истории европейских культур XVIII–XX вв." (1976).

Советские ученые с первых же лет существования Славянского проекта ЮНЕСКО принимали активное участие в его реализации. Особое место в ряду мероприятий Славянского проекта занимала Московская конференция, так как она на многие годы предопределила тип крупного научного славистического форума, разрабатывающего фундаментальные проблемы истории славянской культуры, который стал основной формой работы в рамках Славянского проекта, а позднее Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Это серьезная заслуга советских ученых в современной международной славистике. В конференции, проходившей в столице Советского Союза 26–28 ноября 1974 г., принимали участие свыше 250 ученых из 17 стран—членов ЮНЕСКО. Были рассмотрены проблемы славянских культур на одном из ключевых этапов исторической эволюции славянского мира — в период формирования и развития славянских наций, охватывающий XVIII–XIX столетия. Подготовка и проведение конференции были поручены Президиумом Академии наук СССР Институту славяноведения и балканстики АН СССР — ведущему научному учреждению в СССР, занимающемуся славистическими исследованиями.

Важнейшей отличительной чертой конференции явился ее четко выраженный междисциплинарный характер. В работе конференции принимали участие историки, историки культуры, литературоведы, искусствоведы, лингвисты, фольклористы.

Комплексный подход к изучению славянских культур, во-первых, обусловлен объективно существующей многомерностью самого феномена духовной культуры, во-вторых, предопределен современными требованиями науки, когда многочисленные исследования отдельных областей духовной жизни славян в эпоху перехода от феодализма к капитализму, формирования и развития славянских наций позволяют успешно выявлять общие закономерности и типологические схождения культурного процесса, вклад славян в мировую культуру.

Принципиальная установка на комплексное освещение проблем славянской культуры была выдвинута в качестве основной с самого начала деятельности Оргкомитета, который опирался на соответствующий опыт, накопленный за последние годы в Институте славяноведе-

ния и балканистики АН СССР. Характеризуя смысл такого рода научных исследований, директор института Д. Марков писал: "Как известно, социально-экономические формации, составляющие основу исторического процесса, представляют собой разветвленные системы, комплексы экономических, политических, культурных и иных факторов. Можно изучать какой-либо один из этих факторов (подсистем) в рамках той или иной науки, не претендуя, конечно, на охват явления в целом. Но и в этом случае мысль ученого стремится к возможно более широким выводам, не ограничиваясь, скажем, историческим опытом только одной страны. Ученые соотносят явления данной страны со сходными и в то же время различными явлениями в других странах. А задача целостного изучения хотя бы определенного периода истории того или иного народа (его экономики, культуры и т.д.) неизбежно приводит к комплексности научного анализа — она вызывается комплексностью самих исторических реальностей"¹.

Большой интерес вызвали обобщающие и теоретико-методологические доклады конференции, в которых культура трактовалась как один из определяющих и специфических компонентов общеисторического процесса, исторической деятельности человека, а конкретный ход развития славянских культур рассматривался в диалектической взаимосвязи с формированием славянских наций, ростом социальных и национально-освободительных движений славянских народов (см. статьи В. Злыднева, А. Мыльникова, И. Миллера в данном сборнике).

Многостороннему рассмотрению на конференции были подвергнуты проблемы художественной культуры славян в названную историческую эпоху. При этом в центре внимания находились не только сами произведения литературы, драматургии, изобразительного искусства, но и такие принципиально новые явления в художественной жизни, характерные для этапа становления национальной культуры, как постепенная профессионизация художественного творчества, формирование национальной художественной интеллигенции как специфического социального слоя, возникновение новых центров и учреждений художественной жизни и т.д.

Для большинства выступлений было свойственно стремление рассматривать ту или иную область художественной деятельности не столько с точки зрения имманентных законов ее развития, сколько как составную часть всей системы художественной и духовной культуры, общей истории национального коллектива.

Во всех славянских странах важнейшим, а на начальных этапах Возрождения, пожалуй, центральным, был языковый вопрос, на решение которого были направлены усилия больших и малых деятелей этой эпохи. Он был предметом горячих споров во всех слоях формировавшегося национального общества. Развитый литературный язык, опирающийся на нормы родной речи, был необходим в борьбе за государственность, за национальную культуру.

Естественно поэтому, что проблемам языка в эпоху славянского Возрождения, всестороннее освещение которых дает возможность

многое объяснить в содержании изучаемой исторической эпохи, было отведено на Московской конференции особое место: работала специальная секция "Язык и культура".

Это объясняет типологическую пестроту славянских литературных языков. Сравнительное их изучение обнаруживает черты глубокого своеобразия их структуры, различную ценность генетически тождественных элементов, разное соотношение стилей и жанров.

Однако на всех этапах истории славянских литературных языков обнаруживаются тесные и живые связи между ними. Они определялись политическими и культурными отношениями славянских народов. Особенно велика роль русского литературного языка в развитии и обогащении некоторых зарубежных славянских литературных языков, в первую очередь болгарского.

Важный тематический узел Московской конференции составили вопросы, связанные с рассмотрением роли наследия прошлого, исторических и культурных традиций в процессе формирования славянских национальных культур. Изучение проблемы культурной преемственности, или — в более распространенной сейчас формулировке — проблемы традиций и новаторства, является непременным условием всестороннего раскрытия самобытности любой национальной культуры. При изучении же культур славянских народов, длительное время боровшихся против иноземных, иноэтнических воздействий, преемственность как объективная закономерность духовного и материального развития общества приобретает особый, принципиальный смысл. Следует сказать, что в ходе научного диалога на Московской конференции по ряду вопросов выявилось несовпадение мнений, вполне естественное в условиях продолжающейся разработки сложного комплекса проблем, связанных с формированием славянских наций и национальных культур.

Спорным вопросом оказалась, например, периодизация эпохи славянского Возрождения (обязателен ли этап Просвещения, что положить в основу определения последующего этапа — романтизм как доминирующее течение в художественной культуре или появление четко выраженных концепций национальной культуры как системы), характеристика типов культуры и др.

Стало ясно, что многое предстоит сделать в отношении совершенствования понятийного и терминологического аппарата в области комплексного и сравнительно-исторического изучения славянских культур.

Высокий научный уровень Московской конференции 1974 г. в значительной мере способствовал ее немалому международному политическому эффекту, отмечавшемуся в многочисленных отзывах советской и зарубежной печати, выступлениях иностранных ученых на закрытии конференции и в речи заместителя Генерального директора ЮНЕСКО г-на Р. Хоггарта.

Динамизм и научная результативность Славянского проекта ЮНЕСКО, превратившегося в одну из наиболее успешно действующих программ Организации в области изучения культур и резко

интенсифицировавшего контакты ученых-славистов, укрепили в них идею о целесообразности создания постоянно действующего международного объединения, которое бы и после завершения срока действия Славянского проекта координировало и развивало в мировом масштабе исследования в области славянских культур и содействовало популяризации знаний о славянских народах в различных регионах земного шара. Эта идея, поддержанная XVIII сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, и была реализована созданием Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК).

Цели ассоциации, конституирование которой произошло во время Берлинской конференции 1976 г., были определены принятым Уставом МАИРСК, в котором, в частности, говорится, что ассоциация:

“а) содействует всестороннему комплексному изучению славянских культур с древнейших времен до настоящего времени, руководствуясь идеями мира, гуманизма и взаимопонимания между народами в духе целей и принципов ЮНЕСКО;

б) поощряет научные исследования и изучение славянских культур, способствуя организации как двусторонних, так и многосторонних совещаний, симпозиумов и конференций, обмену научной информацией и публикациями;

в) способствует расширению и укреплению сотрудничества между научными учреждениями, исследовательскими и культурными центрами и организациями, отдельными учеными славянских и неславянских стран, чья деятельность связана с изучением культур славянских народов в их взаимодействии с культурами других народов, а также распространением знаний о славянских культурах;

г) содействует распространению знаний о славянских народах и их вкладе в развитие культуры, придавая особое значение ознакомлению с достижениями славянских культур в странах, не имеющих традиций в области славистики и учреждений для изучения славянских культур...”

Постоянная практическая работа ассоциации в соответствии с Уставом проводится Бюро МАИРСК, в первый состав которого вошли видные ученые из славянских и неславянских стран. Президентом МАИРСК с момента ее образования являлся академик Д. Марков, директор Института славяноведения и балканстики АН СССР. Он же возглавляет Советский комитет по изучению и распространению славянских культур, образованный Распоряжением Президиума АН СССР для осуществления представительства советской науки в МАИРСК.

Одной из основных форм реализации задач МАИРСК является регулярное (один раз в 2–3 года) проведение крупных проблемно-тематических Конференций, на которых широкий круг ученых многих стран обсуждает актуальные проблемы истории культуры славян, методологии ее изучения, задачи исследовательской деятельности в данной области гуманитарного знания. После Берлинской конференции были проведены еще три таких научных форума – в Киеве (1979), Минске (1982) и Копенгагене (1984).

Киевская конференция "Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст", главными организаторами которой были Украинский комитет по изучению и распространению славянских культур и Институт литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР, подчеркнула отличительную черту славянских культур в наши дни — воплощенное в них единство национального и интернационального, органическое использование ими передовых традиций не только своей, но и мировой культуры, активное, заинтересованное участие в жизни нового общества, богатство проблематики, многообразие художественных стилей, направлений, жанров при единстве понимания функций и задач искусства в воспитании гармонически развитой личности.

Среди основных научных проблем, рассмотренных в докладах и сообщениях, нужно назвать следующие: проблемы гуманизма и места культуры в современном мире, проблемы взаимообмена и сотрудничества в области культуры между славянскими и неславянскими народами, социально-исторический процесс и развитие культуры славянских народов после второй мировой войны. Все-стороннему анализу подверглись также вопросы языка и культуры, роли средств массовой коммуникации в развитии и популяризации славянских культур, места народной культуры в современной духовной жизни славянских наций.

Очень интересным был аспект, связанный с проблемами художественного перевода, без которого сегодня немыслима полнокровная литературная жизнь любого народа. Лучшее в современном мировом литературном процессе быстро становится достоянием каждой национальной литературы, обогащает ее, дает мощные творческие и эстетические импульсы. Художественный перевод — основной компонент, связывающий литературы в единое целое — в мировое искусство слова. Привычные споры о преимуществе лингвистического, литературоведческого либо литературно-лингвистического подхода к переводу были скорректированы в Киеве убедительными доказательствами необходимости — помимо иных подходов — подхода историко-культурного, поскольку метод перевода, объект перевода и его качество детерминированы — и во все возрастающей степени — социально-историческими и общекультурными причинами.

Минская конференция "Славянские культуры и мировой культурный процесс" была посвящена изучению проявлений взаимосвязей славянских культур с мировым культурным процессом, особенности которого в значительной степени определяются межнациональными контактами, постоянным взаимодействием и взаимообогащением культур, специфике развития славянских культур в контексте мировой культуры. Ее проблематика была распределена по трем глобальным хронологическим этапам: 1) древность и эпоха средневековья; 2) новое время; 3) XX век.

Особенно примечателен в докладах конференции был поиск более конкретных методов, способов и приемов анализа фактического материала, включаемого в орбиту исследований. Весьма актуаль-

ными показали себя подходы, связанные с использованием познавательных методов языкоznания в интересах изучения культуры. К примеру, эффективными оказываются историко-генетические и ареальные подходы при реконструкции древних элементов славянской культуры (обрядовых, фольклорных, социально-бытовых и др.), поскольку это позволяет идти от частных локальных систем к более широким, зональным и далее к общеславянской системе.

Второй характерной чертой Минской конференции оказалось пристальное внимание к гуманистической, идеологической и политической роли культуры в современном мире, к отношению деятелей культуры и науки сегодняшнего дня к вопросам войны и мира, перспективе развития человеческой цивилизации. Ряд докладов, естественно, затрагивал деятельность ЮНЕСКО. Справедливое одобрение получили установки этой авторитетной организации на обобщение результатов лучшего национального опыта в области культуры и распространение его среди других государств – членов ЮНЕСКО, на объединение усилий ученых, представляющих разные страны и разные культурные регионы, для решения вопросов взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. Ярким примером воплощения этих установок стали два "круглых стола" конференции – "Культура Киевской Руси и мировой культурный процесс" и "Классики белорусской литературы Янка Купала и Якуб Колас в контексте славянских культур", которые соответствовали решениям ЮНЕСКО, рекомендовавшей своим членам отметить 1500-летие Киева и столетний юбилей знаменитых белорусских мастеров слова.

Авторитету одного из наиболее инициативных научных объединений, действующих под эгидой ЮНЕСКО, ассоциация обязана активной работе своих национальных комитетов, на счету которых значительное число проведенных симпозиумов. Каждый из них является несомненным шагом вперед по пути изучения той или иной строго определенной и одновременно достаточно масштабной проблемы. Не имея возможности перечислить все состоявшиеся к настоящему времени симпозиумы, организаторами которых были национальные комитеты МАИРСК, упомянем хотя бы следующие: "Научное наследие академика Н.С. Державина" (СССР, Москва, 1977), "Гете и славянский мир" (ФРГ, Дюссельдорф, 1979), "Данте и славянский мир" (Югославия, Дубровник, 1981), "Роль науки в развитии славянских культур" (Чехословакия, Прага, 1980), "Достоевский и литература" (ФРГ, Мюнхен, 1981), "Состояние изучения итalo-славянских культурных отношений в эпоху гуманизма и Ренессанса" (Италия, Рим, 1981), "Герцен и европейские культуры" (Великобритания, Ноттингем-Лондон, 1982), "Иван Франко и мировая культура" (Украина, Львов, 1986).

Материалы большинства перечисленных конференций и симпозиумов опубликованы в изданиях ассоциации^{2–8}.

Особое место в издательской деятельности МАИРСК занимает серия "Выдающиеся деятели славянской культуры". Книги этой

серии издаются ЮНЕСКО в Париже и предназначены для широкой публики в западных странах (они выходят на французском и английском языках). Авторами серии являются крупнейшие ученые как славянских, так и неславянских стран. Уже вышли работы о Пушкине (автор Д. Благой), Шевченко (Л. Новиченко), Ботеве (В. Топенчаров), Герцене (М. Партидж), Незвале (Й. Тауфер), Скорине (В. Чемерицкий, Г. Голенченко, В. Шматов), Новомеском (С. Шматлак), Крлехе (М. Маткович). Небольшие по объему издания в доступной форме, с учетом последнего слова науки рассказывают о жизни и творчестве деятелей, внесших огромный вклад в развитие славянской культуры, раскрывают их национальное своеобразие и интернациональное значение, снабжены иллюстративным материалом и библиографией.

Все книги, написанные советскими авторами, получили высокую оценку зарубежных специалистов и — главное — уже нашли благодарного читателя, явив собой пример практического шага в деле популяризации духовных ценностей славянского региона.

Книга известного советского пушкиниста члена-корреспондента АН СССР Д. Благого — это квинтэссенция его многолетнего изучения жизни и творчества величайшего русского поэта. Развитие уникального и всеохватывающего пушкинского гения дается на широком историко-культурном фоне. Место Пушкина, по мнению Благого, определяется тем, что он был величайшим "поэтом действительности", явившим в своем творчестве мир в образах несравненной красоты и истинности.

Пушкин характеризуется и как глубокий мыслитель, подвергший критическому взору центральные проблемы исторического и политического развития России: власть и народ ("Борис Годунов"), государство и личность ("Медный всадник"), дворянство и крестьянство ("Евгений Онегин"). Вспроприятивший историзм поэта поклонился на исключительном внимании и — одновременно — взыскательности к человеческой личности.

Убедительный анализ поэтических образов, эстетических и этических идей Пушкина, несомненно, приводит читателя к согласию с тезисом ученого о том, что Пушкин вполнеправно ввел русскую литературу в качестве еще одной и значительнейшей национально-самобытной литературы в семью наиболее развитых к тому времени литератур западных.

Член-корреспондент АН УССР Л. Новиченко в книге "Тарас Шевченко" дает духовную биографию украинского поэта и художника, рисует историю становления и духовного развития человека. Личность Шевченко рассматривается в европейском культурном контексте — в блистательном кругу гениев, чья деятельность существенным образом формировала облик соответствующей национальной культуры и воздействовала на исторические судьбы народов. Шевченко ставится в один ряд с Пушкиным, Мицкевичем, Гейне, Петефи, Байроном, Гете.

Интересны наблюдения автора над эволюцией образа лирическо-

го героя шевченковской поэзии — от полуфольклорного народного певца в ранних стихотворениях к реалистическому образу поэта-трибуна, исполненного революционного гнева против угнетателей и стремящегося пробудить в самых широких народных мас- сах непреодолимое стремление к борьбе за свободу.

Ученые Академии наук Белоруссии филолог В. Чемерицкий, историк Г. Голенченко и искусствовед В. Шматов написали книгу об уроженце белорусского города Полоцка Франциске Скорине, выдающемся деятеле белорусской и восточнославянской культуры, основателе первой типографии в России.

Авторы раскрывают глубоко народные истоки мировоззрения белорусского первопечатника, гуманистическую и демократическую направленность его взглядов, его разносторонней деятельности. Со страниц книги отчетливо вырисовывается величественный образ подлинного просветителя, который самоотверженно стремился приобщить свой народ к выдающимся достижениям культуры и отдал все свои силы и талант простому человеку "для умножения знаний, мудрости и добрых нравов", для его духовного усовершенствования.

Большой интерес у западной общественности вызвал подготовленный МАИРСК и выпущенный в Париже на французском языке альбом "Деревянная архитектура и скульптура у славян". Это богато иллюстрированное издание, состоящее из очерков по белорусскому, болгарскому, польскому, русскому, словацкому, украинскому, чешскому, южнославянскому деревянному зодчеству и скульптуре, написанных видными специалистами-искусствоведами из славянских стран. Книга предоставила возможность широкому кругу западноевропейских читателей познакомиться с одним из самобытнейших явлений славянского искусства, все еще недостаточно известным на Западе. Повсеместно распространенная у всех славян техника дерева — одна из типичных черт славянской культуры.

Еще большее число читателей привлек сдвоенный номер журнала "Курьер ЮНЕСКО" (сентябрь–октябрь 1978 г.), посвященный истории и культуре славян от древности до наших дней и ставший как бы краткой энциклопедией знаний о славянских народах. Номер был подготовлен по поручению Главной редакции журнала в Париже Советским комитетом МАИРСК. На его страницах выступили видные советские ученые Д. Марков, В. Королюк, И. Бэлза, Н. Толстой, Г. Литаврин, Ю. Асеев, Олжас Сулейменов, а также коллеги из славянских стран — А. Флакер, С. Вольман, Б. Суходольский, Д. Ангелов и др. Изданный на 19 языках, этот "славянский" номер "Курьера ЮНЕСКО", безусловно, явился для международной читательской аудитории новым импульсом в углублении знакомства с культурой славянского региона Европы. В текстовом и иллюстративном материале нашли отражение крупнейшие исторические события, идеально-художественные поиски, достижения науки и техники в славянских странах.

Важной формой работы МАИРСК является организация высту-

вок самого разного характера — от книжных, приуроченных к научным встречам, до крупных фотоэкспозиций, подготавливаемых по заказу Секретариата ЮНЕСКО. Такова, в частности, XV передвижная выставка ЮНЕСКО "Искусство славян", впервые показанная в сентябре 1985 г. в Софии участникам Генеральной конференции ЮНЕСКО. Национальные разделы выставки готовились соответствующими комитетами МАИРСК, главными же координаторами и создателями ее общей концепции были Советский и Болгарский комитеты. О масштабности этой экспозиции и широте охвата материала говорит уже ее проблемно-тематическая структура:

1. Искусство южных и восточных славян (Первое Болгарское государство, Киевская Русь, Сербия и Византия);
2. Искусство славян и Западная Европа (романская культура, готика, Возрождение, барокко, классицизм);
3. Искусство южных славян в XIII—XV вв.;
4. Искусство восточных и западных славян в XV—XIX вв.;
5. Искусство рукописной книги у славян;
6. Средневековая традиция в искусстве южных славян и западноевропейское искусство XVI—XIX вв.;
7. Искусство славян в XX в.

На выставке также двумя сериями цветных диапозитивов были представлены народное, декоративно-прикладное искусство, средневековая икона и монументальная живопись. Выставка будет демонстрироваться во многих странах — членах ЮНЕСКО.

МАИРСК сотрудничает с рядом родственных международных объединений, прежде всего с Международным комитетом славистов (МКС), Международной ассоциацией по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ) и др. Так, например, в содружестве с МАИЮВЕ в 1978 г. в Москве и Киеве был проведен коллоквиум "Византийская культура и славянский мир", где ученыe 10 стран рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с художественной культурой народов Юго-Восточной Европы IX—XVII вв. Большое научное и политическое значение имел совместный симпозиум МАИРСК и МАИЮВЕ "Деятели культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в сопротивлении фашизму", прошедший в сентябре 1983 г. в Москве. Исторический опыт антиоенного и антифашистского движения, обладающий непреходящей ценностью для современной борьбы за укрепление мира и безопасности народов, был рассмотрен сквозь призму жизни и творчества прогрессивных деятелей культуры, искусства, науки, просвещения, активно, а порой и героически выступавших против фашистской идеологии и практики.

Большое значение для успешной работы всей ассоциации имеет издаваемый ею Информационный бюллетень. Первый выпуск его вышел в 1977 г. в Париже на русском и французском языках и содержал официальные документы, относящиеся к реализации Славянского проекта ЮНЕСКО.

Учитывая важность постоянного печатного органа для работы МАИРСК, улучшения координации деятельности ее национальных комитетов, а также придавая исключительное значение своевременной информации специалистов в области славянских культур, Бюро

МАИРСК в 1979 г. приняло решение издавать Информационный бюллетень на русском, французском и английском языках два раза в год (объем выпуска от 4 до 6 печатных листов). Практическое осуществление этой ответственной задачи было возложено на созданную при Институте славяноведения и балканистики АН СССР группу информации и документации МАИРСК, возглавляемую секретарем ассоциации В. Злыдневым. Издание Информационного бюллетеня МАИРСК — исключительно важный вклад советских ученых; Академии наук СССР в планомерную, эффективную и строго координируемую деятельность ассоциации.

Главная задача бюллетеня состоит в том, чтобы содействовать координации деятельности национальных комитетов ассоциации и дальнейшему углубленному изучению и распространению славянских культур в славянском и неславянском мире, как указано в Положении о бюллетене. Бюллетень является безгонорарным изданием и рассыпается более чем в 30 стран — в национальные комитеты МАИРСК, научные славистические центры, отдельным ученым, в национальные библиотеки, в центры международных ассоциаций, занимающихся смежной с МАИРСК проблематикой. Среди его авторов — ученые самых различных специальностей: историки культуры и истории, литературоведы и лингвисты, фольклористы и искусствоведы, этнографы и философы из 25 стран — членов ЮНЕСКО. Общий тираж трех языковых изданий бюллетеня, составлявший в 1983 г. 800 экземпляров, ныне поднялся до 1000 экз. В случае необходимости тираж увеличивается.

Постоянные рубрики бюллетеня дают возможность знакомиться с текущей деятельностью национальных комитетов МАИРСК, славистических центров и обществ, решениями Бюро и Генеральной Ассамблеи ассоциации. В разделе "Научные конференции и симпозиумы" в вышедших к настоящему времени выпусках охарактеризованы тематика и основные итоги более 70 научных встреч, как двусторонних, так и многосторонних. Центральной по научной значимости является рубрика "Издания по славянским культурам", где до настоящего времени отрецензировано свыше 200 коллективных трудов, монографий, библиографических указателей, публикаций, охватывающих практически весь спектр тематики, разрабатываемой ассоциацией. В некоторых рецензиях дается обзор целых серий и многотомников ("Советско-польские отношения" в 10 т., "Русская художественная культура конца XIX—начала XX в." в 4 т., двухтомник "Славянские культуры и Балканы", "История чешского театра" в 4 т., "История русской литературы" в 4 т., "История Украинской ССР" в 10 т. и др.). Если говорить о странах, представленных в этих рецензиях, то положение таково: книги советских авторов — 80, книги ученых европейских социалистических стран — около 90, книги западных авторов — более 30. Постоянно ведется рубрика "Знаменательные даты в истории культуры славянских народов", где помещаются материалы, приуроченные к соответствующим юбилейным датам, краткие биографические сведения о крупнейших

деятелях славянской культуры, сжатые характеристики важнейших событий в истории славянских народов. Эти сообщения — их уже опубликовано более 50 — сопровождаются библиографией новейших изданий.

Информационный бюллетень МАИРСК уже получил высокую оценку на страницах научной прессы — в белорусском журнале "Вісці АН БССР", в Бюллетеене Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, в болгарском "Проблеми на културата", в украинском "Радянське літературознавство", в чехословацкой "Славии", а также в подробном обзоре в журнале "История СССР", посвященном деятельности МАИРСК и ее Советского комитета⁹.

Для всей деятельности МАИРСК характерно неуклонное стремление к объединению представителей различных научных дисциплин, к интеграции наук в процессе изучения славянской культуры, к внедрению и совершенствованию методики комплексного исследования культуры. Президент МАИРСК академик Д. Марков писал: "Мы рассматриваем культуру как феномен комплексный, и она требует к себе комплексного подхода. В понятие культуры входят: просвещение, наука, художественная культура. В свою очередь, если возьмем только художественную культуру, мы видим в ней ряд дифференцированных сфер: литературу, живопись, театр, музыку, архитектуру. Эта дифференциация настолько глубокая, что каждая из указанных сфер имеет и свою науку. Принципы комплексного изучения культуры состоят в том, чтобы видеть и ее исторические типы как определенные целостности и вместе с тем видеть внутри их отдельные сферы, а в этих отдельных сферах — художественные индивидуальности, стили, жанры и т.д."¹⁰.

Последовательно проводимая в течение многих лет идея комплексного изучения славянских культур позволяет ныне ассоциации вплотную приступить к созданию фундаментальных "Очерков истории культуры славян", опираясь на опыт и достижения предшествующего десятилетия. Это будет синтезирующий проблемно-исторический труд, подготовленный исследователями различных стран — славянских и неславянских — и раскрывающий основные концепции, историю и тенденции развития славянской культуры, основанный на всей накопленной человечеством сумме знаний в этой области. В освещении процессов развития славянской культуры предполагается учет всего комплекса проблем, куда входят формирование и развитие отдельных славянских народов и регионов, взаимодействие и взаимовлияние славянских и неславянских культур. История культуры славян должна быть показана в контексте мировой культуры. "Очерки" будут единым целым, серией томов, посвященных историческим периодам развития славянской культуры от ее зарождения до наших дней в хронологической последовательности. Они адресованы широким кругом образованных читателей и вместе с тем будут представлять научную и общепознавательную ценность для специалистов гуманистического профиля.

Хронологические рамки семи томов "Очерков" следующие:

Том 1. От истоков славянской культуры до конца XIII в. (координатор — Советский комитет МАИРСК).

Том 2. От XIV в. до второй половины XVIII в. (Польский комитет).

Том 3. XVIII—первая половина XIX в. (Чехословацкий комитет).

Том 4. Славянские культуры второй половины XIX в. (Украинский комитет).

Том 5. Конец XIX—начало XX в., включая период первой мировой войны (Болгарский комитет).

Том 6. Период после первой мировой войны до победы над фашизмом во второй мировой войне (Югославский комитет).

Том 7. Период после окончания второй мировой войны до наших дней (Белорусский комитет).

Дополнительный, 8 том будет специально посвящен вопросу о культуре славян в неславянском мире, представлениям о славянских культурах, существовавшим на протяжении истории в неславянских странах. Координационная работа по этому вопросу поручена Итальянскому комитету МАИРСК.

Научно-теоретическому, методологическому и организационному обеспечению "Очерков", главного объекта ассоциации на ближайшие годы, три тома которых курируют советские ученые, была посвящена очередная конференция МАИРСК в Праге 4—7 ноября 1986 г.

Опыт десятилетнего сотрудничества славистов из славянских и неславянских стран в МАИРСК под эгидой ЮНЕСКО убедительно свидетельствует о плодотворности проведения совместных конференций и симпозиумов, осуществления совместных изданий и выставок, служащих распространению знаний о многовековой славянской культуре, о духовном вкладе славян в мировую цивилизацию, о традиционных культурных связях славянских народов с народами различных регионов Европы, Азии и Америки. Сотрудничество славистов в рамках Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур — конкретный вклад ученых в развитие современных гуманитарных контактов, в укрепление взаимного доверия между народами. Роль и значение советских ученых в этом процессе общепризнаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. — Вопросы истории, 1973, № 10, с. 81.

² Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв. М., 1978.

³ Славянские культуры и Балканы. Т. 1—2. София, 1978.

⁴ Goethe und die Welt der Slaven.

⁵ Slavische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Berlin, 1982.

⁶ Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международ-

- ный контекст. Киев, 1982.
- ⁷ Dante i slavenski svijet. Zagreb, 1984.
- ⁸ Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1985.
- ⁹ Буганов В.И. Важный вклад в изучение славянских культур (О деятельности Международной ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур). — История СССР, 1984, № 2. с. 198—205.
- ¹⁰ Марков Д.Ф. О некоторых методологических проблемах комплексного изучения истории культуры славянских народов. — В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1985, с. 11.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барокко в славянских культурах. М., 1982.
- Бернштейн С.Б. Константин — философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
- Благой Д. Александр Пушкин. Париж, 1981 (на англ. яз.).
- Бэлза И.Ф. Исторические судьбы романтизма и музыка. М., 1985.
- Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма: Проблемы жизни. Теория. Поэтика. М., 1981.
- Вервес Г.Д. Адам Міцкевич. Життя і творчість. Київ, 1979.
- Генезис и развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (от истоков до 1917 г.). М., 1978.
- Древний Новгород: история, искусство, археология. Новые исследования. М., 1983.
- Жолтовський П.М. Український живопис XVII—XVIII ст. Київ, 1978.
- Збор помникаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць. Мінск, 1984.
- История русского искусства: В 2 т. Т. 2. Кн. 1. Искусство второй половины XIX века. М., 1980.
- История русской литературы. Т. 1—4. Л., 1980—1983.
- Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979.
- Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. XVIII—XIX вв. М., 1985.
- Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830—1910 гг. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982.
- Кишкин Л.С. Миколаш Алеш и чешская культура. М., 1978.
- Конон В.М. От Ренессанса к классицизму. Становление эстетической мысли в Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1978.
- Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII—начала XIX в. М., 1983.
- Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982.
- Лихачев Д.С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М., 1984.
- Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Л., 1985.
- Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983.
- Марцелев С.В. Художественная культура Белоруссии на современном этапе. Минск, 1978.
- Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX—XVII вв. 2-е изд., М., 1984.
- Мыльников А.С. Культура чешского Возрождения. Л., 1982.
- Никольский С.В. Две эпохи чешской литературы. М., 1981.

- Новиченко Л. Тарас Шевченко. Париж, 1982 (на франц. яз.).
- Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. Духовная культура. М., 1979.
- Очерки русской культуры XVIII века. Часть 1. М., 1985.
- Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник.
- Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
- Полякова Л. Чешская и словацкая опера XX в. Кн. 1. М., 1978. Кн. 2, 1983.
- Поп И.И. Искусство Чехии и Моравии IX—начала XVI века. М., 1978.
- Русская художественная культура конца XIX—начала XX века (1895—1917). Кн. 1—4. М., 1968—1980.
- Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 1933—1939. М., 1983.
- Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы: Пути и специфика литературного развития в XIX в. М., 1983.
- Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Романтизм. М., 1983.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978.
- Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979.
- Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Указатель литературы 1970—1978 гг. Вып. 1—7. М., 1979.
- Славянские культуры и мировой культурный процесс. Указатель литературы 1970—1981 гг. Вып. 1—3. М., 1982.
- Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО. Киев, 1982.
- Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО. Минск, 1985.
- Свирида И.И. Польская художественная жизнь конца XVIII—первой трети XIX в. М., 1978.
- Солнцева Л.П. Театр Чехии и Словакии. М., 1977.
- Софронова Л.А. Польская театральная культура эпохи Просвещения. М., 1985.
- Степовик Д.В. Болгарське образтовче мистецтво. 1878—1978. Київ, 1978.
- Стернин Г.Ю. Русская художественная культура второй половины XIX—начала XX века: Исследования, очерки. М., 1984.
- Титова Л.Н. Чешский театр эпохи национального Возрождения. Конец XVIII—первая половина XIX в. М., 1980.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
- Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.
- У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984.
- Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
- Черемицкий В., Голенченко Г., Шматов В. Франциск Скорина. Париж, 1979 (на франц. и англ. яз.).
- Шевченківський словник: У 2 т. Т. 1. А—Мол. Київ, 1976; Т 2. Мол.—Я. 1977.
- Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. Т. 1. Мінск, 1984.

АВТОРЫ СБОРНИКА

Асеев, Юрий – доктор архитектуры, проректор Киевского государственного художественного института. Автор работ по древнеславянскому зодчеству, в том числе монографии “Древний Киев, X–XVII вв.”.

Бэлза, Игорь – доктор искусствоведения, председатель Дантовской комиссии АН СССР. Автор многочисленных работ по истории славянской и западноевропейской музыки, в том числе монографий: “Шопен”, “О музыкантах XX века”, “Скрябин” и др.

Вервес, Григорий – член-корреспондент АН УССР, председатель Украинского комитета по изучению и распространению славянских культур. Автор работ по истории украинской и польской литературы, межславянских культурных связей, в том числе монографий: “В інтернаціональних літературних зв’язках”, “Ярослав Івашкевич” и др.

Ешич, Момчило – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканстики АН СССР. Автор работ по проблемам социалистического культурного строительства, истории сербской литературы, в том числе монографии “Сербская сатирическая проза конца XIX–начала XX в. и некоторые вопросы теории сатиры”.

Злыднев, Виталий – доктор филологических наук, вице-президент Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Автор работ по истории болгарской литературы, славянским культурам XVIII–XIX вв., в том числе монографии “Русско-болгарские литературные связи XX века”.

Иванов, Вячеслав – доктор филологических наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканстики АН СССР. Автор многочисленных трудов по славянскому и балканскому языкоznанию, проблемам семиотики, в том числе монографий: “Исследование в области славянских древностей” (в соавторстве), “История славянских и балканских названий металлов”.

Королюк, Владимир (1921–1981) — доктор исторических наук.

Автор работ по проблемам древней истории и культуры славянских народов, славянского этногенеза, в том числе монографии "Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история".

Краснобаев, Борис (1923–1983) — кандидат исторических наук.

Автор работ по истории русской культуры и общественной мысли XVIII–XIX вв., в том числе монографии "Очерки русской культуры XVIII века".

Кузьмин, Михаил — кандидат исторических наук, заведующий отделом Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор работ по истории школы и образования в европейских странах, проблемам современной социалистической культуры, в том числе монографии "Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII–30-е годы XX в.)".

Литаврин, Геннадий — доктор исторических наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор работ по истории Византии, Болгарии, русско-византийских отношений, в том числе монографий: "Византийское общество и государство в X–XI вв.", "Проблемы истории одного столетия: 976–1081".

Лихачев, Дмитрий — академик, автор многочисленных работ по истории русской культуры, общественной мысли, литературы, искусства, в том числе монографий: "Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили", "Великое наследство", "Заметки о русском".

Марков, Дмитрий — академик, почетный президент Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Автор многочисленных трудов по истории славянских литератур, проблемам теории социалистического реализма, методологии изучения славянских культур, в том числе монографий: "Из истории болгарской литературы", "Проблемы теории социалистического реализма" и др.

Марцелев, Станислав — член-корреспондент АН БССР, директор Института искусствознания, этнографии и фольклора АН БССР, председатель Белорусского комитета по изучению и распространению славянских культур. Автор ряда работ по проблемам социалистической культуры, в том числе монографии "Художественная культура Белоруссии на современном этапе".

Миллер, Илья (1918–1978) — доктор исторических наук. Автор работ по социально-экономической и общественно-политической истории славянских народов, опубликованных в сборнике "Исследо-

вания по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.”.

Мыльников, Александр – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Автор работ по истории чешской культуры, межславянских культурных отношений, книговедению, в том числе монографии “Эпоха просвещения в Чешских землях, Идеология, национальное самосознание, культура”.

Никольский, Сергей – доктор филологических наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор работ по истории чешской литературы, проблемам художественного сознания и стилей, в том числе монографии “Карел Чапек – фантаст и сатирик”.

Пименова, Инна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор ряда работ по проблемам международного информационного обмена современной социалистической культуры.

Ритчик, Юрий – научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР, ученый секретарь Советского комитета по изучению и распространению славянских культур. Автор ряда работ по истории чешской культуры XIX–XX вв.

Смирнов, Лев – доктор филологических наук, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор работ по славянскому языкоznанию, в том числе монографии “Глагольное видеообразование в современном словацком литературном языке”.

Смирнов, Юрий – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор ряда работ по славянскому и балканскому фольклору, в том числе монографии “Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции”.

Софронова, Людмила – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор работ по истории славянской театральной культуры, в том числе монографии “Поэтика славянского театра XVII–первой половины XVIII в.: Польша, Украина, Россия”.

Сулайменов, Олжас – поэт, историк культуры. Автор поэтических сборников и исследований в области славяноведения и тюркологии, в том числе монографии “Аз и Я. Книга благонамеренного читателя”.

Толстой, Никита — член-корреспондент АН СССР, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР, председатель Советского комитета славистов. Автор многочисленных работ в области древнеславянских языков, литератур, культур, в том числе монографии "Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды".

Шерлаимова, Светлана — доктор филологических наук, заведующая сектором Института славяноведения и балканистики АН СССР. Автор ряда работ по истории чешской литературы, проблемам марксистской критики в социалистических литературах, в том числе монографии "Чешская поэзия XX века: 20—30-е годы".

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Сборник статей

Серия "Советские этнографические исследования", № 1

Редакция "Общественные науки и современность" АН СССР

Ответственный редактор *М. Гончарук*

Технический редактор *И. Шумилина*

Корректор *Н. Голубцова*

Сдано в набор 26.01.87. Подписано к печати 2.09.87. А-11581.

Формат 60×84¹/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,3.

Уч.-изд. л. 10,36. Тираж 2900 экз. Изд. № 1.590. Заказ 3018 Цена 65 к.

Главная редакция изданий для зарубежных стран издательства "Наука"

Москва, Мароновский пер., 26

**Отпечатано в Московской типографии № 9 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Волочаевская ул., 40**

В сборнике, подготовленном учеными Института славяноведения и балканстики АН СССР, раскрывается актуальность комплексных исследований в области истории культуры славянских народов на всем протяжении их исторического развития, и в особенностях на этапе социалистическом. Освещаются методы, формы и результаты международного сотрудничества ученых различных стран по реализации Славянского проекта ЮНЕСКО, предназначенного для углубленного изучения славянских культур и распространения объективных знаний о них в современном мире.

Издательство «Наука»